

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

ФОРУМ

2018. № 3 (3)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasil'eva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasil'ev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmína, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignat'eva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Йонг-Хван Парк, Ph.D, профессор, PAI CHAI UNIVERSITY (Корея)
Yong-Hwan Park, PhD, Professor, PAI CHAI UNIVERSITY (Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E.N., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Самотик Л.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Samotik L.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша).
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

- И.С. Добряева**
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ (КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩИЙ)
ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА
В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ (АВСТРАЛИЙСКОМ)
ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА
Г. ЛОУСОНА «MATE / MATESHIP»)
I.S. Dobryaeva
AXIOLOGICAL (CULTURE – FORMATIVE)
POTENTIAL OF THE ARTISTIC CONCEPT
IN THE TERRITORIAL (AUSTRALIAN) VERSION
OF THE ENGLISH LANGUAGE
(USING THE EXAMPLE OF THE STUDY OF H. LAWSON'
OWN AUTHORIAL CONCEPT OF "MATE/MATESHIP") [4]
- Е.В. Осетрова, Чэнь Кэюй**
КИТАЙ В МЕДИАКАРТИНЕ МИРА
E.V. Osetrova, Chen Keyuy
IMAGE OF CHINA IN MEDIA-PICTURE OF THE WORLD [20]
- Е.В. Парышева**
ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ
И РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ
СРЕДНЕЙ И СТАРШЕЙ ШКОЛЫ
E.V. Parysheva
STUDYING THE LANGUAGE ABILITY
AND SPEECH COMPETENCE
OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS [31]

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ THE PROBLEM OF LANGUAGE LEARNING

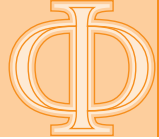
- Н.А. Непомнящих**
ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ:
КАК И ЧТО МЕНЯЛОСЬ В 1938–2015 ГОДЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ 2 КЛАССА
НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ)
N.A. Nepomniashchikh
RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOK CHANGES
IN THE YEARS OF 1938-2015
(BASED ON THE MATERIAL
OF TEXTBOOKS FOR ELEMENTARY SCHOOLS) [42]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LITERARY STUDY

- Т.А. Загидулина**
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УТОПИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
В ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА»
T.A. Zagidulina
REPRESENTATION OF A UTOPIAN WORLDVIEW
IN THE STORY OF L. ULITSKAYA «SONEЧКА» [64]
- Ю.Б. Кокоулина**
СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР: ПРЕДПОСЫЛКИ ЯВЛЕНИЯ,
ТЕХНОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ЭТАПЫ,
ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ
Y.B. Kokoulina
SOCIAL THEATER: THE PRECONDITIONS
OF THE PHENOMENON, THE TECHNOLOGY
OF REALIZATION AND ITS STAGES,
FORMS OF EMBODIMENT [73]
- В.А. Степанова**
МОТИВ УХОДА НА ВОЙНУ И ВОЗВРАЩЕНИЯ ВОИНА
В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА
V.A. Stepanova
THE MOTIVE OF GOING OFF TO WAR AND THE RETURN
OF THE WARRIOR IN V. RASPUTIN'S PROSE [87]
- Н.С. Цветова**
ТОПОС ХОРОВОДА
В МАЛОЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-СИБИРЯКОВ
N.S. Tsvetova
RING DANCE TOPOS IN SHORT-STORY PROSE
OF SIBERIAN WRITERS [95]
- Е.И. Шевчугова**
К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ И.А. ГОНЧАРОВА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ОБРЫВ»)
E.I. Shevchugova
AS REGARDS THE QUESTION OF I.A. GONCHAROV'
RELIGIOSITY (USING THE EXAMPLE OF THE NOVEL
«THE PRECIPICE») [108]

ДИСКУССИИ DISCUSSIONS

- О.А. Глушенкова, И.В. Сонич**
«МОНСТРАЦИЯ» КАК СЕМИОЗИС
ПОЛИТИЧЕСКОГО СИМУЛЯКРА ДЕМОНСТРАЦИИ:
ФЕНОМЕН ВОЗВРАЩЕНИЯ К РЕАЛЬНОМУ
O.A. Glushenkova, I.V. Sonich
«MONSTRATION» AS A SEMIOSIS
OF POLITICAL SIMULACRUM OF DEMONSTRATION:
THE PHENOMENON OF RETURN TO THE REAL [116]
- ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ [125]

УДК 81' 27

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ (КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩИЙ) ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ (АВСТРАЛИЙСКОМ) ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА Г. ЛОУСОНА «MATE / MATESHIP»)

И.С. Добряева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Процесс формирования ценностных установок является актуальной темой исследования в рамках глобального смешения культур в мультикультурном обществе как результат процессов миграции. *Цель* статьи – изучить аксиологический потенциал художественного концепта «Mate / Mateship» в территориальном варианте английского языка и его способность влиять на создание ценностных установок социума, а также механизм манифестации, репрезентации и трансляции культурных ценностей в рамках мультикультурного общества.

Проблема языковой вариативности, понятие и социальные функции национального варианта языка рассматриваются в работах А.Д. Швейцера, Л.Б. Никольского, Л.П. Крысина, Ю.Д. Дешериева, Е.Б. Гришаевой, М.И. Исаева, Н.Б. Вахтина и др. История развития австралийского варианта английского языка рассматривается G. Leitner. Концептологические исследования, положенные в основу данной статьи, содержатся в работах В.И. Карасика, Н.А. Красавского, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, М.В. Пименовой, А. Вежбицка и др. Данное исследование базируется на социолингвистическом, когнитивно-дискурсивном, лингвокультурологическом методах и методе координированного управления культурными смыслами. В основу положена трехмерная модель лингвокультурного концепта В.И. Карасика.

Исследование социокультурного фона и особенностей лексико-семантической системы австралийского варианта английского языка позволило сделать выводы о значительном влиянии социально-экономических условий развития Австралии на формирование лексико-семантической системы ее языка. Австралийский вариант характеризуется производностью и неформальностью. Базовыми культурными ориентирами австралийского общества являются сосуществование, сотрудничество, справедливость.

Индивидуально-авторский концепт-образ Г. Лоусона «Mate» рассматривается как ключевой системообразующий этап процесса образования лингвокогнитивного концепта «Mate / Mateship». Понятийная составляющая является результатом дивергентного развития исходной британской лексемы «mate». В основе понятийного и образного компонентов находится категория «Буш». Ценностный компонент отражает тот идеал mate, который оказал влияние на формирование этноса австралийцев. К основным поведенческим ценностям созданного Г. Лоусоном героя можно отнести: выносливость, упорство, общительность, остроумие, верность, взаимопомощь и готовность делиться. Динамика концепта «Mate» проявляется в развитии его семантического содержания, что нашло отражение в появлении концепта-деривата – «Mateship». Развитие авторского концепта-образа «Mate» в рамках лингвокультурного концепта-символа «Mateship» происходит в направлении символизации

его семантических признаков и связано с их метафорическим и метонимическим развитием как средством адаптации концепта к меняющимся социальным условиям путем обогащения его новыми смысловыми признаками. В *заключении* делается вывод о том, что Австралия является ярким примером успешного создания формирующей нацию ценностей, направленных на передачу, поддержание и усиление национальной идентичности. Австралийский национальный вариант английского языка выступает средством консолидации и самоидентификации австралийской нации, отражением национальной идентичности австралийцев. Формирование концептуальной структуры в территориальном варианте языка основывается на дивергентом развитии семантического ядра заимствованной лексемы под влиянием новых социокультурных и экономических условий. Вклад автора статьи заключается в определении способов манифестации, репрезентации и трансляции ключевых ценностей австралийской культуры в исторической перспективе посредством изучения аксиологического потенциала художественных концептов «Mate / Mateship».

Ключевые слова: *языковая вариативность, семантическая дивергенция смыслового ядра, Австралия, мультикультурное общество, австралийский вариант английского языка, индивидуально-авторский концепт, концепт-образ, концепты «Mate / Mateship», Г. Лоусон, лингвокультурный концепт, ценностные смыслы, национальная концептосфера, аксиология культуры, трансляция ценностей культуры, национальная идентичность.*

Постановка проблемы. Изучение формирования ценностных установок современного общества является актуальным вопросом в эпоху глобализации и массового смешения культур в рамках единого общества. При перенесении языковой системы в новые социальные и географические условия происходят изменения в лексической и семантической системе исходного языка, преломление исходных ценностных смыслов и создание новых, в основе чего лежит взаимодействие нового сообщества с новой природно-географической средой в условиях новой социально-экономической системы. Важным фактором становления национального самосознания, наряду с языком, является национальная литература. В данной статье рассматривается процесс становления и трансляции ценностных смыслов и взаимного влияния литературных образов и культурной среды, а также, в какой мере ценности общества влияют на литературу и, наоборот, как литература национального варианта языка формирует ценностные ориентиры общества и какова роль и влияние языка-эталона.

Цель статьи – выявить особенности взаимодействия культурной среды и ценностного компонента авторского концепта в территориальном (австралийском) варианте английского языка, влияние ценностного компонента авторского концепта на формирование ценностных установок культуры, а также исследовать особенности формирования концепта в территориальном варианте языка и выявить способы манифестации, репрезентации и трансляции ключевых ценностных смыслов австралийской культуры с помощью авторских концептов Г. Лоусона «Mate» и «Mateship» в их развитии и адаптации к меняющимся социально-культурным условиям.

Обзор научной литературы по проблеме. Проблема языковой вариативности, понятие и социальные функции национального варианта языка рассматриваются в работах А.Д. Швейцера [Швейцер, 2008; 2009], Л.Б. Никольского [Швейцер, 1978],

Л.П. Крысина, Ю.Д. Дешериева (1988), Е.Б. Гришаевой [Гришаева, 2005], М.И. Исаева [Исаев, 1982], Н.Б. Вахтина [Вахтин, 2004] и др. История развития австралийского варианта английского языка рассматривается в G. Leitner [Leinter, 2004]. Концептологические исследования, положенные в основу данной статьи, содержатся в работах В.И. Карасика [Карасик, Слышкин, 2001], Н.А. Красавского [Красавский, 2008], З.Д. Поповой, И.А. Стернина [Попова, Стернин, 2010], М.В. Пименовой [Пименова, 2006], А. Вежбицка [Вежбицкая, 1997; 2001; 2011; Wierzbicka, 2006] и др.

Методология (материалы и методы). В основе данного исследования находятся следующие методы: для осмысления экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на развитие языковой личности и формирование национально-культурного компонента в семантическом пространстве языка, используется *социолингвистический метод*; *когнитивно-дискурсивный метод* используется для исследования языкового сознания, он позволяет выйти на ценностные смыслы языковой картины мира через ментальные репрезентации знания; для изучения взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры с целью экспликации механизма создания, развития, хранения и трансляции культуры используются *лингвокультурологический метод* и *метод координированного управления культурными смыслами* [Леонтович, 2011], рассматривающий такие социальные и дискурсивные структуры, как класс, гендер, раса, формируемые как паттерны специфических коммуникативных действий.

Комбинация данных методов анализа позволила соотнести данные пространственного варьирования английского языка (австралийский вариант английского языка) с миром ценностных смыслов австралийской культуры посредством семантико-семиотического анализа концептуальной пары «Mate-Mateship». Ценностные смыслы в данном исследовании показаны через авторские концепты в литературных произведениях основоположника гражданской лирики Г. Лоусона. В основу исследования положена трехмерная модель лингвокультурного концепта В.И. Карасика.

Результаты исследования. Исследование социокультурного фона и особенностей лексико-семантической системы австралийского варианта позволило сделать выводы о значительном влиянии социально-экономических условий развития Австралии на формирование лексико-семантической системы ее языка. Особенностью формирования языковой системы австралийского варианта английского языка стала тенденция к объединению, нивелировке диалектов и уход от экзонормативности при формирующей (базовой роли) британского варианта английского языка. Изменения в лексико-семантической системе относительно британского варианта английского языка как языка-эталона были связаны с адаптацией к новым социальным, географическим, климатическим и экономическим условиям жизни в новой стране [Добряева, 2014].

Новая референтная культурная атрибуция оказала влияние на формирование национально-культурного компонента в семантическом пространстве национального варианта языка, причем доля лексики с национально-культурным ком-

понентом (австрализмов) в австралийском варианте английского языка является максимальной (12 %) по сравнению с остальными первичными территориальными вариантами полицентричного английского языка. Значимыми областями в концептосфере австралийского варианта английского являются области концентрации австрализмов: географические названия, флора и фауна, образ жизни, сельское хозяйство, вооруженные силы, преступный мир, – которые имели наибольшее значение как истоки формирования новой нации.

Помимо производности австралийского варианта, необходимо учитывать, что основу формирования нового варианта составили социальные диалекты и жаргоны Великобритании, что нашло отражение в лексико-семантической системе языка, в которой широко представлены лексико-семантические дивергенты, сленгизмы, коллоквиализмы, жаргонизмы и диалектизмы, что позволяет сделать вывод о неформальности как языка, так и общего социокультурного фона австралийской лингвокультуры.

Австралийский английский представляет собой яркий пример влияния общественной истории и культуры общества на его язык. Став национальным вариантом языка, он выступил в роли средства консолидации и самоидентификации австралийской нации, отражения ее формирующегося самосознания. Нивелировка диалектов и потребность в унификации, этническое и языковое разнообразие как условия формирования новой нации, ее гетерогенность и поликультурность привели к появлению таких базовых культурных ориентиров, как сосуществование, сотрудничество, справедливость.

Авторские концепты, созданные в художественных произведениях, оказывают существенное влияние на формирование концептосферы языка и национального самосознания. Индивидуально-авторский (художественный) концепт представляет собой трансформацию культурного концепта в соответствии с мироощущением автора, что выражается в семантической девиации существующего культурного смысла. Однако авторский концепт-образ «Mate», вербализующийся заимствованной из британского варианта лексемой «mate», не имел одноименного лингвокультурного концепта. В связи с этим имела место не семантическая девиация авторского концепта относительно традиционного лингвокультурного концепта, но создание нового концепта на основе заимствованной британской лексемы «mate», семантические компоненты которой получили дивергентное развитие, отражающее историю взаимодействия двух культурных сред – британской и австралийской [Добряева, 2014; Dobryeva, 2016]. Понятие «концепта-образа», в основе которого лежит термин Е.Б. Гришаевой «слова-образы» [Гришаева, 2011; 2014], подчеркивает важную роль художественных образов для формирования ценностных ориентаций и позволяет исследовать его аксиологический (культуроформирующий) потенциал.

Произведения Г. Лоусона, основоположника гражданской лирики Австралии, представляют собой эпос формирующейся нации, который заложил основы этики, морали и ценностей, связавших австралийское общество. Своим творчеством

Г. Лоусон описал прошлое Австралии и сформировал ее будущее, создав между ними прочную связь, послужившую основой для формирования национального самосознания новой нации [Grishaeva, 2018].

Индивидуально-авторский концепт Г. Лоусона «Mate» рассматривается как ключевой системообразующий этап процесса образования лингвокогнитивного концепта «Mate / Mateship», оказавший влияние на формирование ценностных смыслов, лежащих в основе становления лингвокультурной парадигмы молодой австралийской нации.

Анализ понятийного компонента авторского концепта-образа «Mate» базируется на этимологическом сопоставительном анализе лексем «mate» и «friend». Результаты анализа показали то, что исходная британская лексема «mate», в отличие от «friend», была лишена указаний на высший и средний классы общества и на социальную институционализацию, указывала на такое внеклассовое состояние, как неудача и путешествие в поисках работы, не была распространена в литературе XVIII–XIX веков, имела менее развитую словообразовательную парадигму. Понятийная составляющая рассматриваемого концепта-образа «Mate» является результатом дивергентного развития исходной британской лексемы «mate», которая была переосмыслена Г. Лоусоном в произведениях. На этапе сопоставления наполнения семантических категорий в лексикографическом (тезаурус П. Роже) и текстовом источниках (произведения Г. Лоусона) делается вывод, что важной составляющей понятийного компонента авторского концепта-образа «Mate» является буш как сложная климатическая и природно-географическая зона, требовавшая выносливости и присутствия напарника.

Буш противопоставлен цивилизации, техническому прогрессу и городу и является квинтэссенцией, эквивалентом Австралии и «австралийскости». Bush (Outback, Never-Never, No man's land) – это внутренняя пустынная часть Австралии, удаленная от побережья, с изнуряющим климатом, в котором засухи чередуются с периодами затяжных дождей. Буш – это страна мужчин, в противоположность стране женщин *women and girls' country*. Путешествовать в буше в одиночку было очень опасно. Дополнительными (антропоцентричными) компонентами являются страх (*dark and dismal scrubs*), опасность (*plains like a sea*) и необходимость делиться (*short of tucker and tobacco, of sugar and tea*).

Частотными являются лексемы «track», «tramp» и «travel» (*hump the bluey*), которые также используются метафорически, для того чтобы обозначить:

1) способ что-то делать: *There were only two tracks open to him now: either to give in or go on as he was going to shut himself out from human nature and become known as «Mean Wall,» «Hungry Wall,» or «Mad Wall, the Squatter».* – Перед ним было только два пути: продолжать в том же духе, выдавить из себя все человеческое и стать «Скрягой Уоллом», «Жадиной Уоллом», или «Сумасшедшим Уоллом, сквотером»;

2) будущее: *When the tracks lay divided before us – your path through the future and mine.* – Когда наши дороги разойдутся, – ты пойдешь своей дорогой, я – своей.

3) романтические отношения (ухаживания): *«I'm travellin' with her, that's all; and we're going to get married in two years!»* – «Мы с ней – пара, заруби себе на носу, а через два года мы поженимся!»

Категория «Equality» («Равенство») реализуется в следующих подкатегориях:

1) сила характера и физическая выносливость: mateship предполагает двух сильных людей, которые не сядут на шею друг другу;

2) одинаковое отсутствие денег (затруднительное положение) и стремление их заработать;

3) одинаковый статус работника, но необязательно одинаковое социальное происхождение: люди, которые могут быть напарниками-mates, – это travelers (сезонные рабочие, такие как стригали, которые переходят с фермы на ферму по мере того, как там заканчивается работа), fossickers (старатели на золотоносных рудниках):

*The College Wreck who sunk beneath,
Then rose above his shame,
Tramps West in mateship with the man
Who cannot write his name*

(студент-неудачник, который скатился вниз, но затем поднялся над своим позором, идет на Запад в поисках работы вместе с напарником, который едва умеет писать).

Категория «Auxiliary» («Помощник») реализуется в следующих подкатегориях:

1) помощь и поддержка как суть и смысл отношений mateship: *No need to thank a mate.*

To help a mate in trouble Jack would go through flood and fire.

He caught a fever nursing me, Jack Dunn of Nevertire. – Чтобы помочь своему товарищу, Джек был готов броситься в огонь и в воду.

Однажды, выхаживая меня, он сам подхватил лихорадку, таков был Джек Данн, которому все было по плечу;

2) обязательное равенство как условие принятия помощи, отказ от финансовой помощи в ситуации неравенства: *Not to accept help from more successful mates;*

3) сочувствие: *His sympathies are practical, Grin for a mate;*

4) драка (*To fight for a mate, To barrack*):

«But I'll tell you what I'll do: I'll find out for you, Andy. And what's more, I'll job him for you if I catch him!»

– «Слушай меня, Энди, я найду его. И скажу тебе больше, если я поймаю его, я поколочу его за тебя!»

Barracking: «I'm goin' to give you some points in case you've got to fight Mick; and I'll have to be there to back you!»

– «Я тебя научу некоторым приемам, если ты собираешься драться с Миком, и я буду там, и поддержу тебя!»

Accompanied as far as possible by the greatest possible number of friends «barrackers», so to speak (to barrack for smb – освистывать, громко высмеивать не-

удачливого игрока). – В сопровождении большого количества друзей, так называемой «группы поддержки».

В результате понятийный компонент концепта-образа «Mate» приобретает элементы гендерной принадлежности: драки, сила, выносливость. Добавляются компоненты искупления грехов и акцент на равенстве и взаимопомощи. Таким образом, концепт начинает выступать средством групповой самоидентификации.

Образный компонент авторского концепта «Mate» основан на эмоциональном отношении автора к создаваемому им герою, вследствие чего образ содержит определенную долю романтизации. В основе данного компонента находится категория «Буш», то есть сама Австралия, которая формирует характер mate, включая такие подкатегории, как «Климат», «Путешествие» и «Работа».

Категория «Путешествие» включает:

1) внутреннее отношение к путешествию, в отличие от внешней оценки, что связано с сочувствием к тяжести таких путешествий, подчеркиваются большие расстояния, сложные погодные условия и физическая усталость mates;

2) в данной категории путешествие в поисках работы рассматривается как метафорическое искупление, очищение, расплата за грехи:

Do you think, my old mate (if it's thinking you be)

Of the old days when you tramped to the goldfields with me?

Do you think of the day of our thirty mile tramp,

When never a fire could we light on the camp,

And, weary and footsore and drenched to the skin,

We tramped through the darkness to Cherry-tree Inn?

Думаешь ли ты, мой старый добрый друг (когда приходит время размышлений)

О старых временах, когда ты вместе со мной шагал к золотым полям?

Вспоминаешь ли ты тот день, когда мы прошли тридцать миль,

И не могли даже развести костра на привале,

Наши ноги были стертые, мы валились от усталости и промокли до нитки,

Когда уже полночь мы добрались до гостиницы Черри Три (Вишневое дерево)?

It's tramp an' tramp for tucker – one everlastin' strife,

And lived like a dog, as the swagman do, till the Western stations shore;

He ploughed in mud to his trembling knees, and paid for his sins Out Back. –

Иди что есть мочи, чтобы только поесть, – этот поход бесконечен.

Мы жили хуже собак, как бродяги – свэгмены, пока не дошли до ферм на Западном побережье.

Он шел по колено в грязи, его ноги дрожали от усталости, так он искупал свои грехи там, в пустыне Аутбэка.

Ah, then our hearts were bolder,

And if Dame Fortune frowned,

Our swags we'd lightly shoulder

And tramp to other ground. –

*Тогда наши сердца не знали страха,
И если Фортуна начинала хмурить брови,
Мы закидывали узелки на спину
И отправлялись на поиски удачи.*

Категория «Работа в буше»: работа в буше (Bushwork) была очень тяжелой и требовала партнера-напарника (mate), часто включала переходы на большие расстояния в буше (например, от одной овцеводческой ферме к другой). Bush mates – является общим термином (гиперонимом), в него включаются такие гипонимы, как: bush carpenters, shearers (shearing mates), rouseabouts, the selector, bullock drivers, gold miners (digging mates), drovers, fossickers. Все они являются путешественниками (travelers) в определенные периоды своей работы.

Второй мегакатегорией является «Relations» – «Отношения» (communication). Она связана с установлением и поддержанием групповой идентификации, включающей такие подкатегории, как: «Инсайдеры-аутсайдеры» (инклюзивность-эксклюзивность (in-group-out-group), «Общение», «Язык», «Алкоголь», «Правила и нормы поведения».

Категория «Инклюзивность-эксклюзивность» (in-group-out-group) включает обозначения членов и не-членов группы.

Члены группы: *chaps, chums, especial chum, cove.*

Аутсайдеры: *spiler, crawler, dude, gentlemen, crony 'whaler', jackaroos.*

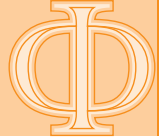
«Mate» в подавляющем большинстве случаев используется как термин- указание: «*His mate is alive!*», «*He is a mate of mine*», «*I'll smash any man that-that sais a word again' a mate of mine!*» – «Я прибую любого, кто плохо отзовется о моем друге!».

Как термин-обращение «mate» редко используется при внутригрупповом общении. Вместо него используются «Char» (come on, chaps), «old man», имя или кличка (Brummy and Swampy). В случае если «mate» используется как обращение членами группы, он вербализует такие эмоции, как благодарность, теплота, поддержка: «*It's Macquary, old mate!*».

Категория «Communication» (Общение)

Общение между mates характеризуется неформальностью и происходит в определенных местах, таких как привал возле походного костра на фоне кипящего котелка и жарящейся отбивной. Приятели – mates беседуют возле костра (yarn by the fire), читают стихи, поют песни и смотрят на звезды. Другим популярным местом общения mates является пивная, чаще всего при гостинице (the shanty). «*Not common-place polite conversation, you do not want to "talk pretty", do not have to mind your p's and q's.*» – Это вам не какая-нибудь скучная светская беседа, тебе не обязательно соблюдать формальности и правила этикета.

Yarn – это специфический жанр разговора по душам или рассказа. Это может быть разговор по душам с old mates «to see old mates and have a yarn». Обычно темами таких разговоров становятся работа в буше и общие знакомые. Yarns также могут представлять собой монологические высказывания «to tell a yarn».

Обычно это смешная история из жизни, содержащая значительную долю вымысла «*and lied like – like Australian bushmen*». «*The humour of his good yarns made atonement for the rest*».

Категория «Language» («Язык»)

Настоящий австралийский английский – это язык буша «*It's the bush growl, born of heat, flies, and dust*». Речь бушмена (Bushman) чаще всего неграмотна, с признаками диалектов (кокни или ирландских) «*An' if Jimmy uses doubleyou instead of ar an' vee, / An' if he drops his aitches, then you're sure to know it's he*». и множеством ругательств. Однако когда mates возвращаются в woman-and-girl's country, они перестают ругаться. Речь бушмена также включает профессиональный жаргон. «*An' she says that, when I'm sleepin, oft my elerquince'll flow / In the bullick-drivin' language ov the days o'long ago*». – «Она говорит, что во сне я разговариваю на языке погонщиков, которым я был в молодости».

Категория «Alcohol» («Алкоголь»)

Периодическое употребление алкоголя в пивных (periodic srees) является неотъемлемой частью жизни бушмена, помогающей разнообразить рутину буша и установить и укрепить взаимопонимание, доверие и уважение между напарниками – mates. В данном случае можно наблюдать еще один аспект равенства – равное состояние опьянения, поддерживающее баланс отношений. Трезвость одного из mates грозит нарушением этого баланса и невозможностью общения на равных. Существующая традиция покупки алкоголя для всех присутствующих в баре (shouting) говорит о щедрости и общительности mates, но часто приводит к растрате всех заработанных денег (checks).

Категория «Rules and norms of conduct» («Нормы и правила общения»)

Ключевым компонентом в отношениях mates является доверие: «*they hold him true who is true to one however false he be*», «*with seldom track a man can trust and mountain peak to guide, mateship is lost if there is no faith in each other*». – *Тот верен, кто верен одному, каким бы пройдохой он ни был, на равнине на которой легко заблудиться, нужен надежный товарищ, в тех краях, где нет надежды на дороги и холмы, mateship держится на взаимном доверии между mates.*

Еще одним правилом является необходимость делиться всем, от еды до проблем и трудностей: sharing, (share food, tobacco, hardships, sorrows, hopes, dreams, money).

Антикатегориями являются «Город» и «Прогресс».

«Город»: «*Shun the poison breath of cities, Go where you can breathe God's air and see the grandeur of the stars! Find again and follow up e old ambitions that you had*» – «Уйди из города, вернись туда, где ты можешь дышать воздухом и любоваться высотой неба и сиянием звезд! Вспомни свои мечты и следуй за ними!»

«Прогресс»: mateship связан с ранним развитием страны, временем до появления железных дорог, когда люди могли полагаться только на себя и своего mate, отправляясь в неизвестные земли. Техническая революция изменила австралийское общество. «*The flaunting flag of progress / Is in the West unfurled / The mighty bush with iron rails / Is tethered to the world*». «*Ah, them early days was ended when*

the reelroad crossed the plain, But in dreams I often tramp beside the bullick-team again». – «Развевающийся флаг прогресса поднят на Западе, и могучий буш железными рельсами связан с остальным миром». «Старые деньки закончились, когда по равнине прошла железная дорога, но в своих снах я все еще иду по равнине рядом со стадом».

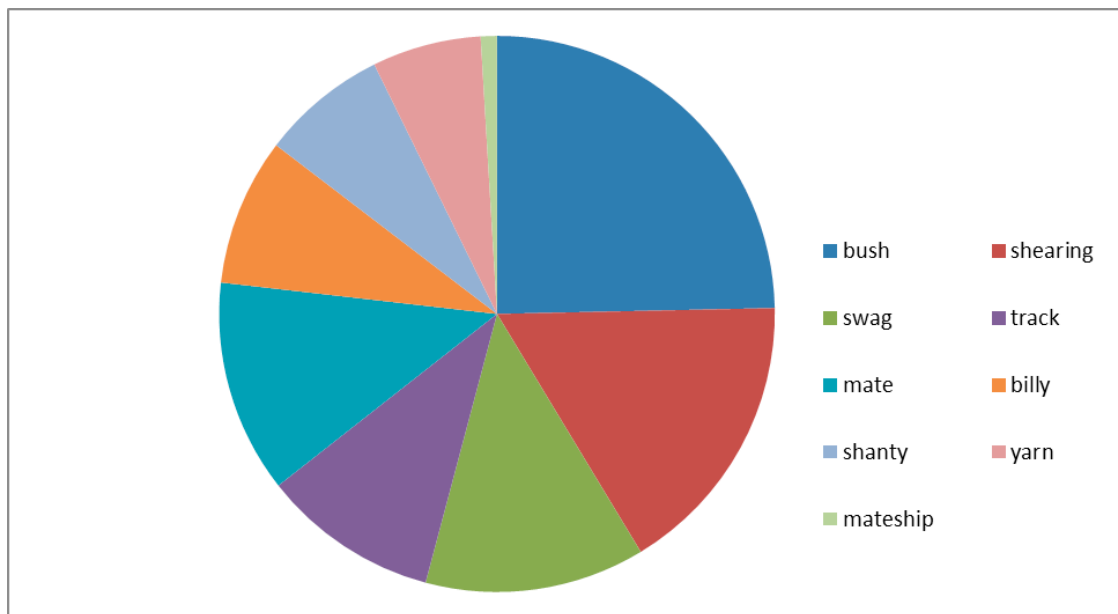

Рис. Частотный словарь лексики, вербализующей ядро авторского концепта-образа «Mate»

Ценностный компонент авторского концепта Г. Лоусона «Mate» отражает тот идеал mate, который создает автор и который оказал влияние на формирование этносознания и самоидентификации австралийцев. К основным поведенческим ценностям созданного Г. Лоусоном героя можно отнести: выносливость, упорство и общительность, остроумие, верность, взаимопомощь и готовность делиться. Равенство, свобода и независимость как универсальные человеческие ценности в понимании героя-mate формируют сущностно-смысловое ядро австралийской культуры.

Динамика концепта «Mate» проявляется в развитии его семантического содержания в рамках концептосферы австралийской нации, связанной с перемещением в новое культурно-языковое пространство, вследствие чего происходит расширение концептосферы типичного героя рассказов Г. Лоусона, благодаря овладению им новыми ценностными системами концептуализации действительности, что нашло отражение в появлении концепта-деривата «Mateship» как средства адаптации концепта к меняющимся социокультурным условиям.

В рамках концепта «Mateship» происходят расширение компонентов концепта-образа «Mate» и метафоризация созданного Г. Лоусоном образа «Mate». На первый план выходит групповая идентификация, которая расширяется до национальной идентификации, где mates – все австралийцы. Расширение компонента «Язык» происходит в направлении универсализации разговорной лекси-

ки и сленга. Компонент «Путешествие», сопровождавшееся трудностями переходов на большие расстояния в поисках работы в сложных погодных условиях, при метафорическом расширении можно рассматривать как движение к цели через трудности.

В компоненте «Общение» происходит символизация составляющих его элементов. Так, походный костер рассматривается как символический костер на привале. Традиционное времяпрепровождение австралийцев – барбекю – символизирует еду у костра и совместное употребление алкоголя на постоянных дворах. Компонент «Драка и поддержка своих товарищей» символизируется в спорте.

Трансформация ценностной составляющей осуществляется за счет перехода инструментальных ценностей в культурные ориентиры, мотивирующие и обуславливающие поведение австралийцев.

Таким образом, развитие авторского концепта-образа «Mate» в рамках лингвокультурного концепта-символа «Mateship» происходит в направлении символизации его семантических признаков и связано с их метафорическим и метонимическим развитием как средством адаптации концепта к меняющимся социальным условиям путем обогащения его новыми смысловыми признаками. Так, проходя через историю Австралии, данный концепт обогащался новыми смысловыми признаками, например «Война», ценность военного братства и военной солидарности.

Семиотическое развитие в концептологической паре «Mate-Mateship» происходит от субъективного образа-индекса «Mate» к объективному, понятному всем австралийцам символу «Mateship». На фоне свертывания понятийного (идиоматизации) и метафоризации образных компонентов данного концепта происходит эмфатическое усиление ценностного компонента, создающего рамки ценностного восприятия для представителей австралийской культуры.

В настоящее время концепт «Mateship» является ключевым концептом австралийской лингвокультуры, отражающим историю австралийского общества, его ценностные приоритеты, коллективные представления и нравственные идеалы и формирующим модели поведения. Он символизирует такие универсальные ценности, как свобода, равенство и дружба, соединенные с австралийским эгалитаризмом, солидарностью, упорством в достижении цели, поддержкой соотечественников и верой в себя, а также терпимость к другим, что исключительно важно в мультикультурном и полиэтничном государстве. Являясь частью повседневного дискурса, он поддерживается в сознании австралийцев лексемой «mate» в ежедневном приветствии «G'day, mate», являющимся основой сохранения самобытности австралийской культуры и самоопределения ее носителей.

Заключение. Австралия является ярким примером успешного создания формирующих нацию ценностей, направленных на передачу, поддержание и усиление национальной идентичности. Австралийский национальный вариант английского языка выступает средством консолидации и самоидентификации австралийской нации, отражением национальной идентичности австралийцев.

Культурные смыслы, выступающие регулятивами поведения носителей культуры и создающие концептуальные модели для интерпретации действительности, накапливаются и сохраняются в концептосфере ее языка и транслируются с помощью символов культуры, в качестве которых выступают национальные концепты. Они создают социокультурную смысловую рамку для рассмотрения других понятий и предметов и позволяют поддерживать целостность культуры.

Анализ концептосферы национального варианта языка должен учитывать производность лексики данного варианта от языка-эталона, что отражается на семантической структуре лексических единиц и проявляется в дивергенции семантического ядра исходной лексемы, происходящей при переносе лексической единицы в новые социокультурные, экономические и географические условия.

Авторский концепт «Mate / Mateship» основоположника гражданского направления в австралийской литературе Г. Лоусона является ключевым системообразующим этапом лингвокогнитивного и лингвокультурного процессов, лежащих в основе формирования лингвокультурной парадигмы молодой австралийской нации, которая прошла длительный путь от монокультурной стадии своего развития через маргинализацию к поликультурной стадии.

Механизм формирования лингвокультурного и лингвокогнитивного концепта «Mate / Mateship» отражает принципы действия закономерностей развития языка и общества и является тем средством, с помощью которого интериоризованные процессы воплощаются в дискурсивном сообществе, а материальные действия, напротив, подвергаются процессу интериоризации, приводя к формированию определенной, культурно-маркированной, запрограммированной в сознании отдельной языковой личности модели лингвокультурного обустройства.

В настоящее время «Mateship» является ключевым концептом полиэтничного и мультикультурного государства, символизируя такие универсальные ценности, как свобода, равенство и дружба, соединенные с австралийским эгалитаризмом, солидарностью, упорством в достижении цели, поддержкой соотечественников, верой в себя, терпимостью к другим. В нем заключена вся история австралийской нации, он включает в себя все основные сферы жизни австралийцев: природу, еду, спорт, политику, историю, отношения и др. Концепт-символ «Mateship» создает модель поведения австралийцев, поддерживаясь в национальном сознании лексемой «mate» в ежедневном приветствии «G'd day, mate», являющимся механизмом репрезентации, манифестации и трансляции ключевых ценностных смыслов в современном мультикультурном австралийском обществе.

Вклад автора статьи заключается в исследовании и анализе авторских концептов «Mate / Mateship» в литературных произведениях Г. Лоусона и исследовании их аксиологического (культуроформирующего) потенциала; исследовании исторической динамики наполнения концептуальной пары «Mate-Mateship» ценностными смыслами; определении способов манифестации, репрезентации и трансляции ключевых ценностей австралийской культуры в исторической перспективе с помощью концептов «Mate / Mateship».

Библиографический список

1. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 335 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с. (Малая серия: Язык. Семиотика. Культура).
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 576 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание Текст. М.: Русские словари, 1997. 342 с.
5. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / Ю.Д. Дешериев и др.; отв. ред.: Ю.Д. Дешериев, Л.П. Крысин. М.: Наука, 1988. 198 с.
6. Гришаева Е.Б. Мультикультурализм и языковая политика в Австралии. Красноярск: КрасГУ, 2005. 216 с.
7. Гришаева Е.Б. Слова-образы как выражение национальной культуры (на материале австралийского варианта английского языка) // Язык и культура. 2011. № 2. С. 5–12.
8. Гришаева Е.Б. Словесный образ «буш» как отражение природно-ландшафтной зоны Австралии // *Miscellanea Linguistica*. Саратов: Наука, 2014. С. 185–203.
9. Добряева И.С. Австрализм «mate» как лингвокультурный концепт // XXV Междунар. науч. конф., посвящ. году культуры в России. Томск: ТГУ, 2014. С. 68–74.
10. Исаев М.И. Социоллингвистические проблемы языков народов СССР. М.: Высшая школа, 1982. 168 с.
11. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 2001. С. 75–80.
12. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 373 с.
13. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 221 с.
14. Пименова М.В. Введение в концептуальные исследования. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. 178 с.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
17. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социоллингвистику: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1978. 214 с.
18. Швейцер А.Д. Литературный английский в США и Англии. М.: URSS: ЛКИ, 2008. 199 с.
19. Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика: теория, проблемы, методы. М.: URSS: Либроком, 2009. 174 с.
20. Grishaeva E.B. Civilian Trend in the Australian Literature as a Resource of National Moral Values // *Humanities & Social Sciences* 1. 2018. № 11. P. 71–79.
21. Dobryaeva I.S. Language Situation in Modern Australia // *Humanities and Social Sciences*, 2015. № 7. С. 907–915.
22. Dobryaeva I.S. Semiotic Development Potential of Henry Lawson's Individual Concept «Mate / Mateship» // *Humanities and Social Sciences*. 2016. (9 (№ 3)). С. 625–636.
23. Lawson H. Stories. URL: www.readonline
24. Leitner G. Australia's many voices: Australian English – The National Language. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2004. 396 с.
25. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 352 p.

Сведения об авторе

Добряева Ирина Сергеевна – старший преподаватель кафедры культурологии, Сибирский федеральный университет; e-mail: irena_do@rambler.ru

AXIOLOGICAL (CULTURE – FORMATIVE) POTENTIAL OF THE ARTISTIC CONCEPT IN THE TERRITORIAL (AUSTRALIAN) VERSION OF THE ENGLISH LANGUAGE (USING THE EXAMPLE OF THE STUDY OF H. LAWSON' OWN AUTHORIAL CONCEPT OF “MATE/MATESHIP”)

I.S. Dobryaeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The process of developing value orientations is topical in the context of global interpenetration of cultures as a result of the processes of migration in multicultural society. The purpose of this article is to study the axiological potential of the “Mate/Mateship” artistic concept in the Australian version of the English language and its capacity to influence the creation of society value orientations as well as the mechanism of transmission of cultural values in multicultural society.

The problem of language variation and the notion of a national version of a language are presented in the works of A.D. Shveitser, L.B. Nikolsky, L.P. Krysin, Yu. D. Desheriev, E.B. Grishaeva, M.I. Isaev, N.B. Vakhtin and others. The history of the Australian version of the English language development is described in the works of G. Leinter. Conceptual foundations of the present study can be found in the works of V.I. Karasik, N.A. Krasavsky, Z.D. Popova, I.A. Sternin, M.V. Pimenova, A. Wierzbicka.

The present study is based on sociolinguistic, cognitive-discourse, linguo-cultural methods and the method of coordinative management of cultural meanings. The three-dimensional model of lingua-cultural concept by V.I. Karasik is also used in the study.

The research of the socio-cultural background and the features of the lexis-semantic system of Australian variant of the English language allowed making the conclusion about the considerable influence of socio-economic conditions on the development of the lexico-semantic system of Australian English. The Australian version can be characterized as inclined to derivativeness and informality. The basic cultural guidance points of Australian society are co-existence, cooperation and justice.

H. Lawson's individual, authorial concept-image of “Mate” is viewed as a key system-forming element of the process of “Mate/Mateship” linguo-cultural concept- symbol development.

The notional component is the result of divergent development of the borrowed British “Mate” lexeme. The notional and image components are based on the “Bush” category. The value component represents the ideal of mate which shaped ethnic-self-consciousness and self-identification of Australians. The major behavioural values of a mate, created by H. Lawson are: endurance, persistence and communicativeness, quick wit, loyalty, mutual help and readiness to share. The dynamics of the “Mate” concept are reflected in the development of its semantic content which led to creation of a derivative concept of “Mateship”. The author's concept-image develops in the direction of symbolizing its semantic features and is connected with their metaphoric and metonymic development as means of adapting to the changing social conditions by means of enriching the structure of the concept by new semantic components.

The conclusion is made that Australia is a good example of efficient creation of the nation shaping values, aimed at transmitting, maintaining and enhancing national identity. The Australian national version of the English language became the means of consolidation and self-identification of the Australian nation, the reflection of the national identity of the Australians. The formation of a conceptual structure in this version of the language is based on divergent development of the semantic core of the borrowed lexeme as a result of new socio-economic conditions influence.

The author's contribution is in describing the ways of manifestation, representation and transmission of the key values of Australian culture in historical perspective by means of studying the axiological potential of the artistic concepts of “Mate/Mateship”

Key words: *versions of language, divergence of the semantic core, Australia, multicultural community, Australian version of the English language, individual author's concept, concept-image, “Mate/Mateship” concepts, H. Lawson, linguo-cultural concept, value component of meaning, national concept sphere, axiology of culture, transmission of cultural values, national identity.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Vakhtin N.B., Golovko E.B. Sotsiolingvistika I sotsiologia yazyka: uchebnoe posobie. SPb.: Gumanitarnaya Academia, 2004. 335 s.
2. Wierzbicka A. Ponimanie cul'tur cherez posredstvo kluchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2001. 288 s. (Malaya seria: Yazyk. Semiotica. Kultura).
3. Wierzbicka A. Yazyk. Kultura. Poznanie. M.: Russkie slovani, 1997. 342 s.
4. Wierzbicka A. Semanticheskie universalii I bazisnye kontsepty. M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2011. 576 s.
5. Vliyanie sotsial'nykh faktorom na funkcionirovanie i razvitie yazyka / Yu.D.Desheriev et al; otv red.: Yu.D.Desheriev, Дю3ю Krysin. M.: Nauka, 1988. 198 s.
6. Grishaeva E.B Multiculturalism i yazykovaya politika v Avstralii. Krasnoyarsk: KrasGU, 2005. 216 s.
7. Grishaeva E.B. Slova-obrazy kak vyrazhenie natsionalnoi kultury (na materiale avstraliskogo variant angliskogo yazyka) // Yazyk i kultura. 2011. № 2. P. 5–12.
8. Grishaeva E.B. Slovesny obraz “bush” kak otrazhenie prirodno-landshaftnoy zony Avstralii // Miscellanea Linguistica. Saratov: Nauka, 2014. S. 185–203.
9. Dobryaeva I.S. Australianism “mate” as a linguacultural concept // XXV Mezhdunar. nauch. conf., posvyasch. godu kultury v Rossii. Tomsk: TSU, 2014. P. 68–74.
10. Isaev M.I. Sotsiolingvisticheskie problem yazykov narodov SSSR. M.: Vysshaya shkola, 1982. 168 s.
11. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokulturny concept kak edinita issledovaniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki: sb. nauchn. tr. Voronezh: Izd-vo Voronezh State University, 2001. S. 75–80.
12. Krasavsky N.A. Emotsionalnye kontsepty v nemetskoy y russkoy lingvokulturakh. M. Gnozis, 2008. 373 s.
13. Leontovich O.A. Metody kommunikativnykh issledovaniy. M.: Gnozis, 2011. 221 s.
14. Pimenova M.V. Vvedeniye v kontseptual'nye issledovaniya. Kemerovo: Kuznassvuzizdat, 2006. 178 s.
15. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. M.: ACT: Vostok-Zapad, 2010. 314 s.
16. Popova Z.D., Strenin I.A. Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka. Monografia. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s.
17. Shveitzer A.D. Sovremennaya sotsiolingvistika: teoria, problemy, metody. M.: URSS: Librokom, 2009. 174 s.
18. Shveitzer A.D., Nikolsky L.B. Vvedenie v sotsiolingvistiku [Tekst]: uchebnoe posobie dlya institutov i fakultetov inostrannykh yazykov. M.: Vysshaya shkola, 1978. 214 s.
19. Shveitzer A.D. Literaturny angliiskiy v USA and Anglii. M.: URSS: LKI, 2008. 199 s.
20. Grishaeva E.B. Civilian Trend in the Australian Literature as a Resource of National Moral Values // Humanities & Social Sciences 1. 2018. № 11. P. 71–79.
21. Dobryaeva I.S. Language Situation in Modern Australia // Humanities and Social Sciences. 2015. № 7. C. 907–915.

22. Dobryaeva I.S. Semiotic Development Potential of Henry Lawson’s Individual Concept “Mate/ Mateship” // Humanities and Social Sciences. 2016. 9 (№ 3). С. 625–636.
23. Lawson H. Stories. URL: www.readonline
24. Leitner G. Australia’s many voices: Australian English – The National Language. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2004. 396 с.
25. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 352 p.

About the author

Irina S. Dobryaeva – Senior Lecturer, Department of Cultural Studies, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: irena_do@rambler.ru

УДК 811.161.1«37

КИТАЙ В МЕДИАКАРТИНЕ МИРА

Е.В. Осетрова, Чэнь Кэюй (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Исследование языковой картины мира идет через воссоздание отдельных формообразующих фрагментов, помогающих понять ее общую структуру и взаимосвязи. Языковой образ *Китая* – один из таких фрагментов, который является ключевым в медиакартине мира – том варианте языковой картины мира, который отражен в текстах средств массовой информации, или медиатекстах: российско-китайские отношения регулярно и массово обсуждаются на страницах современных периодических изданий.

Цель предпринятого анализа – поиск и общая характеристика семантических аспектов, которые определяют формирование медиаобраза *Китая*.

Обзор научной литературы по проблеме. Содержание и структура языковой картины мира, принципы и методы ее реконструкции, не говоря о самом ее определении, прочно заняли свое место в пространстве научной дискуссии и в рамках одноименной теории. Все эти проблемы обсуждаются в тексте статьи.

Методология (материалы и методы). Основным методом анализа в данном случае стал семантический анализ высказывания / текста, а материалом для наблюдений – текстовые фрагменты из российских газет, входящих в базу Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>), отобранные поисковой системой по ключевому слову *Китай*.

Результаты исследования. В результате в медиакартине мира, формируемой российскими печатными изданиями, *Китай* определен как субъект: 1) быстро, всеохватно, активно и интенсивно действующий в культурной, экономической и внешнеполитической сферах; 2) имеющий устойчивые связи прежде всего с *Россией* (отношения коагентивные – партнерские, сотруднические) и *США* (отношения контрагентивные – сопернические); 3) и по преимуществу положительно квалифицированный в рамках разнообразных языковых позиций (семантика предикатов, оценочные квалификативы, пропозиция характеристики, модус-позиция).

Выводы. Таким образом, формирование медиаобраза *Китая* происходит с учетом трех семантических аспектов: семантическая сфера, семантические роли и участники и, наконец, языковая оценка.

Авторский вклад в разработку обозначенной проблемы содержательно представлен в разделах *Результаты исследования* и *Выводы*.

Ключевые слова: *Китай, русская языковая картина мира, семантическая сфера, семантическая роль, оценка.*

П*остановка проблемы.* Представленный в данной статье анализ языкового образа *Китая* на материале медиатекстов российских печатных изданий развивает общепринятое представление о языковой картине мира как исходном глобальном образе мира, лежащем в основе мировидения человека, репрезентирующем существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющимся результатом всей духовной активности человека. «Картина мира <...> субъективный образ объективной реальности» [Постовалова, 1988, с. 21] (см. там же историю понятия [Постовалова, 1988, с. 12–18]).

Исследование языковой картины мира может предполагать целостный ее анализ или воссоздание отдельных фрагментов; показательны в этом отношении диссертационные исследования¹ и публикации, в частности [Яковлева, 1994; Осетрова, 2003]. Последний подход признан особенно плодотворным, поскольку позволяет через анализ разного рода ситуаций, деталей, оппозиций, семантических «сгустков», признанных формообразующими, восстановить общую структуру [Постовалова, 1988, с. 33; Цивьян, 1990, с. 5, 59, 70].

Языковой образ *Китая* следует признать одним из таких фрагментов, который является ключевым в текстах российской прессы последних десятилетий: российско-китайские отношения являются приоритетным направлением внешней политики России, влияют на социальную и экономическую жизнь населения, а потому регулярно и массово обсуждаются на страницах периодических изданий.

Рабочая *цель* на данном этапе – поиск и общая характеристика семантических аспектов – так называемых «диагносцирующих пятен» (в терминологии Т.М. Николаевой [Николаева, 1991, с. 73]), которые определяют формирование медиаобраза *Китая*.

Обзор научной литературы по проблеме. Актуальность исследования картины мира остро осознается в связи с разносторонним научным интересом к человеку и формированием антропоцентрического подхода в широкой области гуманитарных наук.

По каким бы различным критериям ни проводилась классификация картины мира, она не может не учитывать разделения на научную, или концептуальную, картину мира, отражающую объективную сущность и законы разнообразных явлений, и наивную картину мира, складывающуюся стихийно, в обыденной практике [Уфимцева, 1988, с. 117].

В границах последней выделяется и языковая картина мира – та часть картины мира, «которая опосредована языковыми знаками или даже шире – знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [Кубрякова, 1988, с. 144]. Одни авторы подводят это понятие под определение «модель мира» [Цивьян, 1990, с. 5; Шмелёв, 2002] или «этнокогнитивная» / «концептуальная» специфика языка [Арутюнова, 1999, с. 791, 794], другие отождествляют его с наивной картиной мира [Языковая картина мира..., 2006, с. 34]; многие дополняют научные дефиниции образными характеристиками, как то: «языковое мировоззрение», «душа языка» и т.п.

Содержание и структура языковой картины мира, принципы и методы ее реконструкции, не говоря о самом ее определении, прочно заняли свое место в пространстве научной дискуссии. Исследователи предлагают не только различные интерпретации «картины мира», но и всевозможные классификации этих «миров» [Перспектив..., 2004, с. 23].

¹ Башкова И.В. Грамматика восприятия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1995. 24 с.; Осетрова Е.В. Ситуация Манифестации Факта и ее воплощение в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1997. 24 с.

В данной работе учтены три трактовки обсуждаемого понятия:

– языковая картина мира как зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива *схема воспроизведения действительности* [Яковлева, 2000, с. 281–186];

– языковая картина мира как совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных *слов и выражений* языка, складывающаяся в единую систему взглядов [Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2005, с. 9];

– языковая картина мира как творческая интерпретация отдельных фрагментов и элементов концептуальной картины мира (а значит, явлений и предметов окружающей действительности) путем осмысления их структурных *взаимосвязей* на уровне языка².

Именно эти определения наиболее точно отражают собственные представления авторов статьи о языковой картине мира, вписываются в контекст данного исследования, а потому приняты здесь в качестве базовых.

Предваряя описание результатов исследования, обратим особое внимание на два момента – на фрагментарность как основной подход к реконструкции языковой картины мира, а кроме того, на зависимость ее содержания от речевой и шире – коммуникативной сферы, в которой оказываются говорящие и воспринимающие текст субъекты. В этом отношении применительно к каждому языку следует, видимо, выделять художественную, политическую, обыденную (бытовую и т.п.) картины мира. Этот вариативный ряд дополняет и так называемая медиакартина мира как языковая картина мира, отраженная в текстах средств массовой информации, или медиатекстах.

Методология (материалы и методы). Материалом наблюдений стали текстовые фрагменты из российских газет, входящие в базу Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>) и отобранные поисковой системой по ключевому слову *Китай*. Основным методом анализа стал семантический анализ высказывания и текста, главные понятия которого (диктум и модус, пропозиция, актант, квалификатив) представлены в «Семантическом синтаксисе» Т.В. Шмелёвой³.

Результаты исследования. На данном этапе наблюдений можно говорить о трех семантических аспектах, в границах которых развивается языковой медиаобраз Китая: 1) семантическая сфера; 2) актантная роль и 3) языковая оценка. Коротко охарактеризуем каждый из них.

1. Все исследованные фрагменты представляют Китай расположенным исключительно в социальном пространстве. Данное пространство детализируется, включая описания событий трех **сфер**: культурной, экономической и внешнеполитической; ср.:

В Англии есть старинная поговорка, гласящая, что для того, чтобы сделать истинного джентльмена, необходимы три поколения. Китай, как всегда, торопится. У китайцев, несмотря на древнейшую культуру, нет трех поколений, поэтому они хотят пройти долгий путь к джентльменству за один... ме-

² Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 279.

³ Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. 46 с.

сяц. На юго-востоке Поднебесной, в Шэньчжэне, подходит к концу смелый эксперимент. В городе, население которого превышает 10 миллионов человек, проходит месячник обучения горожан правилам хорошего тона и поведения (Комсомольская правда, 2014.07.22) – культурная сфера;

Китай в первую очередь воспринимается как покупатель российского сырья, в том числе и через участие в разработке крупных месторождений. Основные надежды на будущее «Мечела» аналитики и представители компании возлагают на проект Эльгинского месторождения <...> поставки угля в Китай в 2013 году уже увеличились вдвое по сравнению с предыдущим годом – теперь Китай занимает около 39 % в общем объеме продаж горнодобывающего дивизиона компании. В 2014 году компания планирует увеличить отгрузки в Китай еще на 20 %. Аналогичную ставку делают и в «Уралкалии» <...> У компании действует контракт с Китаем на экспорт (РБК Дейли, 2014.06.24) – экономическая сфера;

Аналогичная ситуация происходит с Вьетнамом и Филиппинами – с момента подписания военного соглашения США и Филиппин в 2014 году Китай неоднократно подвергается нападкам и провокациям со стороны соседей на тему спорных территорий в Южно-Китайском море (воды Южно-Китайского моря имеют большие запасы нефти и газа и являются спорной территорией для Вьетнама, Китая и Филиппин). Однако Вашингтон стремится позиционировать себя как защитника международных интересов, обвиняя Китай в нарушении Конвенции о морском праве и призывая его отозвать ПВО в Восточно-Китайском море, <...> подписывая Конвенцию ООН по морскому праву, Китай с самого начала высказал свою позицию и принял надлежащие оговорки в связи со своими историческими правами в регионе, поскольку любая страна имеет право не принимать некоторые части международного договора (РИА Новости, 2014.06.23) – внешнеполитическая сфера.

При этом две последние сферы оказываются в абсолютном приоритете в медиакартине мира, а в границах экономической сферы, кроме того, сделан акцент на трех пропозитивных типах, обозначенных здесь как: а) «торговая деятельность» (Китай как покупатель российского сырья; торговый оборот между странами [Китаем и Россией] будет расти; в 2012 году Китай и Япония торговали на 334 млрд, а в 2013-м – уже на 312 млрд); б) «промышленное производство» (размещение в Южно-Китайском море нефтяных платформ – очередной шаг Пекина; Китай <...> прекрасный партнер для совместного производства) и в) «космические технологии» (В конце 2013 года Китай запустил луноход, а к 2020 году планирует высадить человека на луну и построить собственную орбитальную станцию).

2. Ролевой потенциал Китая как значимого элемента языковых ситуаций довольно разнообразен:

– субъект, активно действующий в самых различных сферах: *Китай выделит на проект «Ямал СПГ» 20 млрд дол.* (РБК Дейли, 2014.05.23); *Китай производит лизин с большим количеством примесей* (Известия, 2014.07.08); *Китай поддер-*

жал Россию в аннексии Крыма (РБК Дейли, 2014.03.31). Иногда эта общая стертая метафора, осмысляющая государство как главного участника жизни общества, оживляется, и тогда Китаю приписываются свойства одушевленного субъекта, проявляющего себя также в сфере эмоционально-интеллектуальной: *Китай даже не подумал бы обижаться – другой менталитет* (Известия, 2014.06.23);

– бенефициент – субъект, заинтересованный в осуществлении ситуации и имеющий в результате этого выгоду либо ущерб; ср.: *Китай крайне заинтересован в продвижении своей продукции на наш рынок* (Известия, 2014.05.05); *Россия инвестирует в Китай* (РБК Дейли, 2014.05.27); *Китай неоднократно подвергается нападкам и провокациям со стороны соседей на тему спорных территорий в Южнокорейском море* (РИА Новости, 2014.06.23); *США и их союзники специально создают проблемы для Китая* (РИА Новости, 2014.06.19);

– посессор как субъект обладания: *Китай уже обладает необходимыми технологиями, чтобы обслуживать текущую потребность в серверном оборудовании* (РИА Новости, 2014.05.28); *В 1996 годы международные резервы Китая составляли только 100 млрд дол.* (РБК Дейли, 2014.04.16);

– локатив – с семантикой обстоятельства места: *В рамках двухдневного визита президента Владимира Путина в Китай было подписано большое число новых сделок и договоров* (Известия, 2014.05.28); *В среднесрочной перспективе объем поставок газа в Китай может быть сопоставим с объемами поставки газа в Европу* (Известия, 2014.05.19).

Анализ семантических ролей, которые язык предписывает Китаю к исполнению, заставил обратить внимание на один показательный факт.

В семантическом поле рядом с *Китаем* могут быть расположены различные участники межгосударственных отношений: *Аргентина, Бруней, Вьетнам, Филиппины, Южная Корея и Япония*; его сравнивают с *Бразилией, Индией и Южной Африкой*. Однако особенностью медиарепрезентации *Китая* в «русском варианте» является его прочное и частотное соединение с совершенно определенным набором соучастников-актантов. Эти семантические партнеры «сопровождают» *Китай* практически в каждом тексте; см. примеры:

Этот договор стоимостью 400 миллиардов долларов Путин использовал, чтобы смягчить попытки США и Европы с помощью санкций изолировать Россию. В ответ он разыграл китайскую карту, которая создает экономический и политический союз двух стран, способных бросить вызов американскому доминированию <...> Украинский кризис способствовал геополитическому сближению Китая, страны со стремительно растущей экономической мощью, и России, соседней страны с богатейшими природными ресурсами <...> Китай и Россия уже давно демонстрируют взаимопонимание на площадке ООН, где они нередко объединяются для того, чтобы блокировать западные инициативы (РИА Новости, 2014.05.25);

Вряд ли Запад будет сильно обеспокоен растущей кооперацией Пекина и Москвы, даже учитывая заявления председателя Си Цзиньпина о планах создания

новой региональной организации, которая включала бы Иран, но не США. Китай по-прежнему зависим от американского импорта, а Россия – от Запада. Рассчитывать на то, что Китай и Россия станут новым грозным союзом, который положит конец американской гегемонии, пока преждевременно <...> для Вашингтона основной занозой сейчас является Пекин, а не Москва. Именно поэтому Вашингтон должен использовать все скользкие стороны русско-китайского взаимодействия (а они, безусловно, есть, и существенные) для развития нового сотрудничества с Москвой (Известия, 2014.05.22);

Председатель КНР Си Цзиньпин в разговоре с президентом США Баракком Обамой заявил, что Китай выступает за политическое решение кризиса на Украине <...> Си Цзиньпин встретился с Обамой на полях саммита по ядерной безопасности в Гааге. В разговоре председатель КНР выразил мнение, что политическое решение кризиса на Украине соответствует интересам всех сторон. Он также заявил, что Китай поддерживает конструктивные попытки мирового сообщества, направленные на улучшение ситуации на Украине (РИА Новости, 2014.03.24).

Таким образом, российские издания поддерживают массового читателя в понимании прочных связей Китая (Пекина, Поднебесной) с Россией (Москвой), США (Вашингтоном) и Евросоюзом (Европой, Западом), которые представлены основными соучастниками его деятельности в политической и экономической сферах.

Россию следует признать **актантом-коагентом Китая**. Активность этих двух государственных субъектов описывается через пропозиции положительного взаимодействия с пространственной (сближение Китая и России; Китай и Россия <...> объединяются), ментальной (Китай и Россия <...> демонстрируют взаимопонимание; улучшение двусторонних отношений между Россией и Китаем) либо социальной (растущая кооперация Пекина и Москвы; программа сотрудничества двух спасательных ведомств [Китай и России]) семантикой.

Это представление о совместной деятельности названных субъектов настолько прочно, что, оформляясь в рамках логической пропозиции, приобретает статус устойчивой характеристики: Китай и Россия станут новым грозным союзом который положит конец американской гегемонии (Известия, 2014.05.22).

Последний фрагмент как раз демонстрирует, против кого объединены Россия и Китай: в качестве **контрагента** здесь описаны США (американская гегемония), а во вторую очередь – Запад; см. примеры: Китай и Россия <...> объединяются <...> чтобы блокировать западные инициативы; союз двух стран [Китай и России], способных бросить вызов американскому доминированию; планы создания [Китаем] новой региональной организации, которая включала бы Иран, но не США.

Впрочем, контрагентивность отношений описывается и реверсивно, когда в качестве субъекта, характеризующего проблематичность взаимоотношений, выведены США (Вашингтон): для Вашингтона основной занозой сейчас является Пекин.

При этом нельзя игнорировать и комментарии типа: Вашингтон должен использовать все скользкие стороны русско-китайского взаимодействия (а они, безусловно, есть, и существенные) для развития нового сотрудничества с Москвой; или: Китай по-прежнему зависим от американского импорта, а Россия – от Запада.

Подобного рода контексты заставляют сделать вывод о том, что на фоне базового распределения функций (Россия – союзник-коагенс, США и / или Запад – противник-контрагенс) медиакартина мира фиксирует амбивалентность взаимоотношений между названными участниками.

3. Понятно поэтому, что **оценка Китая** как элемента медиакартины мира может иметь положительный либо отрицательный знак; ср.: При расчете ВВП на душу населения Китай занимал 99-е место в мире, по-прежнему оставаясь очень бедной страной по сравнению с Америкой (Известия, 2014.05.05); В прошлом году Китай уступил этим странам [Бразилии и Индии] (РБК Дейли, 2014.05.27); и: Китай – это не только прекрасный партнер для совместного производства, но и огромный рынок сбыта (Известия, 2014.05.05); В Китае укрепляется экономика, растут зарплаты, Китай начинает не только производить, но и активно потреблять (Известия, 2014.05.19).

Несмотря на обозначенную выше разнонаправленность оценки в текстах о Китае, в приоритете оказывается положительный знак, который проявляется:

– в пропозициях событийного типа: Китай укрепил свои позиции: число домохозяйств выросло с 0,36 до 0,57 % (РБК Дейли, 2014.06.10); Китай уже обладает необходимыми технологиями, чтобы обслуживать текущую потребность в серверном оборудовании (РБК Дейли, 2014.05.28);

– в рамках пропозиций качественной характеристики, то есть более явно: Китай... становится экономическим гигантом (Известия, 2014.05.19); Россия инвестирует в Китай, потому что это самая динамично развивающаяся экономика мира (РБК Дейли, 2014.05.27); Китай сегодня считается одним из самых мощных в военном отношении государств (Известия, 2014.07.02);

– наконец, в модусной части высказывания: Подданные Поднебесной только согласно закивали бы головами: да-да, мы всего лишь развивающаяся страна. Именно так они упорно определяют себя последние 20–30 лет. Молодцы, конечно, всем бы поучиться такой стойкости и несокрушимой государственной воле (Известия, 2014.06.23).

Заметно, как эта «положительность» регулярно сопровождается и усиливается через маркеры количественности и интенсивности: В 1996 году международные резервы Китая составляли только 100 млрд дол. На то, чтобы обойти Японию, держателя крупнейших на тот момент ЗВР, КНР потребовалось десять лет: в 2006 году запасы страны превысили 1 трлн дол. Теперь же по объему резервов Китай превосходит своего азиатского соседа втрое: на конец первого квартала японский показатель составил 1,2 трлн дол., а китайский – 3,95 трлн дол. После нового увеличения золотовалютных запасов на Китай приходится поч-

ти треть от их общемирового объема (11,7 трлн дол.) (РБК Дейли, 2014.04.16); *К 2020 году Китай планирует увеличить группировку до необходимых 35 спутников, обеспечив всемирное покрытие* (РБК Дейли, 2014.06.30); *Объемы финансирования российских проектов Китаем будут только наращиваться, а банки активно продолжают свой рост* (Известия, 2014.05.28); *Китай очень активно осваивает южноамериканскую страну [Аргентину]... Китай вкладывает огромные деньги в создание трансокеанских коридоров* (Известия, 2014.05.13). На обозначенную оценку косвенным образом влияет еще одна характеристика действий описываемого субъекта – их очень высокая скорость, даже стремительность; например: *Член-корреспондент Российской академии космонавтики имени Циолковского Юрий Караиш, в свою очередь, считает, что Китай в скором времени может не только обогнать Россию по количеству запусков и потеснить на рынке коммерческой доставки грузов, но и занять место России в качестве второй космической державы. В 2011 и 2012 году Китай уже опережал по количеству ракетных пусков не только Европу, но и США... По темпам развития отрасли Пекин уже вышел на первое место в мире* (РБК Дейли, 2014.06.30).

Выводы. На данном этапе исследования авторы констатируют, что формирование медиаобраза *Китая* происходит с учетом трех семантических аспектов: семантической сферы, набора семантических ролей и участников; наконец, языковой оценки.

В результате в медиакартине мира, формируемой российскими печатными изданиями, *Китай* реконструируется как субъект:

- быстро, всеохватно, активно и интенсивно действующий в культурной, экономической и внешнеполитической сферах;
- имеющий устойчивые связи прежде всего с *Россией* (отношения коагентивные – партнерские, сотрудничество) и *США* (отношения контрагентивные – сопернические);
- и по преимуществу положительно квалифицированный в рамках различных оценочных языковых позиций и форм (семантика предикатов, оценочные квалификативы, пропозиции характеристики, модус-позиция).

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
3. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
4. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюзной науч. конф. М., 1991. Ч. 2. С. 73–75.
5. Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Русский язык сегодня: сб. ст. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2003. Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX века. С. 493–501.

6. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–86.
7. Проспект: Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2004. 135 с.
8. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 108–140.
9. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
10. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
11. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
12. Яковлева Е.С. О языковой картине мира в аспекте ее динамики: переосмысление старых значений // Слово в тексте и в словаре: сб. ст. к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 281–286.
13. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.

Сведения об авторах

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, филологический факультет, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@yandex.ru

Чэнь Кэюй – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: chenkeyu@yandex.ru

IMAGE OF CHINA IN MEDIA-PICTURE OF THE WORLD

E.V. Osetrova, Chen Keyuy (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem statement. The study of the language picture of the world proceeds through the reconstruction of individual fragments, which help to understand its general structure and interrelations. The linguistic image of China is one of those fragments in the media picture of the world – a version of the language picture of the world. It is reflected in media texts: Russian-Chinese relations are regularly and massively discussed on the pages of modern periodicals.

The purpose of the analysis is to find and generalize the semantic aspects that determine the formation of the media image of China.

Review of scientific literature on the problem. The content and structure of the language picture of the world, the principles and methods of its reconstruction, its definitions have taken their place in the space of linguistic discussion. All these problems are discussed in the text of the article.

Methodology (materials and methods). The main method of analysis in this case is the semantic analysis of discourse, and the texts for the observations are Russian newspapers included in the base of the National Corpus of Russian language (<http://ruscorpora.ru>) selected by the search engine for the keyword of China.

Research results. As a result, in the media picture of the world formed by Russian media, China is defined as the subject: 1) quickly, comprehensively, actively and intensively acting in the cultural, economic or foreign policy spheres; 2) having stable links primarily with Russia (partnership and cooperation relations) and the United States (rivalry relations); 3) predominantly positively qualified in a variety of language forms (predicates, evaluative adjectives, proposition of characterization, modus position).

Conclusions. Thus, the formation of the media image of China occurs taking into consideration three aspects: semantic sphere, semantic roles and "participants"; and, finally, linguistic assessment.

The author's contribution to the development of the outlined problem is presented in "Research results" and "Conclusions" sections.

Key words: *China; the Russian language picture of the world; semantic sphere; semantic roles; linguistic assessment.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Arutyunova N.D. Yazy`k i mir cheloveka. M.: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1999. 896 s.
2. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevy`e idei russkoj yazy`kovoj kartiny` mira: Sb. st. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2005. 544 s.
3. Kubryakova E.S. Rol` slovoobrazovaniya v formirovanii yazy`kovoj kartiny` mira // Rol` chelovecheskogo faktora v yazy`ke: Yazy`k i kartina mira / otv. red. B.A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1988. S. 141–172.
4. Nikolaeva T.M. «Sociolingvisticheskiy portret» i metody` ego opisaniya // Russkij yazy`k i sovremennost`: Problemy` i perspektivy` razvitiya rusistiki: dokl. Vsesoyuznoj nauch. konf. M., 1991. Ch. 2. S. 73–75.
5. Osetrova E.V. Sluxi v rechevoj i yazy`kovoj dejstvitel`nosti // Russkij yazy`k segodnya: Sb. statej / RAN. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik, 2003. Vy`p. 2: Aktivny`e yazy`kovy`e processy` koncza XX veka. S. 493–501.
6. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel`nosti cheloveka // Rol` chelovecheskogo faktora v yazy`ke: Yazy`k i kartina mira / otv. red. B.A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1988. S. 8–86.

7. Prospekt: Russkij ideograficheskiy slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushhem ego mire / pod red. N.Yu. Shvedovoj. M., 2004. 135 s.
8. Ufimceva A.A. Rol' leksiki v poznanii chelovekom dejstvitel'nosti i v formirovanii yazykovoj kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / otv. red. B.A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1988. S. 108–140.
9. Civ'yan T.V. Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira. M.: Nauka, 1990. 207 s.
10. Shmelev A.D. Russkaya yazykovaya model mira: materialy k slovarju. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 224 s.
11. Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya / otv. red. Yu.D. Apresyan. M.: Yazyki slavyanskix kul'tur, 2006. 912 s.
12. Yakovleva E.S. O yazykovoj kartine mira v aspekte eyo dinamiki: pereosmyslenie staryx znachenij // Slovo v tekste i v slovare: Sbornik statej k semidesyatiletiju akademika Yu. D. Apresyana. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 281–286.
13. Yakovleva E.S. Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira: (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatija). M.: Gnozis, 1994. 343 s.

About the authors

Elena Valeryevna Osetrova – Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Russian Federation; e-mail: osetrova@yandex.ru

Chen Keyuy – Undergraduate Department of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: chenkeyu@yandex.ru

УДК 81-114.4

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ И РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ И СТАРШЕЙ ШКОЛЫ

Е.В. Парышева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблеме изучения регионального языкового сознания носителей русского языка. На сегодняшний день языковое сознание носителей языка исследуется через анализ различных продуктов их речевой деятельности. Одним из таких продуктов является связный текст, служащий материалом для глубокого изучения таких компонентов языкового сознания, как языковая способность и речевая компетенция. В качестве исследовательской базы использованы тексты сочинений учащихся 6 и 10–11 классов одной из школ г. Красноярска. При анализе особое внимание уделяется количественному составу и предметной стороне письменного речевого произведения (по Н.И. Жинкину).

Цель работы: выявить специфику развития языковой способности и речевой компетенции учащихся средней и старшей школы на основе анализа количественного и предметного состава текстов сочинений.

В статье приводятся обзор научной литературы по проблеме, положения, выдвинутые А.А. Залевской, В.А. Пищальниковой, Л.О. Бутаковой, Е.Ф. Тарасовым, И.Н. Гореловым.

Исследование осуществлялось путем дискурсивной оценки текстов, собранных специально для эксперимента, в ходе которого школьникам предлагалось написать сочинения на заданные темы.

В результате анализа выявлено, что языковая способность и речевая компетенция изменяются и развиваются как в количественном, так и в качественном аспекте. Количество слов и предложений в тексте увеличивается, появляется тенденция к более сложному синтаксированию, анализу, синтезу и выражению оценки, использованию лексики различных пластов, включая книжные слова, а также к более логичному выражению замысла языковыми средствами.

Ключевые слова: *психолингвистика, школьники, речевая деятельность, языковое сознание, языковая способность, речевая компетенция, текст, предметная сторона текста, количественный состав текста.*

Постановка проблемы. Современная отечественная психолингвистика характеризуется интересом к языковому сознанию нации, этноса и к региональному языковому сознанию носителей языка, проживающих на определенной территории.

Изучение проблемы репрезентации языкового сознания достаточно широко представлено в научной литературе по психолингвистике. Большую часть работ составляют исследования с помощью ассоциативного эксперимента, в ходе которого языковое сознание изучается в аспекте отраженных в нем ценностей (Р.М. Фрумкина, Н.В. Уфимцева, С.П. Васильева). В частности, в монографии «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири» авторам удалось определить концептуальное ядро ценностей, характерных для

носителей русского языка, проживающих на данной территории [Васильева, Васильев и др., 2017]. Также в статье «Динамика ценностных смыслов ассоциативного поля «Мир» в региональном языковом сознании сибиряков» на основе анализа ассоциативного поля были выявлены наиболее значимые характеристики мира, приписываемые ему жителями Сибири [Васильева, 2017, с. 24]. Н.В. Уфимцева в статье «Жизнь как ценность: эволюция содержания» проанализировала изменения в содержании языкового сознания молодого поколения носителей русского языка и культуры в период с 1998 по 2011 г. по материалам Ассоциативных словарей русского языка на примере слова-стимула «жизнь» [Уфимцева, 2016, с. 15].

На сегодняшний день интерес для исследователей представляет также речевая деятельность ребенка в онтогенезе и в центре внимания чаще оказываются дошкольники и младшие школьники (Н.М. Юрьева). Механизмы текстопорождения носителей языка других возрастных групп изучены лишь в некоторых аспектах (О.П. Кормазина, Л.В. Величкова, А.П. Василевич и др.). В.Е. Гольдин и А. П. Сдобнова реализуют проект «Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика» и ставят перед собой задачу определить изменения в языковой картине мира молодого поколения (учащиеся 1–11 классов Саратова и Саратовской области) через 10–20 лет (впервые такой словарь был создан в 1998–2008 гг.), установить константы и переменные ядра языкового сознания [Гольдин, Сдобнова, 2017, с. 174].

Л.О. Бутакова работу «Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка» посвятила диагностике языковой способности и речевой компетенции школьников и студентов Омской области (исследование проведено в 2000–2010 гг.). В результате анализа она приходит к выводу, что речевое поведение учащихся средней школы отражает либо элементы письма с направленностью на литературную обработку, либо устное речевое поведение, связанное со смешением устной и письменной речи в одном тексте [Бутакова, 2010, с. 86]. Однако исследований, посвященных изучению репрезентации языковой способности и речевой компетенции как компонентов регионального языкового сознания жителей Красноярска и Красноярского края, не проводилось. В данной работе мы постараемся провести параллели с экспериментальным исследованием Л.О. Бутаковой.

Цель работы – выявить специфику развития языковой способности и речевой компетенции как компонентов языкового сознания учащихся средней и старшей школы г. Красноярска на основе анализа количественного и предметного состава текстов сочинений.

Обзор научной литературы. Как писал С.Л. Рубинштейн, «связь сознания и языка теснейшая и необходимая» [Рубинштейн, 2003, с. 37]. Язык, по его мнению, форма сознания человека как социального индивида. Но дать однозначное определение термину «языковое сознание» практически невозможно. В литературе существует два подхода к соотношению языка и сознания. Первый из них включает систему языковых знаков в составляющие сознания. Другой подход гласит, что единица сознания – это предметное значение, а язык – система таких значений, выражающихся и вербально в том числе [Леонтьев, 1993, с. 16].

А.А. Залевская в своих работах представляет глубокий анализ проблемы определения языкового сознания и отмечает, что некоторые исследователи используют как синонимически и взаимозаменяемые термины «языковое мышление», «речевое мышление» [Залевская, 2003, с. 30]. Некоторые исследователи (А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов, В.П. Зинченко) понятие «языкового сознания» (т.е. сознание, опосредованное значениями и смыслами) сближают с понятием «образ мира», что вовсе не делает понятия «языковая картина мира» и «образ мира» тождественными. *Образ мира* – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями (смыслами), соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии [Леонтьев, 1993, с. 18]. В то время как языковое сознание вербализует существующие в сознании многочисленные фрагменты действительности, запечатленные в образах. А.А. Залевская предлагает опираться на требующее доработки определение Г.В. Ейгера, рассматривающего языковое сознание как один из видов обыденного сознания, который является механизмом управления речевой деятельностью.

Л.О. Бутакова предлагает языковое сознание в рамках экспериментальных исследований понимать как некое моделирующее устройство, с помощью которого можно реконструировать опыт, знания, мнения, впечатления говорящих об определенных фрагментах действительности, сформированные в виде когнитивных структур [Бутакова, 2010, с. 10]. Большинство отечественных исследователей чаще обращаются к определению Е.Ф. Тарасова: «языковое сознание – совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2000, с. 26]. Психолингвистический анализ текстов, созданных на заданные темы, служит ценным материалом для моделирования компонентов языкового сознания индивида (либо группы индивидов) – языковой способности и языковой (речевой) компетенции [Бутакова, 2010, с. 13]. Текст, изучаемый в различных аспектах с точки зрения психолингвистики и когнитивной лингвистики, отражает характер развертывания языковой способности в онтогенезе и позволяет судить о состоянии речевой компетенции.

В научной литературе феномен *языковой способности* определяется как динамический, постоянно усложняющийся механизм, особенно подчеркивается его системность. Г.И. Богин пишет о том, что это потенциальная готовность носителей языка к пониманию и производству речи [Богин, 1984, с. 9]. А.А. Залевская определяет языковую способность как устройство для осуществления определенных процессов, обладающее возможностями (включая накладываемые на них ограничения), которые определяются материальным субстратом – мозгом [Залевская, 1977, с. 6]. Таким образом, языковая способность – это динамичная совокупность механизмов, имеющих когнитивную природу и осуществляющих вербальное отражение ментального содержания. *Речевая (языковая) компетенция* связана не только с потенциальной возможностью индивида вербализовать свои знания и умения, но и с осознанностью нормы и навыками ее реализации [Пищальникова, 2003, с. 15].

Методология. В нашем исследовании мы использовали метод моделирования работы речевого механизма человека и анализ продуктов речевой деятельности. В качестве исследовательской базы были взяты тексты сочинений учащихся 6 и 10–11 классов МБОУ СШ № 134 г. Красноярск. Всего собрано 104 сочинения, среди которых 63 было написано шестиклассниками, 41 – учащимися старших классов. В ходе эксперимента шестиклассникам предлагалось написать сочинение на тему «Я и мир вокруг меня», а учащимся 10–11 классов давалась на выбор одна из трех тем: «Как прекрасен этот мир, посмотри», «Я вчера, сегодня, завтра», «Один в поле воин».

И.Н. Горелов указывал на то, что содержание будущего высказывания конструируется раньше его формы выражения в речи. Как только индивид отбирает необходимые смысловые элементы и выстраивает связи между ними, происходит операция грамматического синтаксирования [Горелов, Седов, 2001, с. 69]. Формирование высказывания в рамках письменной речи специфично тем, что индивид не обладает дополнительными невербальными способами выражения смыслов – он вынужден использовать полный потенциал грамматических средств языковой коммуникации, опираться на наличие особых навыков, умений (грамотности) и знаний в области графического воплощения устного высказывания в текст.

В связи с этим Н.И. Жинкин основными *предметными компонентами* анализа текста называет: *отбор слов* (стилистическая окраска, широта словарного запаса, образность, эмоциональность и оценочность), *распространенность предложений* (сложность синтаксирования, осложненность), *порядок слов* (локальная связность, тема-рематическое членение) [Жинкин, 1998, с. 183–319].

Результаты исследования. Обратимся к анализу сочинений шестиклассников. Школьники часто используют конкретные имена существительные бытового характера (*дача, телефон, двор, велосипед, школа, мама, папа, сестра*), лексику, описывающую окружающий мир и природу (*горы, леса, море*). Абстрактные имена существительные встречаются очень редко (*милосердие, добро, жестокость, зло*) и в основном используются для описания явлений духовно-нравственной сферы жизни человека. С точки зрения стилистической принадлежности лексика в основном нейтрального и разговорного стиля (*велик, комп*), часто в рамках одного текста присутствует лексика различной стилистической окраски. Оценочность выражена просторечными словами и сочетаниями с оттенком неодобрительности (*по-свински, тыкать в телефон, забивать, хоть вешайся*), встречается молодежный сленг (*хайпить*), штампы (*каменные джунгли*) и их авторские модификации (*электрические джунгли*). Семантика глагольных лексем весьма неоднородна. Встречаются глаголы движения (*гулять, приехать, улететь, ходить*), бытия (*жить, умереть*), восприятия (*восхищаться, любоваться, увидеть, замечать*), речемыслительной деятельности (*думать, казаться, научиться, знать*), созидания / разрушения (*портить, творить, чинить, ломать*), глаголы отвлеченного действия в сочетании с именами существительными (*достигать цели, добиться результатов*). Помимо использования имен существительных с различными оттенками смысла, оценка

выражается с помощью имен прилагательных, наречий и словосочетаний (*хуже, лучше, плохое, больно видеть*). Актуализируются личностные смыслы на основе концептов *жизнь, добро, зло, город, природа, семья, дружба*.

Для синтаксирования и грамматической организации шестиклассники активно используют предложения: простые, осложненные однородными членами; есть попытки использовать деепричастные обороты, попытки построить сложноподчиненные предложения различных видов (изъяснительные, сравнительные, времени, адъективные, условия, уступки); частотны бессоюзные предложения и сложносочиненные с соединительными, противительными, разделительными союзами. Редко в качестве средства выразительности можно встретить сравнительные обороты (*Огни горят ночью, как пламя в глазах людей*).

Говоря о тема-рематической организации и о локальной связности высказывания, стоит отметить то, что некоторые активно используют такой прием, как параллелизм (*Кто-то покоряет мир, путешествуя на машине <...>. Кто-то летает на самолетах <...>. Кто-то, вовсе выйдя в просторы Интернета<...>*) и именная темы (*Мир. Огромный бескрайний мир окружает нас...*). Несмотря на это, во многих сочинениях нарушено членение текста на предложения и абзацы, отсутствует локальная связность, что приводит к отрывочности, нелогичности высказывания, перечислению несвязанных фактов, а также является показателем небольшого словарного запаса, простоты и бедности грамматической структуры (*На мой день рождение мы поедem в космик. Я люблю урок музыки и урок изо. Я люблю слушать музыку. Я ездила во Владивосток. Я люблю животных*).

Рассмотрим тексты сочинений старшеклассников. Имена существительные конкретной семантики встречаются гораздо реже (окно, зеркало), однако частотна абстрактная лексика и отвлеченные названия действия (*счастье, ущерб, настроение, гармоничность, спокойствие, прошлое, будущее, время, добро, зло*). Это может объясняться заданными темами сочинений, которые требуют актуализации слов определенных лексико-семантических групп. Среди глагольных лексем в основном глаголы восприятия и чувствования (*замечать, слышать, волновать, слышать*), глаголы речемыслительной деятельности выступают в качестве компонентов составных глагольных сказуемых и в сложноподчиненных предложениях изъяснительного типа для выражения собственного отношения к высказываемому (*полагать, говорить, описать, думать*). Также употребляются глаголы созидания / разрушения (*творить, создавать, топтать, развивать*). С точки зрения стилевой принадлежности в сочинениях старшеклассников также наблюдается смешение в одном тексте лексем различных стилистических пластов. Однако распространено использование книжных слов (*мироздание, нерушимый, деструктивный, объективный, творческий процесс, единство, стратегия, мировоззрение, приоритеты, судьбоносный*). Некоторые сочинения содержат элементы образности (*ладони земли*). Относительно редко встречаются штампы (*материальная обеспеченность*). Разговорные и грубо-просторечные языковые единицы и сочетания единиц чаще имеют оттенок неодобрения или презрения

(*вкалывать, отбитый пацан, отмороженный дурак, шариться ночами*), есть также элементы сленга и арготизмы (*отжимать деньги, понты*). В целом просторечная и разговорная лексика отличается большим разнообразием и экспрессией. Оценочность выражается как через использование лексического богатства языка (*лицемерие, подлость, ужасные условия*), так и через использование разнообразных грамматических структур. Актуализируются личностные смыслы на основе концептов *время, изменение, пространство, творчество, человек, красота*.

Для учащихся 10–11 классов в сочинениях характерна более сложная синтаксическая организация высказывания. Они часто используют вводные конструкции для выражения оценки и отношения к предмету речи (*к сожалению, к счастью*). Частотны сравнительные конструкции в качестве элемента образности и выразительности (*Синее небо отразится в глазах, как воздушный океан с белыми облаками*). С точки зрения структурной организации предложения в основном сложноподчиненные с придаточными различных типов (изъяснительные, сравнительно-сопоставительные, времени, местоименно-соотнесительные, условия, причины), активно используются предложения с разными видами связи (БП и ССП в сочетании с СПП): *О своем будущем молодые люди начинают задумываться в возрасте 15–17 лет, когда перед ними стоит выбор: уйти в техникум либо остаться до 11 класса и поступить в университет*. Сложносочиненные предложения чаще содержат отношения разделительные (*или, либо*), пояснительные (*а именно, то есть*) и противительные (*а, но*). Даже если в текстах встречаются простые предложения, они осложнены деепричастными (реже причастными) оборотами, однородными членами, вводными конструкциями. Широко используются вопросительные предложения в качестве средства выразительности и связи между высказываниями.

Для организации высказывания в целом старшеклассники прибегают к операциям анализа и синтеза, выдвижение тезисов сопровождается аргументацией, выявлением причинно-следственных связей между явлениями и событиями. Некоторые тексты характеризуются глубокой рефлексией и актуализацией личностных смыслов. Локальная связность поддерживается с помощью производных предлогов (*в результате*), вводных слов и сочетаний (*во-первых, во-вторых*). Большинство учащихся 10–11 классов четко понимают границы предложений, соблюдают абзацное членение и строят высказывание согласно микротемам.

Сравним полученные нами результаты с результатами работы Л.О. Бутаковой. Она также отмечает, что вербальный лексикон подростков отражает тенденцию к смешению элементов разговорной и книжной речи, некоторые школьники с расширенным словарным запасом используют слова из различных сфер социальной жизни, стремятся продемонстрировать свой кругозор, образно отражают действительность. Усложняются и синтаксические связи в предложениях, от простых предложений подростки переходят к осложненным (деепричастными оборотами, обращениями), сложносочиненным и сложноподчиненным. В то же время она отмечает, что в сочинениях наблюдается некоторая сумбурность пове-

ствования, вместо актуализации предметных, понятийных и оценочных компонентов пишущие просто перечисляют факты; также нарушается локальная связность, наблюдается неразграничение конца одного предложения и начала следующего. Похожие ошибки мы замечаем и в текстах сочинений красноярских школьников, преимущественно учащихся 6-х классов.

Количественный состав высказываний в тексте и сложность их соотнесения друг с другом – показатель объема оперативной памяти пишущего, сформированности операций синтаксирования и структурирования в рамках механизма языковой способности [Бутакова, 2010, с. 86]. В данном исследовании подсчет производился следующим образом: подсчитывалось общее количество слов в тексте, общее количество предложений в тексте, затем выводились усредненные показатели, выделялись максимальные и минимальные значения. В табл. 1 представлены результаты подсчета.

Таблица 1

Количественный состав высказываний в сочинениях 6 и 10–11 классов
The quantitative content of the texts written by the 6th and 10–11th grade students

Параметр	6 классы	10–11 классы
Среднее количество слов	108,7	164,6
Среднее количество предложений	9,4	12,4
Среднее количество слов в предложении	11,5	13,2

В результате анализа полученных данных было выявлено, что среднее количество слов в сочинениях старшеклассников намного превосходит тот же показатель в сочинениях шестиклассников (на 55,9). Однако расхождение между средним количеством предложений и слов в предложении не настолько велико и равняется соответственно 3 и 1,7. Следовательно, при общем увеличении среднего количества слов в тексте, количество предложений и слов в предложении увеличивается минимально, хотя при этом, как уже указывалось ранее, грамматическая структура высказывания усложняется. Не менее интересная закономерность выявляется при анализе минимальных и максимальных значений для данных параметров (табл. 2).

Таблица 2

Минимальное и максимальное количество слов, предложений и слов в предложении
Minimum and maximum of words, sentences, words within sentence

Параметр	6 классы	10–11 классы
Максимальное / минимальное количество слов	286/25	443/34
Максимальное / минимальное количество предложений	21/3	46/4
Максимальное / минимальное количество слов в предложении	26/6	26/7

Максимальное количество слов отличается на 157. При этом наименьшие различия были выявлены среди минимальных показателей: минимальное коли-

чество слов отличается на 9 единиц, минимальное количество предложений на 1, минимальное количество слов в предложении также на 1. Максимальное количество слов в предложении одинаково для обеих групп испытуемых.

Сравним полученные результаты с результатами, полученными Л.О. Бутаковой. В целом можно говорить о том, что сочинения шестиклассников г. Красноярска больше по объему (в среднем больше слов в тексте, больше предложений и слов в предложениях). Однако в текстах омских школьников встречаются высокие максимальные показатели слов в предложении (43 слова, 50 слов Омск – 26 слов Красноярск). В то же время это можно объяснить несформированным умением структурирования и синтаксирования, когда нарушается разделение текста на абзацы и предложения, что и приводит к неправильному тема-рематическому членению и избыточному наполнению предложения лексемами, не связанными грамматически, логически и по смыслу.

Результаты анализа показали, что количество слов и предложений в тексте увеличивается, появляется тенденция к более сложному синтаксированию, анализу, синтезу и выражению оценки, использованию лексики различных пластов, включая книжные слова, а также к более логичному выражению замысла языковыми средствами. Однако при общем увеличении количества слов в тексте количество предложений и слов в предложении возрастает незначительно. Это говорит о том, что даже при использовании более сложных средств грамматического структурирования, среднее количество слов в предложении остается практически на том же уровне.

Выводы. Для данной экспериментальной группы языковая способность и речевая компетенция изменяются и развиваются как в количественном, так и в качественном аспекте. Специфика развития феноменов языковой способности и речевой компетенции школьников заключается в том, что при общем усложнении грамматических структур и увеличении объема высказывания в целом частные параметры (количество слов в предложении и предложений) в их минимальном и максимальном выражении отличаются незначительно. При сравнении результатов нашего исследования с результатами, полученными Л.О. Бутаковой в 2010 г., было выяснено, что для учащихся средней школы сохраняется тенденция к смешению элементов устной и письменной речи в рамках одного текста, а для старшеклассников – к литературной направленности высказывания. Для старшеклассников также характерны рефлексия, эмотивность, оценочность и философское осмысление предложенных тем. При этом для учащихся 6 классов, чьи сочинения были проанализированы в рамках нашего исследования, наблюдается расширение объема высказывания по сравнению с респондентами Л.О. Бутаковой [Бутакова, 2010, с. 94].

Таким образом, моделирование работы речевых механизмов человека и анализ продуктов речевой деятельности в аспекте количественного и предметного состава высказывания помогают определить и описать специфику развития языковой способности и речевой компетенции как компонентов регионального языкового сознания.

Библиографический список

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. С. 9.
2. Бутакова Л.О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка (региональное экспериментальное исследование): монография. Омск: ОмГУ, 2010. 160 с.
3. Василевич А.П. Опыт оценки индивидуального словарного запаса // Вопросы психолингвистики / гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2016. № 1 (27). С. 71–75.
4. Васильева С.П., Васильев А.Д., Мамаева Т.В., Устьянцева Е.В. Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири: монография / отв. ред. С.П. Васильева; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 180 с.
5. Васильева С.П. Динамика ценностных смыслов ассоциативного поля «Мир» в региональном языковом сознании сибиряков // Политическая лингвистика. Екатеринбург. 2017. № 2 (62). С. 19–26.
6. Величкова Л.В., Абакумова О.В., Петроченко Е.В., Воропаева И.В. Проект «Психолингвистическое изучение звучащей речи» // Вопросы психолингвистики / гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2017. № 3 (33). С. 240–255.
7. Гольдин Е.В., Сдобнова А.П. Проект «Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика» // Вопросы психолингвистики / гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2017. № 4 (34). С. 174–187.
8. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. М.: Лабиринт, 2001. С. 69.
9. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998. 368 с.
10. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977. 83 с.
11. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики / гл. ред. А.А. Леонтьев. М., 2003. С. 30–35.
12. Кормазина О.П. Воспоминания о детстве: особенности жанра в аспекте возрастных различий рассказчиков // Вопросы психолингвистики / гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2016. № 4 (30). С. 283–288.
13. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / отв. ред. Тарасов Е.Ф. М., 1993. С. 16–22.
14. Пищальникова В.А. Психолингвистика и современное языковедение // Методология современной психолингвистики. М.; Барнаул, 2003.
15. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
16. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Уфимцева Н.В. М., 2000. С. 24–32.
17. Уфимцева Н.В. «Жизнь как ценность: эволюция содержания» // Вопросы психолингвистики / гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2016. № 2 (28). С. 15–19.
18. Уфимцева Н.В. Содержание ценности «жизнь» в языковом сознании при межкультурном общении // Вопросы психолингвистики / гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2017. № 4 (34). С. 116–123.
19. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики / гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2016. № 1 (27). С. 238–249.
20. Юрьева Н.М. Механизмы устного нарратива в детской речи: когнитивный подход // Вопросы психолингвистики / гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2016. № 3 (29). С. 285–295.

Сведения об авторе

Парышева Екатерина Викторовна – выпускница филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университета им. В.П. Астафьева; e-mail: cancog@bk.ru

STUDYING THE LANGUAGE ABILITY AND SPEECH COMPETENCE OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS

E.V. Parysheva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problem of describing the regional linguistic consciousness of the Russian language native speakers. At present linguistic consciousness of the native speakers is being studied through analyzing their speech activity products. Text is considered to be one of such products and serves as the material for profound research of such linguistic consciousness components as language ability and speech competence. Compositions written by students of the 6th and 10-11th forms of one of Krasnoyarsk schools were used as research material for the analysis. When analyzing the material, we paid essential attention to the quantitative and subject content of the written speech product (according to N. I. Zhinkin).

The purpose was to identify the specific features of the language ability and speech competence development of the secondary school students through analyzing the quantitative and subject content of their compositions.

The study was carried out through discourse assessment of the texts collected for the experiment when the school students had to write a composition choosing one of the suggested topics.

The analysis showed that the language ability and speech competence changed and developed within the quantitative aspect, as well as within the qualitative one. The number of words and sentences increased in senior forms, there was a significant tendency of using more complicated syntactical structures, resorting to analysis, synthesis, expressing assessment and judgment. The students of senior forms use the lexis of various stylistic levels, including the official language words, and express their intentions in a more logic way while using linguistic means.

Key words: *psycholinguistic, secondary school students, speech activity, linguistic consciousness, language ability, speech competence, text, subjective aspect, quantitative content.*

Bibliograficheskij spisok

1. Bogin G.I. Model' jazykovoj lichnosti v jejo otnoshenii k raznovidnost'am tekstov: dis. ... d-ra filol. nauk. L., 1984.
2. Butakova O.L. Dinamika razvitija jazykovoj sposobnosti i rechevoj kompetenciji nositelej russkogo jazyka (regional'noje eksperimental'noje issledovan'je): monografija. Omsk: OmGU, 2010. 160 s.
3. Vasilevich A.P. Opyt otsenki individual'nogo slovarnogo zapasa // Vosrosy psikholingvistiki / gl. red. Y. F. Tarasov. M., 2016. № 1 (27). S. 71–75.
4. Vasil'eva S.P., Vasil'ev A.D., Mamaeva T.V., Ust'jantseva E.V. Bazovyje tsennosti regional'nogo jazykovogo soznaniya russkih Prienisejskoj Sibiri: monografija / otv. red. S.P. Vasil'eva; Krasnojarsk. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'jeva. Krasnojarsk, 2017. 180 s.
5. Vasil'eva S.P. Dinamika tsennostnykh smyslov assotsiativnogo polja «Mir» v regional'nom jazykovom soznanii sibir'jakov // Politicheskaja lingvistika. Yekaterinburg, 2017. № 2 (62). S. 19–26.
6. Velichkova L.V., Abakumova O.V., Petrochenko Y.V., Voropaeva I.V. Proekt 'Psikholingvističeskoje izuchenije zvuchachshej rechi' // Vosrosy psikholingvistiki / gl. red. Y.F. Tarasov. M., 2017. № 3 (33). S. 240–255.

7. Gol'din Y.V. Sdobnova A.P. Proekt 'Assotsiativnyj slovar' shkol'nikov: stabil'nost' I dinamika' // Vosrosy psikholingvistiki / gl. red. Y.F. Tarasov. M., 2017. № 4 (34). S. 174–187.
8. Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psiholingvistiki. Uchebnoje posobie. M.: Labirint, 2001. 304 s.
9. Zhinkin N.I. Jazyk. Rech'. Tvorchestvo. M., 1998. 368 s.
10. Zalevskaja A.A. Problemy organizatsiji vnutrennego leksikona cheloveka. Kalinin, 1977. 83 s.
11. Zalevskaja A.A. Jazykovoje soznanije: voprosy teoriji // Voprosy psikholingvistiki / gl. red. A.A. Lont'jev. M., 2003. S. 30–35.
12. Kormazina O.P. Vospominanija o detstve: osobennosti zhanra v aspekte vozrastnykh razlichij rasskazchikov // Vosrosy psikholingvistiki / gl. red. Y.F. Tarasov. M., 2016. № 4 (30). S. 283–288.
13. Leont'jev A.A. Jazykovoje soznan'je I obraz mira // Jazyk I soznanije: paradoksal'naja ratsional'nost' / otv. red. Tarasov E.F. M., 1993. S. 16–22.
14. Pishchal'nikova V.A. Psiholingvistika i sovremennoe jazykovedenje // Metodologija sovremennoj. M.; Barnaul, 2003.
15. Rubinshtein S.L. Bytije i soznanije. Chelovek i mir. SPb.: Piter, 2003. 512 s.
16. Tarasov E.F. Aktual'nyje problem analiza jazykovogo soznanija // Jazykovoje soznanije i obraz mira. M., 2000. S. 24–32.
17. Ufimtseva N.V. Zhizn' kak tsennost': evoljutsija sodержanija // Voprosy psikholingvistiki / gl. red. Y.F. Tarasov. M., 2016. № 2 (28). S. 15–19.
18. Ufimtseva N.V. Soderzhanije tsennosti «zhizn'» v jazykovom soznanii pri mezhkul'turnom obchshenii // Voprosy psikholingvistiki / gl. red. Y.F. Tarasov. M., 2017. № 4 (34). S. 116–123.
19. Ufimtseva N.V. Jazykovaja kartina mira: problemy modelirovanija // Voprosy psikholingvistiki / gl. red. Y.F. Tarasov. M., 2016. № 1 (27). S. 238–249.
20. Jur'jeva N.M. Mekhanizmy ustnogo narrative v detskoj rechi: kognitivnyj podkhod // Voprosy psikholingvistiki / gl. red. Y. F. Tarasov. M., 2016. № 3 (29). S. 285–295.

About the author

Ekaterina V. Parysheva – graduate of Philological Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: cancor@bk.ru

УДК 808.2-5(075.8)

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ: КАК И ЧТО МЕНЯЛОСЬ В 1938–2015 ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ 2 КЛАССА НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ)

Н.А. Непомнящих

Аннотация

Проблема выбора учебников для школы среди множества существующих пособий актуализирована общественной и профессиональной дискуссией вокруг идеи «единого учебника», в связи с чем назрела необходимость рассмотреть, как именно менялись учебники по русскому языку на протяжении длительного времени. *Цель* обзора – получить представление, существуют ли принципиальные отличия в методиках преподавания в разные годы, если они есть, то в чем заключаются и каким образом могут влиять на освоение предмета, для чего потребовалось сравнить и сопоставить учебники прошлых лет с современными. Базой для исследования стали 12 учебников по русскому языку для 1 и 2 класса, изданные с 1938 по 2015 год. Аналитический инструментарий, то есть наблюдение, обобщение, анализ и интерпретация имеющихся данных, обращение к сравнительному и структурному *методам*, а также системный подход позволяют достичь поставленной цели. *В результате* исследования выявлено, что структура и тематика новых и старых учебников похожа и диктуется логикой изучения предмета, но материал в новых учебниках представлен совершенно иначе, чем в прежних. Основное отличие учебников прошлых лет в подходе к изложению материала и в «контенте», то есть в его содержательной части. Отличается все: и язык учебников, и методика, и формулировки правил, и типы заданий, и тексты упражнений, и графическое оформление. Во всех современных учебниках доминирует фонетический подход, вследствие чего объяснение правописания в некоторых случаях базируется исключительно на нем.

Ключевые слова: учебники русского языка, преподавание русского языка в начальной школе.

Обсуждение школьных учебных пособий в профессиональной среде стало вновь актуальным в связи с вопросом о введении единых учебников. Часто в дискуссиях оппоненты опираются лишь на личный опыт или апеллируют к эмоциональным оценкам, тогда как вопрос о том, чему и как учили, в каких формах, что и как менялось в учебниках на протяжении десятилетий, и менялось ли, требует предметного знания и опоры на факты. Сравнение учебников по русскому языку позволяет понять, как кардинально изменился подход к изучению языка, насколько иным стало их содержательное наполнение, которое не сразу заметно, поскольку в сегодняшних учебниках остается прежнее структурное членение материала и сохранены основные темы. Предметом выборочного рассмотрения стали учебники по русскому языку для 2 класса начальной школы с 1938 по 2015 год.

Учебники для начальной школы выбраны не случайно: именно в младших классах закладываются основы знаний по предметам. Кроме того, в современной ситуации, когда для большинства старших школьников учебник не играет столь основополагающей роли, как прежде, в силу доступности в Интернете са-

мых разных источников информации, для младшей школы учебник еще остается одной из главных книг по изучаемому предмету, учителя опираются в обучении именно на него.

Сравнение учебников проводилось по нескольким параметрам.

Структура учебника.

Содержание учебного материала.

Типы заданий в упражнениях.

Тексты упражнений:

а) соотношение стихи – проза;

б) авторы текстов: классики – прочие.

Графическое оформление.

Структура учебника

В целом содержание и структура курса «Русский язык» не претерпела каких-то принципиальных изменений на протяжении десятилетий и даже столетия, что обусловлено как устройством самой языковой системы, так и здравым смыслом: знакомство с языком начинается с букв, звуков, слов, предложений. Однако степень подробности изложения материала, а также формат его подачи, язык правил, их содержание изменились существенно. Отличия порою настолько ощутимы, что можно только удивляться, как под одной и той же «вывеской» может быть столь разное наполнение.

В учебнике П.О. Афанасьева и И.Н. Шапошникова¹ 1938 года издания содержание почти ничем отличается от содержания большинства современных учебников. Так, первая тема (параграф) – это «Предложение», вторая – «Связь слов в предложении», далее изучаются прописные буквы в словах, правила переноса слов, дается понятие о звуке, особенном положении *й, э, ь* на конце слов. В части, относящейся ко 2 классу, перечень тем тоже вполне традиционный: восклицательные и вопросительные предложения, гласные и согласные звуки, правописание *жи / ши, ча / ща и чу / шу*; звонкие и глухие согласные, ударение в словах и правописание безударных гласных и т.д. В учебнике 1951 года издания структура более дробная, а изложение материала намного детальнее: например, правописание каждой безударной гласной в корне: *а, о, е, я, и* – выделено в отдельный параграф. Ко всем темам есть либо отдельные параграфы «Повторение», либо этот материал повторяется в конце учебника. Особо хочется подчеркнуть простой язык и доступный стиль изложения. Нет длинных заголовков, которые теперь в учебниках встречаются все чаще. Сравните названия параграфов «Гласные и согласные звуки» (1938) и современная формулировка: «Произношение и обозначение на письме гласных звуков».

Если обратиться к учебникам для 1 класса, то отличие от современных программ станет гораздо более заметным. Так, например, учебник М.Л. Закожурниковой, Ф.Д. Костенко, Н.С. Рождественского «Русский язык»² (1965) начина-

¹ Афанасьев П.О. и Шапошников И.Н. Учебник русского языка для начальной школы (грамматика и правописание). М.: Учпедгиз, 1938. Ч. 1: 1 и 2 класс.

² Закожурникова М.Л., Костенко Ф.Д., Рождественский Н.С. Русский язык. Учебник для 1 класса. М.: Просвещение, 1965.

ется с цветной иллюстрацией – новогодней елки и рассказа о празднике, то есть до Нового года ребята учатся читать и писать, пишут в прописях, учебник им на начальном этапе не нужен. Конечно, такое длительное обучение письму связано было в том числе с тем, что этот процесс был трудоемким: необходимо было приноровиться писать чернилами и перьевой ручкой аккуратно. Однако сейчас школьник «по умолчанию» уже должен в 1 классе уметь писать, дошколят обучают этому на этапе «подготовки к школе», по факту формируя нулевые классы при школах для будущих первоклассников. Есть ли в этом необходимость? В упомянутом учебнике 1965 года все задания рассчитаны на нулевой уровень начальной подготовки: «составь слово из разрезной азбуки», «прочитайте по слогам, назовите гласные в первых слогах», «спишите и подчеркните гласные». Детей учат делить слово на слоги, правильно переносить слова по слогам, составлять небольшие связные устные рассказы по картинкам и отвечать на вопросы по прочитанным текстам из 3–5 предложений. В словах с «р» рекомендуется «правильно произносить букву “р”, в словах с *с / ш* – следить за их правильным произношением». Этот момент в подготовке существенен: к сожалению, из-за неразличения свистящих, шипящих звуков возникает потом путаница и на письме.

После изучения букв и звуков проходят правописание *ча / ща, чу / шу, жи / ши*, учатся ставить ударение, писать заглавную букву в именах и фамилиях, а также в кличках животных (это два разных параграфа). Потом следуют параграфы «Слова, отвечающие на вопросы *кто? что?* (названия предметов)»; «Слова, отвечающие на вопрос *что делает?* (название действий)»; «Слова, отвечающие на вопросы: *какая? какой? какое? какие?* (название признаков)». После них – еще два параграфа: «Предложение. Связная речь» и «Повторение пройденного за год» [Законжурникова, Костенко, 1965, с. 159].

Особо хочется отметить раздел в конце учебника «Картины для устных бесед», представляющий собою 8 цветных иллюстраций: «Москва» (2 картинки, на первой – дети на Красной площади, на второй – метро); «На стройке (изображена стройка панельного дома)»; «Спорт» (стадион, на котором многолюдно, идут детские спортивные соревнования); «В зоопарке» (два бурых медведя в глубоком просторном открытом вольере, на них смотрят дети); «Артек» (пионеры на берегу моря); иллюстрация к детской сказке о медведе без названия, ребята сами должны ее назвать; иллюстрация к «Дяде Степе», которую тоже дети должны сами идентифицировать. Закрывает учебник словарик с картинками к словам. Когда просматриваешь этот учебник сегодня, то понимаешь, что в наши дни его в лучшем случае использовали бы лишь для дошкольников, поскольку теперь от детей требуют знание всего изложенного в нем уже при поступлении в 1 класс. К сожалению, составители современных учебников, в отличие от авторов этого пособия, упускают столь важную задачу, как развитие речи ребенка, расширение словарного запаса: в учебниках нет соответствующих заданий или заметно уменьшилось их число, качество проработки самих заданий и т.д. В оформлении профессионально и грамотно используется цвет: материал не пестрит, четко структурирован, названия упражнений даны голу-

бым цветом, текст правил, перечисление букв (алфавит, гласные / согласные, глухие / звонкие, когда их нужно выделить в заголовках, тексте) даны красным, иллюстрации располагаются не на каждой странице и не «загораживают» материал, весь текст расположен строго над или под ними.

В целом структура учебников не изменилась со временем, однако можно отметить, что в старых учебниках материал рассматривался более детально, а заголовки формулировались проще и короче.

Содержание учебного материала. Типы упражнений

Основное отличие учебников прошлых лет заключается в подходе к изложению материала и, как теперь часто говорят, «контенту», то есть его содержательному наполнению. Отличается все: и язык учебников, и методика, и формулировки правил, и формы и тексты упражнений, и графическое оформление.

Как менялись подача материала, формат правил, методика, удобнее рассмотреть на примере одного правила. Пусть это будет правило о разделительных мягком и твердом знаках, поскольку оно дает возможность проанализировать сразу несколько аспектов. Объясняя правописание *ь / ъ*, необходимо растолковать ребенку, не владеющему еще знаниями о структуре слова, особенности употребления на письме этих знаков. Здесь возможны два подхода: идти от их функции – разделения звуков при произношении или написание в зависимости от букв, окружающих эти знаки на письме. В некоторых учебниках оба подхода совмещены, но в любом случае освоение этого правила требует от ребенка знаний о буквах и звуках, умения их различать, а для написания *ь* представлять также словообразовательную структуру слова. Поэтому правило позволяет увидеть ту концепцию «*буква / звук*», которая предложена на начальном этапе освоения букв и звуков, а также в целом сделать выводы об отличиях методик и проистекающих из них формах изложения материала и конкретных формулировках.

В учебнике П.О. Афанасьева, И.Н. Шапошникова 1938 года правило формулируется следующим образом: «Если согласный звук не сливается с гласным, то между ними пишутся разделительные знаки: *Коля – колья, сел – съел*» [Афанасьев, Шапошников, 1938, с. 44]. Заметим, что этот пример с Колей и кольями будет встречаться потом в правилах в разных учебниках вплоть до сегодняшнего дня, тогда как формулировки самого правила к 1990 годам кардинально изменятся. В учебнике не объясняют разницу между постановкой в словах *ь / ъ*. К параграфу прилагаются 6 упражнений, где на практике ребенок должен освоить правописание некоторых моделей. Первое упражнение – это недеформированный текст, в нем необходимо при списывании подчеркнуть в словах мягкий или твердый знак. Таких слов в тексте тринадцать: *ночью, в отъезде, осенью, на деревьях сучья, волчьей, волчье вытье, свинью, съели, подъем, Изъяново, объединные*. [Афанасьев, Шапошников, 1938, с. 44–45]. Таким образом, формируется навык видеть разделительные знаки внутри слова, а также включается мнемоника: запоминается графический облик слова.

В следующих упражнениях предложено выполнить задание по образцу. Дано слово в ед.ч., а нужно написать его во мн.ч., при этом в слове появляется мягкий

знак: *кол – колья, дерево – деревья* и т.п. В некоторых случаях нужно образовать отчества от имен, в которых также будет *ь*. В одном из упражнений нужно образовать формы притяжательных прилагательных с *ь*: *хвост лисий – нора лисья* и т.п. В двух упражнениях необходимо составить предложения со списком слов: в одном все слова с *ь*, в другом – с *ь*. Таким образом, усваивать различия между употреблением *ъ / ь* предлагается интуитивно, путем практической работы. Никаких дополнительных вопросов к учащимся учебник не содержит, на словообразовательных моделях, месте знака внутри слова в зависимости от его структуры, как это предлагается во многих современных учебниках, внимание не акцентируется. Предложенный метод вполне разумен для младшего школьника, впервые узнавшего о существовании таких знаков. Параграфом раньше излагался материал о роли мягкого знака в смягчении согласных с оговоркой, что в некоторых словах мягкость согласных с ним не связана.

В учебнике В.Г. Полякова и В.М. Чистякова 1951 года³ правописанию каждого знака отведен отдельный параграф. В параграфе «Мягкий разделительный знак» вниманию читателя вначале предложены примеры: *солю огурцы – солью воду; полю морковь – полью грядку; жду гостя – пришла гостья*, а также два предложения: «*Мы давно в городе живем. Охотники поймали волка живьем*». Ученикам задан вопрос: «Зачем пишется *ь* в выделенных словах правого столбика?» [Поляков, Чистяков, 1951, с. 90]. Далее следует правило, которое начинается так: «Разделительный *ь* пишется перед гласными *е, е, я, и*. Он показывает, что согласный звук не сливается с гласным» [Поляков, Чистяков, 1951, с. 90].

Следует также отметить, что сам параграф следует после тем, посвященных частям слова: корню, приставке, – хотя в правиле о мягком знаке это никак не отражено. Сразу за ним следом тема «Разделительный твердый знак». Здесь правило сформулировано с учетом структуры слова: «Буква *ъ* никакого звука не обозначает, пишется только после приставок перед гласными *е, е, я*, чтобы показать, что согласный приставки не сливается при произношении с гласным корня» [Поляков, Чистяков, 1951, с. 94].

К правилу о мягком знаке дано пятнадцать разных упражнений, к правилу о твердом знаке – пять. Стоит отметить, что формы заданий в них разнообразны: в некоторых упражнениях нужно образовать форму от слов: *ручей – ручьи; шалун – шалунья; лить – лью*, что помогает усвоить, в каких частях слова встречается мягкий знак. В другом упражнении нужно найти все слова с разделительным мягким знаком в тексте. В четырех упражнениях необходимо списать предложенный текст, подчеркнув *ь*. Тексты – это небольшие простые связные рассказы из нескольких предложений и загадки. В упражнениях на разделительный твердый знак требуется образовать по образцу слова с приставками (тогда после приставки возникает *ъ*), есть задание на переписывание предложений со словами, есть предложения, где слова не деформированы, а пропущены целиком, а ученику нужно выбрать из предложенного списка подходящее. Есть упражнение, в котором необходимо «разобрать» слова на две группы: с *ь* и с *ъ*. И только послед-

³ Поляков В.Г., Чистяков В.М. Русский язык. Грамматика, правописание, развитие речи: учебник для учащихся 2-го класса начальной школы. М., 1951.

нее, двадцатое по счету упражнение к двум параграфам является контрольным, в нем пропущены буквы в словах с разделительными знаками, а от ребенка требуется самостоятельный их выбор. Типы упражнений разнообразны: преобразование слов, подборка слов, сортировка слов. Каждое закрепляет необходимый навык, проверочное упражнение одно, именно в нем слова деформированы, то есть на месте разделительных знаков пропуски. В современных учебниках задания с пропусками букв, к сожалению, доминируют. Однако это не самые эффективные упражнения для младшей школы, поскольку на практике они превращаются в «угадайку», куда многие дети подставляют буквы наобум.

Нельзя также не сказать об отменном графическом оформлении этого учебника: текст располагается на листе рационально, есть широкие поля – «воздух», упражнения не «слеплены» друг с другом, примеры выделены курсивом, правила выделены отступами и взяты в прямоугольные рамки. Нет ничего лишнего, отвлекающего внимание. Даже черно-белые графические картинки, по которым предлагается составлять небольшие рассказы, располагаются таким образом, чтобы «не затмевать» правила.

В «Учебнике русского языка для начальной школы. Грамматика, правописание, развитие речи» Н.А. Костина⁴ (1964) разделительному знаку *ь* также отведен отдельный параграф. Формулировка правила дословно совпадает с правилом из учебника В.Г. Полякова и В.М. Чистякова 1951 года: «Разделительный *ь* пишется перед гласными *е, е, я, и*. Он показывает, что согласный звук не сливается с гласным» [Костин, 1964, с. 95]. Подача материала аналогична: сперва приведены два предложения с примерами: «Посадили в землю **семя**, семя взошло. – Наша **семья** живет дружно». В выделенных жирным курсивом словах «семя» и «семья» предложено посчитать количество букв и пояснить, какие буквы разделяет *ь* в слове «семья». После чего дано упражнение с аналогичными примерами, ученики должны выбрать сами необходимое слово, исходя из контекста: «Охотники взяли лису... – Мы хорошо... (живьем, живем)». Только после этого предлагается само правило, выделенное графически рамкой. К правилу для закрепления даются тринадцать разных упражнений, среди которых написание по образцу разных форм слова (*пить* – *пью*, *крыло* – *крылья*), списывание недеформированных слов, предложений, текста, сортировка слов с *ь* по алфавиту, по роли знака в слове (смягчающий *ь* – разделительный *ь*). Деформированных текстов (с пропусками букв) всего 2, эти упражнения даются в самом конце параграфа. В качестве одного из текстов для переписывания использована басня Л.Н. Толстого «Обезьяна», к ней даются также вопросы по содержанию (развитие речи).

Твердый знак во 2 классе не проходят. По-видимому, эта тема, как и некоторые другие, была перенесена в 3 класс, о чем говорится в начале учебника в обращении «К учителю»: «В третьем издании учебника был исключен материал, изучение которого программа переносит в курс III класса, а также добавлены новые упражнения, преимущественно на безударные гласные...»⁵ [Костин, 1964, с. 2].

⁴ Костин Н.А. Учебник русского языка для начальной школы. Грамматика, правописание, развитие речи. Изд. двенадцатое. М.: Просвещение, 1964.

⁵ Там же. С. 2.

Учебник М.Л. Закожурниковой, Ф.Д. Костенко, Н.С. Рождественского, А.Н. Матвеевой «Русский язык. Учебник для 2 класса трехлетней начальной школы» (1995) просуществовал долго: на протяжении нескольких десятилетий он лишь немного дополнялся при переизданиях, не меняясь в своей концептуальной сути. В его версии 1995 года параграф «Разделительный мягкий знак» начинается с нескольких упражнений, в которых даны примеры схожих слов, отличающихся только наличием мягкого разделительного знака: «семья – семья; Коля – колья; полю – полью; полет – польет». Ученики должны ответить на вопрос, какие буквы разделяет ь. В последующих четырех упражнениях требуется 1) переписать слова, пословицы, небольшой текст, подчеркнув разделительный ь – 3 упражнения; 2) выбрать, исходя из контекста предложения, по смыслу и подставить на место пропуска нужное слово – 1 упражнение (в точности такое же было в учебнике Н.А. Костина 1964 г.). После этих упражнений следует правило в рамочке. Если сравнивать с рассмотренными выше учебниками 1938, 1951, 1964 годов, то видно, что в правиле отсутствует та часть, в которой говорилось о роли разделительного знака: «Разделительный ь пишется после согласных и перед гласными *е, е, и, ю, я*: *платье, белье, воробьи, вьюга, братья*» [Закожурникова, Костенко, Рождественский, Матвеева, 1995, с. 22]. Акцент с разделительной роли знака переносится на окружающие знак буквы, чем чреват подобный подход, будет видно, когда он станет в учебниках доминирующим.

Далее следуют упражнения для закрепления и повторения правила – это целых 18 упражнений! Среди них есть задания, в которых требуется образовать формы слов: «Измените слово по образцу». Таких упражнений три: в одном нужно заменить в предложениях выделенные существительные в ед. ч. на существительные в форме мн. ч.: «Желтеют в саду **дерево** (деревья)» [Закожурникова, Костенко, Рождественский, Матвеева, 1995, с. 22]. В другом необходимо образовать формы глагола по предложенному образцу: «Шить. Я **шью**, он **шьет**, они **шьют**» [Закожурникова, Костенко, Рождественский, Матвеева, 1995, с. 23]. В третьем отрабатывается правописание притяжательных прилагательных: «Берлога (чья?) **медвеж_я**. Рога (чьи?) **олен_и...**» [Закожурникова, Костенко, Рождественский, Матвеева, 1995, с. 25]. Подобные упражнения были и во всех предыдущих учебниках. Среди 22 упражнений по теме лишь одно – на правописание притяжательных прилагательных – содержит пропуски букв в словах, деформированных слов и текстов нет. Есть тексты, в которые нужно вставлять слова с разделительным ь по смыслу из предложенных. 12 упражнений – это небольшие связные тексты из 3–6 простых предложений. 3 текста – стихи: Маршака («Ходики»), отрывок в четыре строки о Лукоморье из Пушкина, четверостишие из стихотворения Майкова. По содержанию все тексты или о природе, или полезной совместной деятельности детей как в школе, так и за ее пределами.

Параграф о разделительном твердом знаке следует не сразу, вначале изучаются состав слова, правописание гласных и согласных в корне слова и в приставках. Им отведено в общей сложности 10 параграфов. И только после темы «Предлоги и приставки» следует параграф «Твердый разделительный знак». Параграф начи-

нается с примеров: «обедать – объедать; сел – съел» и вопросов, обращающих внимание учеников на то, между какими частями слова стоит ъ, на какую букву заканчивается приставка, с какой буквы начинается корень [Закожурникова, Костенко, Рождественский, Матвеева, 1995, с. 16]. Правило закрепляется двенадцатью упражнениями.

В этом учебнике при составлении упражнений учтены и дополнены все предыдущие практические наработки: сперва ребенок на примерах осознает, где, как и зачем появляется мягкий знак в словах, потом в процессе выполнения упражнений интуитивно осваивает правописание мягкого знака в разных частях речи, учится понимать, где мягкий знак ставится, попутно пополняя словарный запас и развивая связную речь. Однако, на наш взгляд, совершенно напрасно из текста правила была изъята та часть, в которой проговаривалась функция мягкого знака: «Мягкий знак показывает, что согласный звук не сливается с гласным». При всей очевидности этой роли мягкого разделительного знака информация о ней должна быть в правиле. В этом учебнике «недостача» сведений о роли знака в правиле с лихвой компенсируется множеством упражнений, из которых она явствует, потому, указывая, на этот недостаток, все же можем с ним смириться. Однако далее, в других учебниках, где этот подход станет основным, к сожалению, изложение правила пойдет по тупиковому пути, уходя от роли самого знака в дебри фонетики.

Параллельно классическому учебнику Закожурниковой существовал и существует учебник А.В. Поляковой, который позиционируется как построенный на основе дидактических принципов системы развивающего обучения Л.В. Занкова. В этом учебнике в правиле указана роль разделительных знаков: «ь и ъ показывают, что согласный звук и последующий звук произносятся отдельно»⁶ [Полякова, 2012, с. 79]. Правило о разделительных ь / ъ объединено в одно. Изучается оно до того, как ученики получают представление о составе слова, поэтому объяснение дается таким образом:

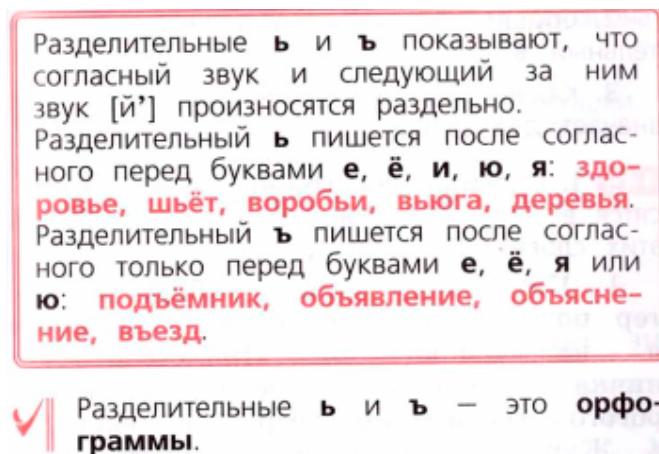

Рис. 1. Полякова А.В. Русский язык. 2 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012. С. 79

Polyakova A.V. Russian language. 2 class. Textbook for General education teachers. M.: Prosveshchenye, 2012. P. 79

⁶ Полякова А.В. Русский язык. 2 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012. С. 79.

Как видно, формулировка правила абсолютно одинакова что для разделительного ь, что для разделительного ъ. К сожалению, при такой формулировке остается непонятным, как различать на письме ь и ъ, если оба знака пишутся после согласного и перед гласными е, е, ю, я. Упражнения, которые далее следуют, проблему не снимают. На практике это приводит к тому, что учителя, комментируя правило, могут прибегнуть и прибегают к объяснению: «В начале слова чаще пишется твердый знак, а в конце – мягкий». Чем чреваты подобные «методические приемы», понятно: мы получаем огромное количество людей, пишущих твердый знак в словах «вьюга», «бьет» и т.п. – подобная ошибка сейчас стала типовой и массовой.

В учебнике Л.Ф. Климановой и Т.В. Бабушкина «Русский язык. Учебник для общеобразовательных учреждений с приложением на электронном носителе» (Академическая серия «Перспектива») 2012 года издания⁷ ситуация аналогичная: о разделительных ь / ъ говорится параллельно, внимание учеников фиксируется на том, что знаки пишутся после согласных перед определенными гласными. Насчет твердого знака делается оговорка: «Но в русском языке твердый знак (ъ) может стоять только в определенном месте слова. Об этом более подробно вы узнаете позднее» [Бабушкин, Климанова, 2012, с. 138].

Рис. 2. Климанова Л.Ф., Бабушкин Т.В. Русский язык: учебник для общеобразовательных учреждений с приложением на электронном носителе: в 2 ч. 2-е изд.

М.: Просвещение, 2012. Ч. 1. С. 138. (Академическая серия «Перспектива»)

Klimanova L.F., Babushkin T.V. Russian language. Textbook for General educational institutions with the application on electronic media". In two parts.. 2nd edition. Moscow: Prosveshchenye, 2012. Part 1. P.138. (Academic series "Perspective")

Каким образом отличать один знак от другого, пока не наступит то самое «позднее»? Во второй части учебника, хотя и есть раздел «Состав слова», никаких сведений о правописании ъ нет, то есть, обучаясь по этой программе, ученик до следующего учебного года, по-видимому, должен будет угадывать, когда и какой знак ему должно выбрать на письме.

⁷ Климанова Л.Ф., Бабушкин Т.В. Русский язык: учебник для общеобразовательных учреждений с приложением на электронном носителе: в 2 ч. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. Ч. 1. (Академическая серия «Перспектива»).

В другой группе учебников формулировка правила переродилась в фонетический комментарий к словам с разделительными знаками: в первую очередь при разъяснении *правописания* (!) разделительного мягкого знака внимание уделяется *произношению* (!) последующих за ним гласных, а не тому факту, что знак не дает сливаться согласному и следующему за ним гласному: «Мягкий знак пишется после букв согласных перед буквами *е, е, и, я, ю*, если в этих словах слышится звук [й']»: *варенье, жилье, воробьи, осенью, крылья*» [Рамзаева, 2011, с. 114].

Разделительный мягкий знак (ь).

Когда пишется разделительный ь?

200. Прочитай. В каких словах слышится звук [й']?

полёт	семя	солю	тюлени
польёт	семья	солью	тюленьи

• Перед какими буквами пишется буква ь?

Разделительный ь пишется после букв согласных перед буквами *е, ё, и, ю, я*, если в этих словах слышится звук [й']: *варенье, жильё, воробьи, осенью, крылья.*

Рис. 3. Рамзаева Т.Г. Русский язык: учебник: в 2 ч. М.: Дрофа, 2011. Ч. 1. С. 114
Ramzaeva T.G. Russian language. Textbook in 2 parts. M.: Drofa, 2011. Part 1. P.114

При таком подходе забывается, что целью изучения темы «Разделительный ь» во 2 классе является умение правильно писать в словах мягкий разделительный знак, а вовсе не навык анализировать фонетическое звучание слова или отдельные звуки внутри него. Если правописание мягкого знака можно объяснить без привлечения сведений о звучании гласных, стоящих в слове после него, нет необходимости рассказывать об этом.

Не следует множить сущности без необходимости – этот принцип, называемый «бритвой Оккама», работает и в случае с правилом о мягком разделительном знаке. Иначе мы имеем даже вот такие формулировки правила, эксплуатирующие примеры из старого учебника (1938), но нацеленные не на формирование навыка правильного написания слова, а на его фонетический анализ. Так, например, в учебнике Л.М. Зелениной, Т.Е. Хохловой (2012)⁸ изучение *правописания* разделительного знака переродилось в подробный фонетический анализ слова, именно фонетический комментарий становится ведущим при объяснении: детям предлагается сравнить не слова, но транскрипции слов «Коля» и «колья»

⁸ Зеленина Л.М., Хохлова Т.Е. Русский язык: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. Ч. 1. С. 128.

[Кол'а] – [кол'я] и сделать вывод, какие звуки произносятся после [л']. На закрепление правила отводится всего семь маленьких упражнений, из них три с деформированными словами (пропусками мягкого знака). Формулировка правила о написании ь в словах в этом учебнике почему-то превратилась в сложную для восприятия фонетическую схему, иллюстрирующую не столько правописание слов, сколько их произношение:

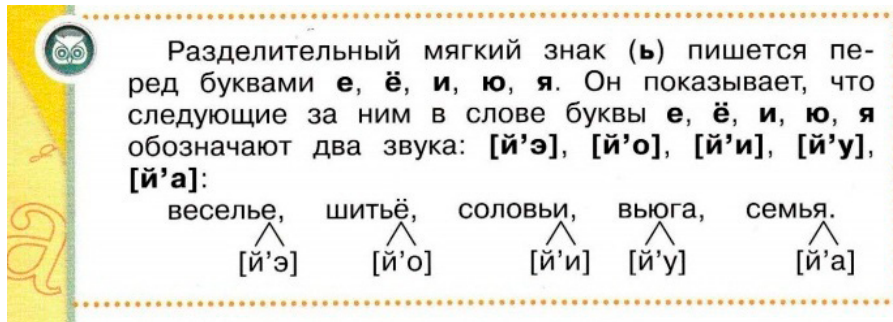

Рис. 4. Зеленина Л.М., Хохлова Т.Е. Русский язык: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. Ч. 1. С. 131
Zelenina L.M., Khokhlova T.E. Russian language. Textbook for General education in two parts. 2nd edition. M.: Prosveshchenye, 2012. Part 1. P. 131

В учебнике В.Г. Горецкого и В.П. Канакиной (2013) правило выглядит следующим образом: «Разделительный мягкий знак (ь) пишется в корне после букв, обозначающих согласные звуки, перед буквами **е, ё, ю, я, и**. В этом случае буквы **е, ё, ю, я, и** обозначают два звука – согласный звук [й'] и последующий гласный звук:

семья – семь[й'а], колье – коль[й'э],
ружьё – ружь[й'о], вьюнок – вь[й'у]нок,
соловьи – соловь[й'и], судья – судь[й'а]» [Канакин, Горецкая, 2013, с. 32].

Рис. 5. Горецкий В.Г., Канакина В.П. Русский язык: учебник для общеобразовательных организаций с приложением на электронном носителе: в 2 ч. М.: Просвещение, 2013. Ч. 2. С. 32. (Серия «Школа России»)
Goretskiy V.G., Kanakia V.P. Russian language. Textbook for General education organizations with the application on electronic media in two parts. M.: Prosveshchenye, 2013. Part 2. P. 32. (Series “School Of Russia”)

В обоих учебниках при разъяснении правописания разделительного мягкого знака в самом правиле учеников ориентируют на произношение последующих за разделительным знаком гласных, а не тому факту, что знак не дает сливаться согласному и следующему за ним гласному. Правило становится сложным, оно прежде всего ориентирует на фонетический анализ слова, а не на его написание, то есть правило перестает быть по сути руководством правописания, чем оно должно быть. Понять, почему это плохо, можно, если осознать, что при таком подходе появление мягкого знака ставится в прямую зависимость от умения «услышать звук [й'] в слове». Если следовать логике этой формулировки правила, то получится, что каждый раз при написании мягкого знака нужно проверять, не йотированный ли гласный следует за ним, считая этот критерий основным для проверки написания, вследствие чего возникает сразу две проблемы:

1) после твердого знака обычно следуют те же самые гласные, и они тоже становятся йотированными, как отличить один знак от другого? – в рамках предложенного эта проблема не решается, нужно вводить и другие условия;

2) есть гласный *и*, который не для всех будет звучать йотированным после *ь*, – в этом убеждаешься на практике, когда просишь самых разных людей сказать, как они слышат именно этот гласный в разных словах (воробьи, ручьи). То же самое со школьниками: не каждый ребенок обладает развитым фонематическим слухом, что порождает проблемы с письмом. Ставить написание букв в зависимость от индивидуальных особенностей слуха кажется непродуктивным, тем более когда есть универсальное, более простое объяснение, не требующее обязательной привязки к фонетическому анализу.

Таким образом, предложенный принцип работает избирательно и, следовательно, не является универсальным, а от правила требуется именно универсальная формулировка.

Принципы изложения, игнорирующие поставленные вопросы, воспроизводятся в разных современных учебниках. Именно таким образом, не учитывая возникающих проблем, излагается «Алгоритм действий» в учебнике Бунеева⁹: «1. Произношу слово. 2. Слушаю, есть ли звук [й'] в корне слова после согласного перед гласным. 3. Если слышу [й'] после согласного, то пишу букву *ь* после буквы согласного перед *е, е, ю, я, и*» [Бунеев, 2015, с. 131]. По сути, второклассникам предлагается проверять себя именно йотированностью гласного. Более того, подобный алгоритм предлагается и для проверки твердого знака, хотя в правиле о твердом знаке указывается его место в слове – после приставки, но основным критерием различения все равно считается звучание следующего за ним гласного, а правописание напрямую увязывается с фонетическим анализом.

Тем не менее в этом учебнике – одном из немногих – уделено внимание анализу роли разделительных знаков (что именно разделяют, есть ли разница в словах со знаком и без него). Любопытно, что авторы упоминают и корень слова и приставку, но почему-то не решаются основывать различение написания *ь / ь* на знании состава слова. Ничего не говорится и о том, что место каждого знака в сло-

⁹ Надо отдать должное, роль *ь* как разделительного здесь проговорена и подтверждена примерами. Примеры, которые используются в учебнике Бунеева, те же, что и в прежних: Коля – колья; полю – полью.

ве фиксировано и обусловлено той частью слова, в которой находится: *ь* внутри корня и на стыке с окончанием, а *ъ* только на стыке приставки и корня. Если опираться на эти знания, то фонетика для объяснения правописания не нужна, недаром в старых учебниках правописание твердого знака шло уже после того, как ученики были ознакомлены со структурой слова. Формулировки правила в старых учебниках, в которых прописывалась роль знака в слове как «чтобы согласный не сливался с гласным» и перечислялись буквы, между которыми он пишется, следует признать достаточной. Фонетический анализ может идти самостоятельно в качестве комментария, но никак не должен быть основополагающим, нельзя базировать правило именно на нем.

Когда «фонетический» принцип обучения становится ведущим в обучении правописанию, в долгосрочной перспективе возникают весьма негативные последствия: школьник, в раннем возрасте приученный опираться при письме на слух, потом интуитивно придерживается именно такого принципа и допускает большее количество ошибок. Ему гораздо сложнее овладеть правописанием, поскольку в русской орфографии фонетический принцип отнюдь не является основным, в гораздо большей степени важны морфологический и традиционный, но этот факт последовательно игнорируется во всех новейших учебниках русского для начальной школы при объяснении такого простого правила, как правописание *ь / ъ*. В некоторых учебниках, например в учебнике из серии «Начальная школа XXI века», удостоенного президентской премии в области образования, под редакцией академика РАО профессора Н.Ф. Виноградовой «Русский язык: 2 класс. Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: в 2 ч.», авторы: С.В. Иванов, А.О. Евдокимова, М.И. Кузнецова и др., предлагается обучение «транскрипции» слов, вводится сам термин, хотя ни термин, ни транскрипция не только совершенно не нужны для обучения правописанию, но в нынешнем виде вредят, мешая освоению простейших правил учениками начальной школы. Более того, авторы этого учебника превзошли в своей профессиональной безграмотности всех других: они считают, что вполне возможно давать детям в формулировках правила в качестве примеров слова в недопустимом виде: одна часть слова затранскрибирована в квадратных скобках, то есть выглядит так, как она «слышится», а другую часть слова записывают так, как она пишется: [па]густить, [па]лить, [пад]лить¹⁰ [Иванов, Евдокимова, Кузнецова и др., 2011, с. 154].

Получается, что при выборе необходимой буквы младшему школьнику предложено складывать каждый раз правописание слова, оперируя разноуровневыми языковыми понятиями, требующими хорошей филологической подготовки. Ученик должен держать в голове одновременно: 1) звучание слова, записанное в виде упрощенной транскрипции теми же самыми буквами, из которых состоят слова, но уже в роли звуков + 2) знание о составе слова вообще и разбивку конкретного слова на составляющие его морфемы + 3) правильное написание (графический облик) всего слова целиком. Для большинства младших школьников такой анализ – непосильная пока задача в силу возрастных особенностей восприятия. В целом по-

¹⁰ Иванов С.В., Евдокимова А.О., Кузнецова М.И. и др. Русский язык: 2 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: в 2 ч. М., 2011. С. 154.

добный «анализ» лишь усложняет дело, может запутать ученика любого возраста и не способствует легкому запоминанию языковых фактов. Необходимость проделывать все указанные шаги ничем не обоснована, а объяснение вполне можно сформулировать без излишних сложностей: в таких-то приставках без ударения всегда пишется *а*, в таких-то – *о*. С фактом, что без ударения могут слышаться звуки, которые на письме отображаются буквами, не соответствующими звучанию, ученик уже ознакомлен ранее, при изучении темы «Безударные гласные в корне слова».

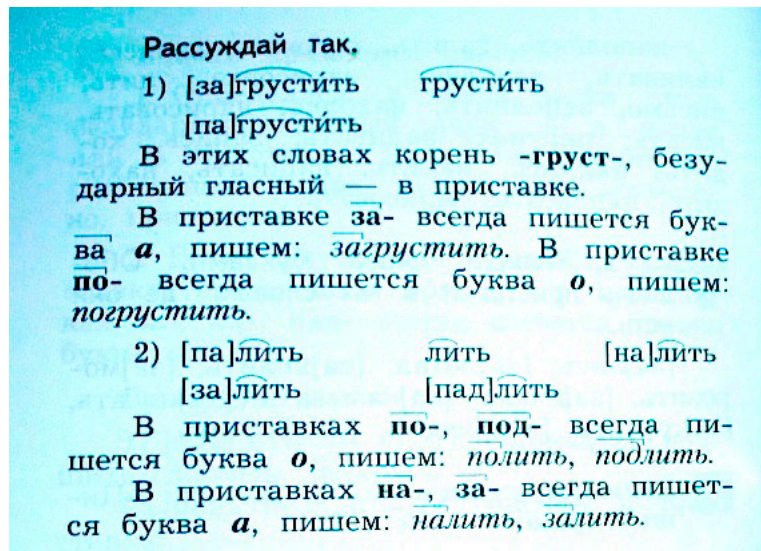

Рис. 6. Иванов С.В., Евдокимова А.О., Кузнецова М.И. и др. Русский язык: 2 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: в 2 ч. М., 2011. С. 154
Ivanov S.V., Evdokimov A.O., and Kuznetsova M.I. The Russian language: 2nd grade. Textbook for students of educational institutions in 2 p. M., 2011. P. 154

В этом же учебнике учащимся предлагаются недопустимые в начальной школе (и не рекомендуемые вообще) упражнения, в которых нужно исправлять в словах ошибки: «зобежал», «паехал» и т.п.

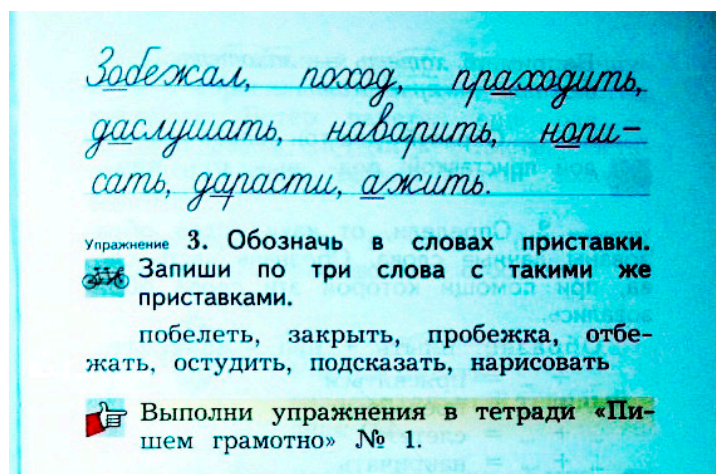

Рис. 7. Иванов С.В., Евдокимова А.О., Кузнецова М.И. и др. Русский язык: 2 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: в 2 ч. М., 2011. С. 154
Ivanov S.V., Evdokimov A.O., and M.I. Kuznetsova. The Russian language: 2nd grade. Textbook for students of educational institutions in 2 p. M., 2011. P. 154

В итоге ребенок, только что познакомившийся с приставкой и корнем, должен не только расчленить слово в уме на составляющие его части, но и мысленно сложить его из противоположных частей, держа в уме сразу и «верный» графический облик слова, и его целостный звуковой образ, что, заметим, не каждому взрослому будет под силу, а не только младшему школьнику с его пока еще недостаточной способностью к абстрагированию. Такое впечатление, что авторы учебников не учитывают основных принципов русской орфографии и совсем незнакомы ни с возрастной детской физиологией, ни с особенностями восприятия и мнемоники (дети легко запоминают предложенный неправильный зрительный облик слова), ни с наработанными зарекомендовавшими себя методами и методиками обучения, зато считают своим долгом изобрести очередной громоздкий велосипед, на котором невозможно ездить.

Правило написания мягкого знака в этом учебнике также опирается на фонетику. Мягкий разделительный знак здесь «указывает, что идущие за ним буквы *е, е, и, ю, я* обозначают два звука: [й'] + гласный» [Иванов, Евдокимова, Кузнецова и др., 2011, с. 34]. На закрепление правила предложено всего 3 упражнения и одно проверочное с пропусками в словах. В сравнении с учебниками прошлых лет, где предлагалось не менее десятка упражнений для закрепления правила с разными типами заданий и моделями слов, такое количество выглядит недостаточным. Первое упражнение требует образовать множественное число от слов, в которых во множественном числе появляется мягкий разделительный знак. В задании к упражнению также необходимо подчеркнуть букву, обозначающую два звука. Непонятно, почему авторы ограничились лишь одной моделью: единственное – множественное число существительных и совсем исключили формы глагола и прилагательных из заданий, по-видимому, это связано с доминированием в учебнике «фонетического подхода». Второе упражнение на сортировку слов со знаком, смягчающим согласную, и разделительным знаком, причем к каждому слову необходимо записать и транскрипцию в квадратных скобках рядом. Всего в упражнении 14 слов, но вместе с транскрипцией необходимо записать 28, что для второклассника уже представляется довольно объемным, трудоемким заданием. В более старых учебниках много подобных упражнений на сортировку, но там никогда не требуется транскрибировать записанные слова. Для чего нужна транскрипция здесь, неясно. На практике транскрипция приводит к смещению звучащего слова и его графической оболочки: не секрет, что у нового поколения школьников ошибки чаще всего связаны именно с фонетическими разборами слов, пресловутые «йожыки» родом именно оттуда.

Подводя итог, можно сказать, что все новейшие учебники идут по пути усложнения и приращения сущностей, которые на самом деле вовсе не нужны для обучения детей грамотному письму. Еще один такой пример – традиционное правило о правописании *жи / ши*. Казалось бы, тут трудно что-либо преобразовать. Однако некоторые авторы идут своим особым, альтернативным путем, совершенно не заботясь о последствиях своих «альтернативных» формулировок: «Звуки [ж],

[ш] – непарные твердые, но в сочетаниях *жи, ши* не пишется буква *ы*: *жил, шил, ошибка*» [Рамзаева, 2011, с. 35]. Формулировка посредством противопоставления («но») и отрицания («не пишется *ы*») представляется крайне неудачной¹¹, а упоминание непарности *ж* и *ш* в формулировке правила излишне: раньше успешно обучали правописанию *жи / ши*, не апеллируя в самом правиле к этому факту. Упоминание непарности этих звуков по твердости /мягкости лишь загромождает правило, превращая простейший тезис «*жи / ши* пиши с буквой *и*» в многословное и нелогичное высказывание.

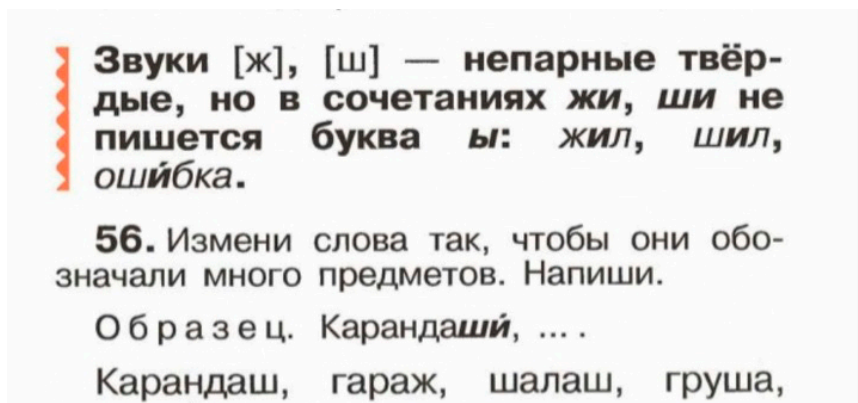

Рис. 8. Рамзаева Т.Г. Русский язык: учебник: в 2 ч. М.: Дрофа, 2011. Ч. 1. С. 35
Ramzaeva T.G. Russian language. Textbook in 2 parts. M.: Drofa, 2011. Part 1. P. 35

Стоит также отметить, что многие авторы современных учебников, эксплуатируют и повторяют примеры и упражнения из учебников 1938, 1951, 1964 годов и др. предшествующих: так, пример «Коля – колья, солю – солью», берут из них готовые тексты и упражнения, а подобранные стихотворения, загадки, пословицы к разным темам повторяются из учебника в учебник. Казалось бы, это большой плюс, поскольку хотя бы в этой части новые авторы «наследуют» хорошим предшественникам. К сожалению, заимствуя слова, примеры и даже отдельные тексты, авторы не всегда понимают, что некоторые слова вышли из активного употребления и уже не являются понятными современным детям. Приспосабливая прежние, вышедшие из активного оборота слова и примеры к своим новым формулировкам, авторы современных учебников неизбежно усложняют восприятие правил. При заимствовании из старых, вполне пригодных, хороших учебников и пособий нужно также учитывать современную языковую ситуацию, заменяя устаревшие, неактуальные для детей слова в примерах на понятные или, если пример является показательным и отказываться от него не хочется, нужно давать к слову комментарий, разъясняющий его значение, или хотя бы иллюстрацию. Так, слово «колья» теперь уже требует иллюстрации, которая, к слову, в некоторых старых учебниках была, и комментария – иначе не каждый ребенок с ходу поймет, о чем идет речь. Поэтому разумным был бы дифференцированный подход к материалу, а не его слепое копирование.

¹¹ О непродуктивности формулировок с призывами к действиям посредством негативных конструкций и частицы «не» существует обширная литература по психологии влияния, как научная, так и научно-популярная.

На предшественников принято ссылаться, возможно, не в тексте самого параграфа, где это будет мешать восприятию учебного материала, но в начале и или конце учебника обязательно должны быть ссылки на те учебники и пособия, из которых брались заимствования, иначе это уже плагиат, причем во многих новых учебниках еще и переиначивающий сущность правил, упражнений. Необходимо комментировать, как и почему изменяется задание в заимствованном упражнении, зачем материал берется у предшественников и на каком основании приспособливается к своим целям, важно, чтобы авторская позиция была обозначена в ответах на вопрос, зачем производятся те или иные изменения, какова эффективность новой методики преподавания и переделки старых упражнений.

Что становится материалом для упражнений?

Какие тексты преобладают?

В первую очередь обращает на себя внимание существенная разница в количестве связных прозаических текстов в учебниках первой половины XX века по сравнению с учебниками рубежа XX–XXI веков. В связке с утратой или значительным уменьшением количества заданий на развитие речи этот факт становится еще более печальным.

Соотношение **ТЕКСТОВ** СТИХИ / проза

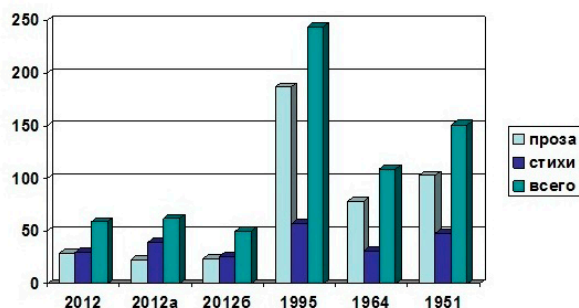

Рис. 9. Соотношение «стихи / проза» в упражнениях в учебниках разных годов издания
Comparison of «poetry / prose» in exercises

Также изменилось соотношение текстов писателей и поэтов-классиков и других авторитетных известных авторов (детских писателей, популяризаторов науки) с авторами, чьи имена особенно ничем не примечательны, и основания для включения их текстов в учебники не всегда понятны. Содержание текстов в новых учебниках иногда может вызывать вопросы. Если в старых учебниках преобладал календарно-тематический принцип подбора материала: осенью дети читали об осенних изменениях в природе, жизни растений, зверей и птиц, сезонной деятельности человека, зимой – о зиме, весной – о весне и будущем лете, расширяя свой кругозор и словарный запас, то теперь содержательная ценность текстов может быть совершенно «нулевой», то есть, по сути, к чтению предлагается текст-

пустышка: «Есть такая детская игра – кубики. Дети ставят кубики один на другой. Вырастает башня. Интересно, о чем думают кубики в это время? Нижний кубик думает в это время, как бы башню на себе удержать. Трудную работу делает нижний кубик, попробуй его убрать... (по В. Кривину)» [Полякова, 2012, с. 3].

Рис. 10. Полякова А.В. Русский язык. 2 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012. С. 3
Polyakova A.V. Russian language. 2 class. Textbook for educational institutions. M.: Prosveshchenye, 2012. P. 3

Сам по себе тот текст безобиден, хотя и несколько простоват для школьника, однако на следующей странице этого учебника встретится текст, начинающийся так: «Встретились как-то три точки и разговорились» (речь пойдет о многоточии). Возникает закономерный вопрос о некоторой однотипности текстов, где основным приемом является одушевление неодушевленных предметов и абстрактных сущностей. В сочетании с заданиями по другим предметам для младшекласников, например, широко растиражированным в Интернете «*опиши мир глазами кузнечика*», может получаться странная ситуация, при которой взгляд на мир самого ребенка 7–9 лет, то есть самого ученика, вообще никого не интересует. Помимо прочего, текст о кубиках явно адресован детям младшего возраста. Та же беда возникает со многими детскими стихотворениями, которыми изобилуют современные учебники. Засилие в них диминутивов превращает язык учебника то ли в книгу для дошкольника, то ли в книгу «сюсюкающую» не по возрасту и не к месту:

Разрумянились рябинки,
Словно дети после сна,
Повисают паутинки
На наличнике окна.

Нанизал я на травинку
много шариков рябинки.

Будут бусы красные

Просто распрекрасные! (Ю. Могутин) [Полякова, 2012, с. 125].

Процитированное стихотворение нельзя назвать даже литературным, это скорее жанр «народной» или «наивной» словесности.

К сожалению, в сегодняшней ситуации, когда издатели детских книг не слишком придирчивы к содержательной части и литературным достоинствам текстов и преимущественно сосредоточились на их красочном оформлении, во множестве можно обнаружить стихи подобного сомнительного качества. Но в учебник русского языка должен попадать лишь эталонный текст, выверенный, демонстрирующий языковое богатство и хороший вкус. Однако современные учебники сплошь и рядом пестрят текстами весьма далекими от лучших образцов русской словесности. Формально, если подсчитать количество фамилий классиков, то их окажется не меньше. Количественное же соотношение будет не в пользу авторитетных авторов: из Сурикова или Пушкина в упражнение берется 2–4 строки, стихи современных малоизвестных авторов превышают их по объему в 2–3 раза. В одном из современных учебников из 30 небольших прозаических текстов 16 написаны автором пособия.

Графическое оформление учебников требует отдельного подробного обзора с иллюстрациями. Если в старых учебниках при подаче материала стремились к его максимальной наглядности, структурированию, на странице не было лишних деталей, рисунков и т.д., то в новых учебниках нет никакой оглядки на восприятие: кричащие цвета и цветочные пятна, рисунки, загромождающие страницы, цветные рамки вокруг самой страницы, перетягивающие внимание на себя, не связанные с содержанием текстов и правил иллюстрации.

44. Разделительный ь.

*Птичка-певунья гнёздышко вьёт,
тащит соломку, песни поёт.*

Прочитайте внимательно данные пары слов:

Солю огурцы. **Солю** воду.
Полю морковь. **Полю** грядку.
Жду гостя. **Пришла** гостя.

Зачем написан **ь** в выделенных словах правого столбика?
Сравните:

*Мы давно в городе живём.
Охотники поймали волка живём.*

Разделительный **ь** пишется перед гласными **я, ю, е, ё, и**. Он показывает, что при произношении согласный звук не сливается с гласным.

Перед **я**: *сучья, прутья, листья*;
перед **ю**: *вьюн, вьюшка, вьюга*;
перед **е**: *ученое, веселье, здоровье*;
перед **ё**: *жильё, ружьё, бельё*;
перед **и**: *воробы, соловьи, ручьи*.

Друзья птиц.

Упражнение 295. Рассмотрите картинку. Дайте детям имена.

Ответьте на следующие вопросы:
Что делают дети (каждый в отдельности)?
Почему дано картинке такое название?
Какие птицы — наши друзья? Перечислите их.
Составьте по картинке устный рассказ.

45. Разделительный ь.

*Сельо обьедает.
Через обьедает листья.*

сестя — съестя обед — объедки
сел — съал обедате — объедать

Буква **ь** никемого звука не обозначает и пишется только после приставок перед гласными **е, ё, я**, чтобы показать, что согласный приставки не сливается при произношении с гласными корня.

Упражнение 296. Назначьте каждому слову с приставкой, указанной в скобках. Пишите в том, где он нужен, после согласной перед **я, ю**:

есть (с-, за-, про-, по-) везение (об-, по-, за-)
ехать (с-, по-, под-, а-, от-) ездите (из-, об-, с-)

Рис. 11. Поляков В.Г., Чистяков В.М. Русский язык. Грамматика, правописание, развитие речи: учебник для учащихся 2-го класса начальной школы. М., 1951
Polyakov V.G., Chistyakov V.M. Russian language. Grammar, spelling, speech development. Textbook for students of the 2nd grade of primary school. M., 1951

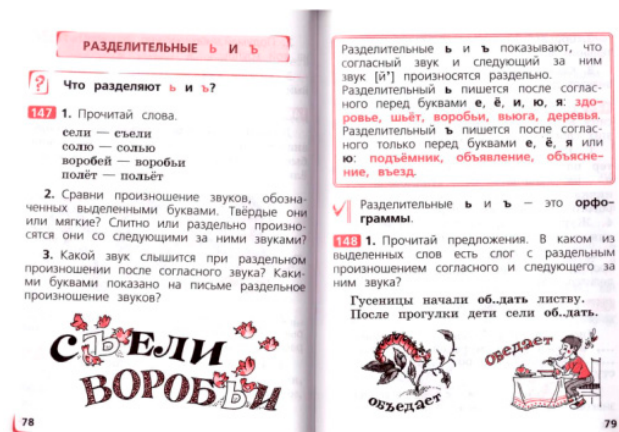

Рис. 12. Полякова А.В. Русский язык. 2 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012
Polyakova A.V. Russian language. 2 class. Textbook for educational institutions. M.: Prosveshchenye, 2012

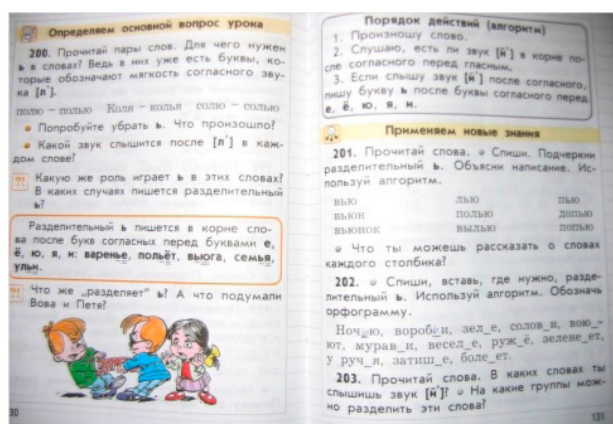

Рис. 13. Бунеев Р.Н., Бунеева Е.Н., Пронина О.В. Русский язык. 2 класс: учебник для организаций, осуществляющих образовательную деятельность. М.: Банасс, 2015. (Образовательная система Школа 2100)
Buneev R.N., Buneeva E.N., Pronin O.V. Russian language. 2 class. Textbook for organizations engaged in educational activities. M.: Bapass, 2015. (The school education system is 2100)

Появилось понятие дизайна, но во многих учебниках отсутствует культура грамотной визуальной подачи материала, нет продуманной компоновки текста на странице, повсюду злоупотребление разными шрифтами внутри одного правила, беспорядочное количество разных условных значков внутри упражнений, нет единообразия оформления внутри одного издания, и, как следствие, возникает визуальный «шум», отнюдь не способствующий усвоению информации. Теперь дети живут в ярком и перенасыщенном различными спецэффектами мире, но стремиться «перекричать» этот мир – сомнительный путь. Вряд ли учебник во всем должен походиться на игрушку или мультфильм. При оформлении учебника необходимо прежде всего исходить из задач обучения, заботиться о гигиене восприятия, вполне можно сделать его и не скучным, и не избыточно пестрым.

Подводя итоги, можно сказать, что, структура и тематика новых и старых учебников похожи и диктуются логикой изучения предмета, но материал в новых

учебниках представлен совершенно иначе, чем в прежних. Перелом происходит после 1990-х годов: авторы учебников 2000-х годов издания хотя и используют отдельные примеры и упражнения из прежних изданий без ссылок на них, в то же время полностью отказываются от прежних принципов подачи, структурирования и формулировок. К сожалению, авторы не поясняют преимуществ своего подхода, которые вовсе не очевидны, а иногда существенно уступают прежним методам обучения.

Список источников

1. Афанасьев П.О., Шапошников И.Н. Учебник русского языка для начальной школы (грамматика и правописание). М.: Учпедгиз, 1938. Ч. 1: 1 и 2 класс.
2. Бабушкин Т.В. Климанова Л.Ф. Русский язык: учебник для общеобразовательных учреждений с приложением на электронном носителе. М., 2012. (Академическая серия «Перспектива»).
3. Бунеев Р.Н., Бунеева Е.Н., Пронина О.В. Русский язык. 2 класс: учебник для организаций, осуществляющих образовательную деятельность. М.: Бапасс, 2015. (Образовательная система Школа 2100).
4. Горецкий В.Г., Канакина В.П. Русский язык: учебник для общеобразовательных организаций с приложением на электронном носителе: в 2 ч. М.: Просвещение, 2013. Ч. 2. (Школа России).
5. Закожурникова М.Л., Костенко Ф.Д., Рождественский Н.С. Русский язык: учебник для 1 класса. М.: Просвещение, 1965.
6. Закожурникова М.Л., Костенко Ф.Д., Рождественский Н.С., Матвеева А.Н. Русский язык: учебник для 2 класса трехлетней начальной школы. Изд. 21-е. М.: Просвещение, 1995.
7. Зеленина Т.Л., Хохлова Т.Е. Русский язык: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. Ч. 1.
8. Иванов С.В., Евдокимова А.О., Кузнецова М.И. и др. Русский язык: 2 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: в 2 ч. М., 2011. Ч. 1. (Школа XXI века).
9. Костин Н.А. Учебник русского языка для начальной школы. Грамматика, правописание, развитие речи. Изд. двенадцатое. М.: Просвещение, 1964.
10. Поляков В.Г., Чистяков В.М. Русский язык. Грамматика, правописание, развитие речи: учебник для учащихся 2-го класса начальной школы. М., 1951.
11. Полякова А.В. Русский язык. 2 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012.
12. Рамзаева Т.Г. Русский язык: учебник: в 2 ч. М.: Дрофа, 2011. Ч. 1.

Сведения об авторе

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); e-mail: alkat@ngs.ru

RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOK CHANGES IN THE YEARS OF 1938-2015 (BASED ON THE MATERIAL OF TEXTBOOKS FOR ELEMENTARY SCHOOLS)

N.A. Nepomniashchikh

Abstract

The structure and subject matter of new and old textbooks is similar and dictated by the logic of the subject under study, but the material in the new textbooks is presented in a completely different way than in the old ones. The difference between the textbooks of the previous years is noted in the approach to the presentation of the material and in the content. Everything is different: the language of textbooks, methods, rules, forms and texts of exercises, graphic design. All modern textbooks are dominated by a phonetic approach, and the explanation of spelling in some cases is based solely on it.

Key words: *textbooks of the Russian language, teaching Russian in elementary schools.dxsс.*

Spisok istochnikov

1. Afanas'ev P.O., Shaposhnikov I.N. Uchebnik russkogo yazyka dlya nachal'noy shkoly (grammatika i pravopisanie). M.: Uchpedgiz, 1938. Ch. 1. 1 i 2 klass.
2. Babushkin T.V., Klimanova L.F. Russkiy yazyk. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy s prilozheniem na elektronnom nositele» (Akademicheskaya seriya «Perspektiva»). M., 2012.
3. Buneev R.N., Buneeva E.N., Pronina O.V. Russkiy yazyk. 2 klass. Uchebnik dlya organizatsiy, osushchestvlyayushchikh obrazovatel'nyuyu deyatelnost'. M., Bapass, 2015. (Obrazovatel'naya sistema Shkola 2100).
4. Goretskiy V.G., Kanakina V.P. Russkiy yazyk. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy s prilozheniem na elektronnom nositele: v 2 ch. M.: Prosveshchenie, 2013. Ch. 2. (Shkola Rossii).
5. Zakozhurnikova M.L., Kostenko F.D., Rozhdestvenskiy N.S. Russkiy yazyk. Uchebnik dlya 1 klassa. M.: Prosveshchenie, 1965.
6. Zakozhurnikova M.L., Kostenko F.D., Rozhdestvenskiy N.S., Matveeva A.N. Russkiy yazyk. Uchebnik dlya 2 klassa trekhletney nachal'noy shkoly. Izd. 21-e. M.: Prosveshchenie, 1995.
7. Zelenina T.L., Khokhlova T.E. Russkiy yazyk. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy v dvukh chastyakh. 2-e izd. M.: Prosveshchenie, 2012. Ch. 1.
8. Ivanov S.V., Evdokimova A.O., Kuznetsova M.I. Russkiy yazyk: 2 klass. Uchebnik dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy v 2 ch. M. Chast« 1. M., 2011. (Shkola KhKhI veka).
9. Kostin N.A. Uchebnik russkogo yazyka dlya nachal'noy shkoly. Grammatika, pravopisanie, razvitie rechi. Izdanie dvenadtsatoe. M.: Prosveshchenie, 1964.
10. Polyakov V.G., Chistyakov V.M. Russkiy yazyk. Grammatika, pravopisanie, razvitie rechi. Uchebnik dlya uchashchikhsya 2-go klassa nachal'noy shkoly. M., 1951.
11. Polyakova A.V. Russkiy yazyk. 2 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. M.: Prosveshchenie, 2012.
12. Ramzaeva T.G. Russkiy yazyk. Uchebnik: v 2 ch. M.: Drofa, 2011. Ch. 1.

About the author

N.A. Nepomniashchikh – Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: alkat@ngs.ru

УДК 82

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УТОПИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА»

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье рассмотрены черты утопического мировоззрения в повести Л. Улицкой «Сонечка». Актуализируется проблема конструирования дуалистичной картины мира, представленной в тексте. *Цель* статьи – выявление утопических мотивов в одном из знаковых произведений современной русской литературы. Методологию исследования составляют сравнительно-исторический и культурологический подходы.

Результаты. На основе литературоведческого анализа проявлений утопического мировоззрения выявлена дуалистическая конструктивная доминанта текста.

Заключение. Образ Сонечки построен в рамках утопического мировоззрения, он софиологичен, погруженность героини в ирреальные миры проблематизирует ее бытие в настоящем. Даже сфера быта предельно ритуализируется, что позволяет Сонечке оставаться объективированной и существовать вне актуального времени и пространства. Образы Роберта Викторовича и Тани в этом плане выглядят реалистичными и ироничными, подчеркивается дуализм «утопия – реальность» как инструмент конструирования текста.

Ключевые слова: «Сонечка», утопия, дуализм, софиологичность, Улицкая.

Н Лейдерман и М. Липовецкий относят прозу Л. Улицкой к направлению неосентиментализма, сформировавшемуся в русской литературе в 80-х годах XX века. Это направление характеризуется, по их мнению, синтезом натурализма и сентиментализма, романтического поиска и гипертрофированной телесности, даже эротизма – «точнее было бы сказать, что новый сентиментализм ищет язык, в котором телесные функции приобрели бы новое духовное значение» [Липовецкий, Лейдерман, 2003, с. 333]. Новый сентиментализм, по М. Липовецкому и Н. Лейдерману, также характеризуется интересом к культурным архетипам, наполненным «высоким духовным смыслом», он обращается «к романтическому мифу как к онтологической реальности». Телесность нового сентиментализма противопоставляется потерявшему свое значение логосу, рацио.

Некоторые исследователи относят творчество автора и к литературе постмодернизма (О. Дарк, Т. Казарина («Тайная религия праздника»), Е. Икшина). Тексты Л. Улицкой рассматривают и в гендерном аспекте (Е.Г. Кошкарова). Литературой мейнстрима прозу писательницы считают Д. Шаманский и Л. Данилкин, откровенной беллетристикой – О. Крыжовицкая, Н. Иванова.

Наибольшее количество исследований выполнено в мифопоэтическом ключе. Н. Егорова анализирует своеобразие проблематики и поэтики произведений Л. Улицкой 1980–2000-х годов, также внимание исследовательницы привлекает интермедальность, связь с другими видами искусств: живописью и музыкой.

О. Побивайло осмысляет функции космогонического, семейного, близнечного мифов в прозе Улицкой, анализирует способы типологизации героев, творение автором собственного мифа, основанного на рецепции русской классической литературы и античной традиции. В диссертации Т. Скоковой содержится анализ литературных связей творчества Л. Улицкой и А.П. Чехова, сопоставление репрезентаций проблемы «маленького человека», ситуации прозрения в прозе двух авторов, анализ творчества в контексте мифопоэтики и постмодернистской эстетики (М. Горелик «Прощание с ортодоксией»).

Достаточно обширен корпус работ, посвященных осмыслению семейной темы в прозе Л. Улицкой. В исследовании Э.В. Лариевой «Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой» впервые осуществлено системное изучение произведений автора в контексте семейной проблематики. Ученый также обращается к мифопоэтическому подходу к изучению творчества писательницы, анализирует мифологические, библейские истоки образности. Помимо прочего, Э.В. Лариева размышляет над проблемой жанрового своеобразия текстов.

В нашей статье будут рассмотрены проявления утопического сознания в повести Л. Улицкой «Сонечка». Одним из знаковых исследований утопии стала монография Н.В. Ковтун «Русская литературная утопия второй половины XX века» [Ковтун, 2005]. В работе автор акцентирует внимание на границе между утопией как метажанром и утопическим мировоззрением. Черты утопического мировоззрения будут в фокусе внимания в данной статье.

В диссертационном исследовании С.В. Безотчетниковой «Русская литературная антиутопия, пределы XX–XXI веков: динамика развития, векторы модификации, типология» выделена совокупность черт, квалифицированная как утопическая парадигма, «включающая такие системные уровни: 1) совокупность акциональных и аксиологических установок (знания, ценности, убеждения), связанных с проявлениями утопического художественного сознания и мышления; 2) систему мифоутопических сюжетных архетипов, утопической топики, структурных элементов утопии, выступающих в качестве средств выражения утопического модуса в художественной литературе, наиболее ярко эксплицируемых в жанрах утопии и антиутопии» [Безотчетникова, 2008, с. 15].

Основной характеристикой утопического сознания является ориентация на идеал, иногда она сопряжена с устремленностью в будущее, но далеко не всегда, например в повести «Сонечка», взгляд главной героини направлен в прошлое, причем не в реальное прошлое, а в прошлое метафизическое, воплощенное в культурном феномене классической русской литературы. Е. Черткова в статье «Утопия как тип сознания» пишет: «Трансцендентность утопии более радикальна: это выход за границы не только действительного, но и возможного, каким оно представляется в перспективе логики развития существующего мира. Временные каузальные связи предшествующего с последующим не имеют для нее никакого значения» [Черткова, 1993, с. 72]. Подобным образом выстраивает-

ся картина мира Сонечки. Героиня находится в несуществующей реальности, которая для нее всегда более релевантна, причем как в случае с книгами, так и в ситуации семейного быта.

Для социальных утопий-проектов характерно техноцентристское понимание мира, для «Сонечки» – это даже не логоцентризм, а литературоцентризм, актуальность которого является предметом для литературоведческих и культурологических дискуссий (в 2014 году в Красноярске вышел сборник научных статей «Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности»). Сознание Сонечки, во-первых, ретроспективно, во-вторых, что характерно для утопии, противопоставлено объективной действительности.

«Сонечка» Л. Улицкой аллегорично связана с «Соней» Т. Толстой. Персонажи встраиваются в традиционную для русской литературы софиологическую парадигму, о чем подробно написано в статье Н.В. Ковтун «Софиологическая парадигма в творчестве Т. Толстой (на материале рассказа “Соня”» [Ковтун, 2009] и других работах исследователя [Ковтун, 2010]. Обе героини предстают перед читателем через призму Слова. Только Сонечка является читателем, нетворцом (идея творца заложена в образе Роберта Викторовича, эта идея рассмотрена в статье Н.В. Ковтун «Мифология поиска истины в раннем творчестве Л. Улицкой» [Ковтун, 2013]), тогда как Соня Т. Толстой сама является «писателем», созидает, и это возвышает ее. Героиня становится спасительницей, несмотря на то, что в тексте Соню постоянно называют «дурой». Персонажи обоих авторов близки внутренним ощущением «отдавания» себя в дар. Они являются хранительницами духовных ценностей – в начале своей жизни Сонечка – библиотекарь, Соня – музейный работник: «Соня служила каким-то там научным хранителем, что ли; скучная жизнь у этих музейных хранителей, все они старые девы» [Толстая, 2002]. С мотивом сбережения связан мотив девства, которое выступает как «хранение себя», застывшее положение, отчасти препятствующее выполнению естественной женской функции рождения дитя. И несмотря на то, что Сонечке все-таки удается родить, это маркируется как чудо: «матка у Сонечки была так называемая детская, недоразвитая и не способная к деторождению, и никогда больше после Танечки Соня не беременела, о чем горевала и даже плакала» [Улицкая, 2006]. Толстовская Соня лишь любит детей, но остается в рамках платонической виртуальной любви, причем не к реальному человеку, а к Слову.

В обоих произведениях есть мотив бессознательной любви женщины к женщине. У Л. Улицкой – это любовь Тани к Ясе, которая описана в парадигме телесности и эротизма: «Предметом страстной влюбленности стала школьная уборщица, а заодно и одноклассница, восемнадцатилетняя Яся <...> Крупная и размашистая Таня с обожанием смотрела на <...> Ясю и страдала от застенчивости» [Улицкая, 2006], у Т. Толстой – любовь Сони к Аде в образе Николая, причем внутренний Николай Ады тоже начинает проникаться своим маскулинным существованием: «Ада мужественно, угрюмо, одна несла свое эпистолярное бремя. <...> Она уже сама стала немного Николаем <...>. И две женщины на двух кон-

цах Ленинграда, одна со злобой, другая с любовью, строчили друг другу письма о том, кого никогда не существовало» [Толстая, 2002]. Вопрос пола разрабатывается в русле создания андрогинного типа, что характерно для русского утопического сознания начала XX века. Это доказывает еще раз, что оба текста аллегорично связаны с культурой Серебряного века.

«Эротическое воздержание, рассматриваемое как необходимое условие для уничтожения смерти и достижения бессмертия тела, представляет собой оксюморонную сексуальную практику. Оно не только отвергает естественный закон продолжения рода и прославляет неутоленное эротическое желание, но и отражает радикальное представление о том, что отказ от секса является действующей силой. <...> символисты провозглашали эротическое влечение неотъемлемой частью преобразующего воздержания» [Матич, 2008]. Идеи русского модернизма начала века были актуальны для эсхатологической утопии конца мира. Андрогинность и воздержание становились одними из факторов достижения состояния конца мира – неразмножения. Т. Толстая дает указание на возраст Сони – в сорок первом году ей был сорок один год. Соня – дитя эпохи модерна, она не продолжает род, у нее нет телесной женскости, ее женскость сугубо метафизическая, причем заключена она не в продолжении рода, а в духовной близости с мнимым мужчиной. Близость без соития также характерна для утопического сознания, стоит вспомнить идеал Прекрасной Дамы, которая не была объектом сексуального вожделения.

Сонечка Л. Улицкой примерно ровесница Сони у Т. Толстой, она также не обладает женскостью в общепринятом смысле слова: «Нос ее был действительно грушевидно-расплывчатым, а сама Сонечка, долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну статью – большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу» [Улицкая, 2006]. Грудь, которая предназначена для вскармливания потомства, становится «никчемным богатством», бедра автор называет «унылой плоскостью сзади», что также свидетельствует о том, что Сонечка даже на физиологическом уровне не совсем женщина. Сонечка как бы не существует в реальном мире, являясь субъектом только в мире собственных иллюзий, она максимально объективирована, такая объективация характерна для постсоветской литературы, унаследовавшей традиции советской. Происходит «расчленение существа героя и его ума – пространства, где происходит переживание», как это описывает О.А. Глушенкова, обращаясь к теме реализации экзистенциала «бытия к смерти» в художественном тексте [Глушенкова, 2018].

Образ Тани, дочери Сонечки, разрушает утопию андрогинности, не относится к миру утопического и Роберт Викторович, муж Сонечки, который чувствует духовное единство с дочерью – у них гипертрофирована почти животная телесность, неиссякаемый эротизм. Сонечкина жизнь не жизнь тела, даже мыслительные процессы ее описаны через нечто, происходящее в душе: «А безмятежная душа Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов <...> безмя-

тежная душа Сонечки не узнавала своей великой минуты...» [Улицкая, 2006] – так воссоздан внутренний мир Сонечки, в жизни которой все происходило в виртуальных, метафизических пространствах. Она не Творец, не создатель по своей природе – хранитель созданной человеком культуры.

В образе создателя представлен Роберт Викторович – на протяжении всего произведения он творит. Муж на двадцать лет старше Сонечки, и их союз изначально странен, алогичен. Роберт Викторович описан через призму своих творений, во-первых, он художник: «Из пяти лагерных лет, вспоминал Роберт Викторович, особенно тяжелыми были первые два, потом как-то обмялось – стал писать портреты начальственных жен, <...> выполняя их, обычно развлекал себя каким-нибудь формальным способом, например, писал левой рукой. Попутно он сделал открытие об изменившемся в связи с временной леворукостью цветовосприимчивости...» [Улицкая, 2006], «Он построил уборную, и его сосед старик Рагимов качал головой и усмеялся: в здешних краях деревянную доску с вырезанным очком считали излишней роскошью и обходились испокон веку тем недалеким местом, что называлось “до ветру”» [Улицкая, 2006]. Ироническое описание говорит о том, что и строительство уборной может стать актом искусства, сопряженным с иными творческими усилиями, например, созданием игрушек для дочери: «Роберт Викторович строил ей целые фантастические города из щепок и крашеной бумаги, богатые подходы к тому, что впоследствии назвали бумажной архитектурой» [Улицкая, 2006]. Вероятно, сортир, построенный Робертом Викторовичем, является отсылкой к инсталляции И. Кабакова «Туалет» (1992). Обособленность сортира подчеркивает противопоставленность Роберта Викторовича окружению, обозначает индивидуалистический (в пику советскому коллективистскому) характер его мировоззрения, при котором сопряжение гостиной (места жизни в общем смысле) и уборной, иронически продемонстрированное И. Кабаковым, невозможно.

Пространство текста представляет оппозицию утопического и реального. В рамках утопического пространства живет Сонечка, для нее на самом раннем и на самом позднем этапе жизни пространство настоящего предстает нерелевантным, она стоически и бесстрастно переносит тяготы быта. Символично нахождение ее в подвальном книгохранилище – подземный мир всегда маркируется как место иное, inferнальное, ее перемещения не столь грандиозны, как перемещения членов ее семьи – Тани и Роберта Викторовича. Движение Сонечки скорее вынуждено, обусловлено внешними обстоятельствами, пик утопичности ее сознания приходится на время обретения ею постоянного дома и жизни в контексте творимого ей семейного мифа. Нахождение Сонечки в дороге делает ее андрогинной: «Мотаясь в пригородных автобусах и расхлябанных электричках, она быстро и некрасиво старилась: нежный пушок над верхней губой превращался в неопрятную бесполоую поросль» [Улицкая, 2006]. Сонечка перемещается в метафизических пространствах, созданных авторами текстов, ею читаемых, физически она статична, метафизически – более мобильна, чем другие персонажи.

Противопоставить ей можно богатую на перемещения жизнь Роберта Викторовича и Тани. «Если первая половина жизни Роберта Викторовича проходила в крупных и шальных географических бросках из России во Францию, потом в Америку, на Балканы, в Алжир, снова во Францию и, наконец, опять в Россию, то вторая половина, отбитая лагерем и ссылкой, проходила в мелких перебежках: Александров, Калинин, Пушкино, Лианозово. Так целое десятилетие он снова приближался к Москве, которая отнюдь не казалась ему ни Афинами, ни Иерусалимом» [Улицкая, 2006], Таня находится в постоянном движении – она живет между Ленинградом и Москвой, а потом уезжает в Швейцарию.

Несмотря на то, что во время своей семейной, посвященной дому и домашним делам жизни Сонечка перестает читать, выходит из мира иллюзий, она все равно создает вокруг себя утопическое пространство – и в этом, новом качестве оставляет за собой функции хранителя. Стоит отметить, что это новое пространство маркируется всеми признаками пространства райского – сад, идиллия, музыка, искусство. Сонечкин быт на данном этапе жизни становится ритуалом, обусловленным обращением к еврейским корням, но обращением не столько пылким и духовным, сколько внешними и материальными: «В ней просыпалась память о субботе, и тянуло к упорядоченно-ритуальной жизни <...>, оторванная от этой древней жизни, она вкладывала весь свой непознанно-религиозный пыл в кухонную возню. <...> Она все прикупала, прикупала разрозненные кузнецовские соусники и фаянсовые английские тарелки по баснословно блошиным ценам в комиссионке на Нижней Масловке» [Улицкая, 2006]. Даже принятие в свой дом Чужого – Яси – воспринималось Соней и как часть ритуала – «мицва» – доброе дело. Ритуализированность характерна для утопического мировоззрения, о чем пишет Н.В. Ковтун в монографии «Русская литературная утопия второй половины XX века» [Ковтун, 2005]. Подобное сознание формируется у Сонечки с рождения: «От первого детства, едва выйдя из младенчества, Сонечка погрузилась в чтение» [Улицкая, 2006].

Итак, повесть Л. Улицкой «Сонечка» построена на противопоставлении утопического и реального, причем это противопоставление выстроено и на уровне создания образов, и на пространственном уровне. Подобный дуализм («способ сопряжения поляризованных величин, который может преобразовываться как в синтез, так и в антиномию» [Степанова, 2017, с. 21]) характерен для русской литературы XX века. Несмотря на постмодернистские интенции автора, снятия дуализма не происходит. Автор выстраивает оппозицию физического-метафизического, где метафизическое всегда утопично, а физическое – животно, инстинктивно.

Библиографический список

1. Безотчетникова С.В. Русская литературная антиутопия пределы XX–XXI веков: динамика развития, векторы модификаций, типология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2008.
2. Глушенкова О.А. Деконструкция языка в советском ментальном пространстве в контексте экзистенциала «бытия к смерти» (на материале текстов А. Платонова) // Сибирский филологический форум. 2018. № 2 (2). С. 41–48.

3. Горелик М. Прощание с ортодоксией // Новый мир. 2007. № 5. С. 168–172.
4. Егорова Н.А. Проза Улицкой 1980–2000-х годов: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. 2007.
5. Ковтун Н.В. Игра мифологемами модернизма в рассказе «Соня» Т. Толстой // Игра как прием текстопорождения: монография / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2010. С. 87–94.
6. Ковтун Н.В. Мифология поиска истины в раннем творчестве Л. Улицкой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6.
7. Ковтун Н.В. Повесть Л. Улицкой «Сонечка»: поэтика экфрасиса: монография // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 87–118.
8. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: монография. Томск: ТГУ, 2005. 536 с.
9. Ковтун Н.В. Софиологическая парадигма в творчестве Т. Толстой (на материале рассказа «Соня») // Literatūra. 2009. Т. 51, № 2. С. 90–99.
10. Кошкарлова Е.Г. Идеино-художественный диапазон «женской темы» в прозе современных русских писательниц и оценках литературной критики: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006.
11. Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs новые возможности / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2014. 576 с.
12. Лариева Э.В. Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. 2009.
13. Липовецкий М., Лейдерман Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. 1968–1990. М.: Академия, 2003. 688 с. Т. 2.
14. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.
15. Побивайло О.В. Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой: дис. ... канд. филол. наук / Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2009.
16. Скокова Т.А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. 2010.
17. Степанова В.А. Дуализм как формула мировоззрения В. Распутина: художественная система выражения: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.
18. Толстая Т. Река Оккервиль: рассказы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. URL: <http://lib.ru/PROZA/TOLSTAYA/okkervil.txt>
19. Улицкая Л. Сонечка: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2006. URL: <https://www.xn--7sbb3aiknde1bb0dyd.com.ua/sovremennaya-proza/4055-ulitskaya-lyudmila-evgenevna-sonchka.html>
20. Черткова Е. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
21. Юзбашев В. Параллельная литература // Знамя. 1998. № 11. С. 221–222.

Сведения об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

REPRESENTATION OF A UTOPIAN WORLDVIEW IN THE STORY OF L. ULITSKAYA «SONECHKA»

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem and purpose. In the article the features of a utopian world outlook in L. Ulitskaya's novel "Sonechka" are considered. The problem of constructing a dualistic picture of the world, presented in the text, is being foregrounded. The purpose of the article is to identify utopian motives in one of the iconic works of contemporary Russian literature. The author of the article made an attempt to reconstruct the picture of the world, represented in the story through the prism of the opposition "utopia-reality". The methodology of the study is realized on the basis of comparative-historical and culturological approach.

Results. Grounded on the literary analysis of the manifestations of a utopian worldview, a dualistic constructive dominant of the text is revealed.

The conclusion. The image of Sonechka is created within the framework of a utopian worldview which is sophiological. The immersion of the heroine into the surreal worlds makes her existence in the real world quite problematic. Even the sphere of everyday life is extremely ritualized, which allows Sonechka to remain objectified and exist outside the actual time and space. The images of Robert Viktorovich and Tanya in this respect remain absolutely realistic, even ironicphysiological, which allows us to consider the "utopia-reality" dualism a tool for constructing the text.

Key words: "Sonechka", utopia, dualism, sophiology, Ulitskaya.

Bibliograficheskij spisok

1. Bezotchetnikova S.V. Russkaya literaturnaya antiutopiya, predely XX–XXI vekov: dinamika razvitiya, vektory modifikacij, tipologiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 2008.
2. Glushenkova O.A. Dekonstrukciya yazyka v sovetskom mental'nom prostranstve v kontekste ehkzistenciala «bytiya k smerti» (na materiale tekstov A. Platonova) // Sibirskij filologicheskij forum. 2018. № 2 (2). S. 41–48.
3. Gorelik M. Proshchanie s ortodoksiej // Novyj mir. 2007. №. 5 S. 168–172.
4. Egorova N.A. Proza Ulitskoj 1980–2000-h godov: problematika i poetika : dis. ... kand. filol. nauk. 2007.
5. Kovtun N.V. Igra mifologemami modernizma v rasskaze «Sonya» T. Tolstoj // Igra kak priem tekstoporozhdeniya: monografiya / pod red. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: SFU, 2010. S. 87–94.
6. Kovtun N.V. Mifologiya poiska istiny v rannem tvorcestve L. Ulitskoj // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013. № 6.
7. Kovtun N.V. Povest' L. Ulitskoj «Sonechka»: poetika ehkfrasisa. Monografiya // Zhanrovye transformacii v literature i fol'klore. CHelyabinsk: EHnciklopediya, 2012. S. 87–18.
8. Kovtun N.V. Russkaya literaturnaya utopiya vtoroj poloviny XIX veka: monografiya. Tomsk: TGU, 2005. 536 s.
9. Kovtun N.V. Sofiologicaleskaya paradigma v tvorcestve T. Tolstoj (na materiale rasskaza «Conya») // Literatūra. 2009. T. 51, № 2. S. 90–99.
10. Koshkarova E.G. Idejno-hudozhestvennyj diapazon «zhenskoj temy» v proze sovremennyh russkih pisatel'nic i ocenkah literaturnoj kritiki: dis. ... kand. filol. Nauk. Pskov, 2006.
11. Krizis literaturocentrizma: utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti/otv. red. N.V. Kovtun. M.: Flinta: Nauka, 2014. 576 s.

12. Larieva E.H.V. Konceptsiya semejstvennosti i sredstva ee hudozhestvennogo voploshcheniya v proze L. Ulickoj : dis. ... kand. filol. nauk. – 2009.
13. Lipoveckij M., Lejderman N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: Ucheb posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij: 2 t. 1968–1990. M.: Akademiya, 2003. T. 2. 688 s.
14. Matich O. EHroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siecle v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 400 s.
15. Pobivajlo O.V. Mifopoehtika prozy Lyudmily Ulickoj: dis. ... kand. filol. nauk. – Sibirskij federal'nyj universitet, 2009.
16. Skokova T.A. Proza Lyudmily Ulickoj v kontekste russkogo postmodernizma: dis. ... kand. filol. nauk. 2010.
17. Stepanova V.A. Dualizm kak formula mirovozzreniya V. Rasputina : hudozhestvennaya sistema vyrazheniya: diss. ... kand. filol. Nauk. SPb., 2017.
18. Tolstaya T. Reka Okkervil': rasskazy. M.: EHKSMO-Press, 2002. URL: <http://lib.ru/PROZA/TOLSTAYA/okkervil.txt>
19. Ulickaya L. Sonechka: Povesti i rasskazy, M.: EHksmo, 2006. URL: <https://www.xn—7sbb3aiknde1bb0dyd.com.ua/sovremennaya-proza/4055-ulitskaya-lyudmila-evgenevna-sonechka.html>
20. Chertkova E. Utopiya kak tip soznaniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1993. № 3. S. 71–81.
21. Yuzbashev V. Parallel'naya literatura // Znamy. 1998. № 11. S. 221–222.

About the author

Tatiana A. Zagidulina – post-graduate student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, philological faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: zagi9@rambler.ru

УДК 82

СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР: ПРЕДПОСЫЛКИ ЯВЛЕНИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ЭТАПЫ, ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ

Ю.Б. Кокоулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается феномен социального театра как одно из актуальных направлений отечественного и зарубежного театрального процесса. Предпосылки современного социального театра обнаруживаются в конце XIX – начале XX века, в период развития революционного рабочего движения, с одной стороны, и медицинской практики психотерапии – с другой.

Будучи обязанным своей популярностью «социальному повороту» в культуре последних десятилетий XX века, социальный театр реализовывает в своем действии такие задачи, как: создание безопасного досугового пространства для людей, в особенности подростков, где они под руководством более опытного человека могли бы создавать театральные постановки; привлечение зрителей к решению социальных проблем, активному ведению пропаганды здорового образа жизни, осуществляя при этом профилактику негативных проявлений; формирование умения адаптироваться в сложной жизненной ситуации, моделирование своего поведения в отношении помощи в реализации творческих способностей выполняет несколько основных функций: воспитательную, социализирующую, просветительскую.

Обобщив все составляющие социального театра, мы можем получить следующую формулу: *соприсутствие+соучастие+рефлексия+искренность= социальные изменения.*

Ключевые слова: *социальный театр, предпосылки, технологии, формы, функции.*

Социальный театр является одним из популярных направлений современного театрального процесса в мире и в России последние несколько десятилетий.

Как культурный феномен XXI века он обязан своей популярностью «социальному повороту» в культуре. Это не означает, что сами практики, выступающие в качестве сущностных характеристик социального театра не существовали ранее, тем не менее долгое время профессиональное сообщество театроведов и искусствоведов игнорировало само наличие этих практик, полагая, что они не относятся к предмету их изучения. Обратившись к работам театроведов и искусствоведов, изучив интервью профессионалов, для которых театр – дело их жизни, психологов, педагогов, мы приходим к выводу, что не существует канонического определения социального театра, поскольку он не признавался искусством и поэтому существовал за рамками профессионального изучения, однако есть набор функций, через которые это понятие раскрывается.

Рассмотрим их, обратившись к предпосылкам возникновения социального театра; исследуем технологию реализации и формы воплощения и в итоге попробуем сформулировать собственное определение социального театра как отдельной формы искусства.

Истоки зарождения социального театра. Предпосылки современного социального театра обнаруживаются в конце XIX – начале XX века, в период развития революционного рабочего движения, с одной стороны, и медицинской практики психотерапии – с другой. Можно предполагать, что зачатки современного социального театра появились в рабочем самодеятельном театре, например, в России в годы революций, когда театр был одним из инструментов пропаганды. Но более важным нам представляется рассмотреть общий культурный контекст, сформировавший феномен социального театра XXI века.

Теория и практика социального театра в XX веке существовала в противоречивых отношениях с двумя общественно-политическими форматами: тоталитаризмом и обществом потребления американского типа. Социальный театр противостоял как авангардной, так и буржуазной концепциям искусства, несмотря на то, что многие теоретики были вдохновлены именно авангардистскими идеями переустройства общества и мира.

Однако для этих, во многом утопических идей социального театра была характерна установка на организованный коллективизм, которая в современном социальном театре отсутствует. По этой причине теории и практики социального театра, возникавшие до второй половины XX века, имеют только косвенное отношение к современной ситуации (как часть традиции). Ситуация разрыва с теориями и практиками прошлого в мировом театральном процессе начала складываться в 1970–1990-е годы. Одной из причин стал разрыв между новой социокультурной средой и устоявшимися моделями искусства, транслирующего определенные национальные ценности, искусства «автономного» и искусства коммерческого.

Например, Великобритания дала мощнейший импульс к развитию социального театра в 1970-е годы, когда британское общество находилось в глубокой экономической депрессии. Именно в это время был бум всевозможных местных культурных инициатив и проектов, возникавших под лозунгом D. I. Y. – Do it yourself («Сделай сам» или «Помоги себе сам»). Люди самостоятельно открывали комьюнити-центры в своих районах, чтобы вместе с соседями и жителями ближайших домов иметь возможность заниматься искусством. Часто при таких центрах возникали и самодеятельные театральные труппы. Помимо прочего, такие местные активистские инициативы внесли вклад и в процесс становления независимости в бывших британских колониях.

Осознание утопичности идеи организованной контролируемой социальности привело к тому, что театр перестал создавать и навязывать идеологию коллективного действия. На смену пришла тактика создания условий для естественного осознания субъектом себя как части общества в данное время, в данный исторический момент.

Социолог Евдокия Романова считает, что идеологическим фундаментом современного социального театра является философия Аугусто Боалья – бразильского актера, режиссера, драматурга, театрального педагога – и немецкого драматурга, теоретика искусства, поэта Бертольда Брехта.

«Боаль создал методологию работы с уязвимыми группами населения для того, чтобы демонстрировать политическую позицию, эмансипировать людей, придать им силу для совершения изменений в своей жизни в положительную сторону» [Корнильцева, 2017].

Драматург считал, что, «двигаясь путем театра, мы можем совершить революцию в общественных процессах и общественном мышлении». Однако он подчеркивал несостоятельность функциональности классического театра: «нет смысла в театре, который не говорит о социальных проблематиках. В социальном театре есть один основополагающий принцип: речь идет о включении людей абсолютно разных социальных меньшинств и работе с этими людьми. С помощью такого театра следует передать то, о чем люди не хотят или не любят говорить» [Корнильцева, 2017].

Нам представляется близкой данная точка зрения, поскольку, по нашему мнению, в ней можно разглядеть природу социального театра как общественного явления с неперенным деятельностным компонентом, отвечающим за «революцию» в обществе, в группе, в самом себе. Театр как средство моделирования человеческого ума и души, вне зависимости от социальной принадлежности человека. В таком театре не нужно прикрываться масками, скрывающими комплексы, поскольку он является ареной для борьбы с ними.

Философия Брехта состоит в отрицании классического аристотелевского театра с главной целью в катарсисе. В нем искусствовед признавал «лишь высшую эмоциональную напряженность, открытое проявление страстей. Но логическая неизбежность и закономерность страданий, предопределяемых катарсисом, были для него неприемлемыми» [Арент, 2003]. Примирение с трагедией, с горем жизни казалось Брехту кощунственным. Драматург находит для определения неотразимый по своей точности афоризм: «Страдание враждебно размышлению». Жизнь понимается им как «эволюция, устремленная к совершенству», как «кристаллизация прекрасного» [Арент, 2003].

Мы частично согласны с данной концепцией, так как нам представляется, что только через катарсис возможно встать на новый путь. Не осознав проблему, не придя к определенной точке «кипения», человек не способен сделать шаг к глобальным изменениям, поскольку, как правило, только определенного рода духовный шок может сподвигнуть личность встать на незнакомый путь.

Однако концепция «эволюции» как сути жизни и, соответственно, театра, помогающего ее развитию, представляется основополагающей для понимания сущности понятия социального театра.

Социальный театр можно рассматривать как одно из порождений «культуры участия» (*participatory culture*), противопоставляемой «культуре потребления» (*consumer culture*). Партиципаторная культура и культура потребления представляют собой две разные модели существования современной культуры, в частности модели реализации практик современного образования и искусства. Социальность проявляется не столько в теме того или иного художественного произ-

ведения, сколько в самом художественном акте, позволяющем каждому участнику не просто проявить себя и испытать какое-то эмоциональное переживание, но решить какую-то реальную социальную проблему.

Функции социального театра. Определение социальной функции театра в XXI веке, как это было и в другие исторические периоды, зависит от значения слова «социальный», которое вкладывают в него теоретики и практики театра. Понятие социального расширяет границы театра как искусства, замкнутого на эстетике. По этой причине его можно назвать и в широком смысле феноменом современной культуры. Важно отметить, что русскоязычное словосочетание «социальный театр» характерно для российского научного и профессионального языка. Социальный театр является объектом исследований не только в рамках театроведения (theatre/performance studies) и искусствоведения (art studies). Разные аспекты социального театра рассматриваются в таких молодых научных дисциплинах, как disability studies (в русском переводе это «исследования инвалидности»), исследования партиципаторной культуры (participatory culture) и инклюзии (inclusive practices).

Одной из ведущих функций социального театра является проработка острых социальных вопросов, назревших в жизни как общества, так и отдельного человека. Сокращение дистанции между актером и зрителем позволяет выстроить доверительный, в определенной мере интимный диалог, в результате которого процесс, ради которого люди собираются в таком театре, становится терапией.

В интервью режиссер Школы-Студии Театра «Индиго» Борис Павлович рассказывает: «В театре собирается много разных людей, можно сказать, город. Встретившись все вместе, мы можем осознать что-то о себе. Эту его функцию “пропагандировали” модернисты, такие режиссеры, как Брехт или Брянцев, каждый по-своему. Они воспринимали зрителей как людей, способных задуматься о себе как о социальном сообществе. Мы встречаемся не ради искусства, а ради жизненной проблемы, темы, только пользуемся технологией, которая есть в театре» [Симонова, 2017]. Таким образом, театр, по мнению режиссера, не должен выступать в роли «демиурга», актер и зритель – это часть одного социума, у первого отсутствует роль наставника, он вместе со зрителем помогает разобраться в проблеме, которая выступает в качестве объединяющей вокруг себя «болевого точки». Павлович аргументирует свое мнение: «Например, мы понимаем, что сейчас подростки в школе предоставлены в основном самим себе, потому что школа как институт не отвечает запросам современного молодого человека на самореализацию. В школьном возрасте человек занят первыми в своей жизни экзистенциальными вопросами: как жить и ради чего жить. Но современная школа, бюрократизированное, заточенное на ЕГЭ место, в этом ему не помощник. И тут возникает, например, театр, который может предложить подростку писать пьесы под руководством драматурга (class act)» [Симонова, 2017].

Чтобы наиболее объективно раскрыть суть вопроса, обратимся к мнению психолога, тренера творческих состояний Льва Ушакова. Он считает, что главной

задачей социального театра является «освещение злободневных явлений в обществе или конкретном обществе» [Демехина, 2016]. Ушаков не случайно акцентирует внимание на словосочетании «конкретное общество», он подчеркивает, что «часто социальные театры затрагивают очень узкие темы, которые могут не касаться всего общества, но быть суперактуальными среди сельских школьников» [Демехина, 2016].

Таким образом, мы имеем уже две точки зрения, схожие по своей сути в том, что социальный театр разговаривает на «горячие», злободневные темы. В результате такого диалога достигается терапевтический эффект как у объекта, так и субъекта общения, проявляющийся в облегчении поиска пути решения внутренних психологических проблем, противоречий.

Однако, по мнению одного из респондентов [Демехина, 2016], нужно учитывать контингент, на который рассчитаны презентации, схожесть их ментальных потребностей.

Исходя из того, что данный театр является площадкой, на которой реализуется постановка спектаклей на острые социальные темы, представляется возможным полагать, что социальный театр несет в себе профилактическую функцию. Как пишет психолог Я. Синявская, «это могут быть “разговоры” на темы насилия, толерантности, взаимоотношений родителей и детей, инвалидность, дискриминация и пр. Некоторые театры проводят обсуждение спектаклей со зрителями или иногда зрители могут “включиться” в действие».

Одной из функциональных возможностей социального театра является то, что посредством театрального действия можно начать диалог с подростком, возбудить его интерес, самостоятельно сформировать свое отношение к проблеме и выстроить собственную стратегию действий в кризисной ситуации.

Это происходит за счет того, что в основе спектакля лежит актуальная для подростка проблема. Встречаясь с ней в безопасной обстановке, наблюдая ее со стороны, он имеет возможность обнаружить наличие этой проблемы в своей жизни, оценить действия героев и сопоставить их с собственными, выработать свое отношение к тому или иному образцу поведения, увидеть последствия «неправильного» поведения на чужом опыте, не подвергаясь лично его влиянию. Спектакль может повысить уровень осознания ценности подростка в оценке влияния деструктивных форм поведения на собственную жизнь и благополучие, а также помогает развить способности к принятию рациональных, конструктивных решений в отношении своей жизни, здоровья и поведения.

По мнению того же исследователя, социальный театр также является недирективным методом арт-терапии, что предполагает взаимодействие с подростком на равных: «За счет того, что в театральной постановке отсутствует прямое обращение к зрителю, а обсуждение, если оно есть, имеет демократичный, ненавязчивый характер, театр не задевает самооценку подростка тем, что утверждает его некомпетентность и неправильность действий» [Кожевникова, 2017].

Таким образом, социальный театр выполняет широкий спектр функций по отношению к его участникам и зрителям: информационно-образовательную, познавательную, развивающую, социально-коммуникативную.

Технология реализации социального театра. Основу технологии социального театра составляет обучение по принципу «равный – равному», т.е. обучение, при котором сами молодые люди передают знания, формируют установки и способствуют привитию ответственного отношения к своему здоровью среди равных себе по возрасту, социальному статусу, имеющих сходные интересы или подверженных сходным рискам. Вследствие чего спектакль достигает цели инициировать рефлексию подростка относительно своего поведения посредством донесения важной информации без запуска механизма противоречия.

Технология социального театра аккумулирует в себе образовательные, творческие и организационные методы работы. Спектакль служит привлекательным и понятным инструментом для выражения идеи. В основе каждого спектакля лежит четко детерминированная идея, направленная на изменение поведения молодых людей.

Анализируя применение технологии социального театра, ее реализацию можно разделить на 5 основных этапов. На *первом этапе* формируется основное послание спектакля. Разработка послания включает в себя следующие шаги: определение проблемы, основываясь на анализе ситуации в регионе; определение общей концепции и темы спектакля; конкретизация и описание проблемы; конкретизация и описание задач, позволяющих решить данную проблему; демонстрация возможных стратегий поведения; описание конкретного «правильного» примера поведения; призыв к действию.

Вторым этапом является театрализация концепции спектакля: выбор ситуаций, иллюстрирующих проблему; выбор ролей; изучение возможных стереотипов поведения. На данном этапе активно используются тренинговые формы работы с психологом и специалистами по актерскому мастерству. *Третий этап* связан с непосредственной подготовкой мероприятия, где будут презентованы миниатюры в рамках постановки. Этап включает: репетиции миниатюр, выбор узловых точек фасилитации; приглашение экспертов; формирование аудитории. *Четвертый этап* – это презентация миниатюр для приглашенной аудитории в виде спектакля. В качестве участников и зрителей выступают молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет.

Заключительный этап мероприятия посвящен фасилитации. Фасилитация представляет собой управляемую дискуссию, где осуществляется работа послания со знанием и подсознанием зрителя, обеспечивается связь спектакля со зрительным залом; возможен диалог между актерами в ролях и зрителями; основу этого процесса составляет обсуждение, дискуссия, которую проводят после окончания представления. Фасилитация представляет собой организованный фасилитатором процесс взаимодействия актеров и зрителей для ответов на любые вопросы, выявления и развенчивания мифов, передачи знаний, передачи послания.

ния, формирования мотивации зрителя на изменение отношения к проблеме и изменение поведения на более безопасное. Важная роль на данном этапе отводится не только фасилитатору, но и приглашенным экспертам, которыми являются специалисты по рассматриваемым вопросам. Однако в ходе мероприятия каждый участник может выступить в роли эксперта.

Формы существования социального театра. В зависимости от исторического контекста, политической ситуации, социально-экономических условий, общественного запроса и уровня развития гражданского общества социальный театр принимает различные формы в разных уголках земного шара, например, в Великобритании, Австралии, других англоязычных странах и странах, находившихся под британским влиянием, мы встретим название *applied drama* или *applied theatre*, что можно перевести как «прикладная драма». Сам термин, по наблюдениям авторов недавно вышедшей в Берлине книги «Театр как интервенция», появился в англоязычном пространстве значительно позже. Однако театральные формы, существовавшие в 1970-е под именами «комьюнити-театр», «театр угнетенных», «театр в образовании» и «театр для развития», сформировали лицо современной британской «прикладной драмы».

Название *applied drama* указывает нам на то, что театр здесь ценен в той мере, в которой он может быть применим к какой-либо другой сфере. Оценивается то, насколько высоки его прикладные результаты. Например, в проекте *Class Act*, родившемся в театре «Треверс» в Эдинбурге, школьники под руководством профессиональных драматургов пишут пьесы, которые потом ставятся на профессиональной сцене театра. Прикладными целями этого проекта являются: повышение грамотности участников-подростков, улучшение их успеваемости в школе и умение выражать свои мысли, обучение подростков умению общаться друг с другом, вести диалог, обсуждению пьес друг друга без оскорблений. Если социальный театр будет приложен к другой сфере, например к работе в тюрьмах, то реабилитация заключенных и подготовка их к возвращению к общественной жизни станут целями тюремного проекта прикладной драмы. Таким образом, в англоязычном пространстве социальный театр понимается как искусство, стоящее между театром и социальной областью, работающее на цели той, к которой оно применяется.

Следующую форму, которую принимает социальный театр, мы рассмотрим на примере Германии. В немецкоязычных странах чаще можно встретить термин «театральная педагогика». «Театральная педагогика – это художественно-эстетическая практика, которая сконцентрирована на индивидууме: его идеях и возможностях самовыражения. Из этой предпосылки в групповой работе и рождается театр. Театральная педагогика способствует развитию творческих и социальных навыков человека, а также личностному росту» [Строганов, 2008]. Театральная педагогика сравнительно недавно стала самостоятельной педагогической дисциплиной. В 1970-х – период после парижских протестов 1968 года – в Западной Германии появляются как государственные культурные и социальные центры, так и свободные творческие пространства, созданные или самоволь-

но занятые местными жителями. Музейная и театральная педагогика, психодрама, свободные сцены с самостоятельно собравшимися театральными группами, эксперименты с бразильским «Театром угнетенных» возникают как протест против элитарного, буржуазного искусства. «Искусство – для всех» и «Вырази себя» становятся главными лозунгами этого времени. Важной особенностью немецкой истории развития социального театра является довольно существенная финансовая поддержка со стороны государства.

Сейчас в Германии театральная педагогика – это специальность, по которой можно получить образование в высших учебных заведениях. Театральные педагоги работают в школах и детских садах, подростковых клубах и клубах для пожилых, в больницах и терапевтических группах. Большинство немецких театров имеет свой педагогический отдел. Например, берлинский театр «Шаубюне» предлагает зрителям не только смотреть спектакли, но и участвовать в мастер-классах, публичных дискуссиях или присоединиться к одной из своих свободных театральных групп. Здесь театральные педагоги – посредники между театром и зрителями, они дают возможность последним стать соучастниками творческого процесса. В немецкоязычном пространстве социальный театр рассматривается как междисциплинарное искусство на стыке театра и педагогики. Его цели – творческое самовыражение личности и построение связей между профессиональными театрами и их зрителями.

Еще одной формой воплощения феномена социального театра является Community-theatre (комьюнити-театр) в США. В самой Америке более распространено оригинальное название, а в Канаде – popular theatre (народный театр). В этих странах больший акцент делается на работе с группами населения и сообществами (комьюнити). Американская ассоциация комьюнити-театров заявляет, что комьюнити-театры привлекают больше участников, показывают больше представлений для большего количества зрителей, чем любой другой вид перформативных искусств в стране. В этом контексте социальный театр рассматривается как центральное место креативной жизни и самовыражения членов сообщества. При этом комьюнити-театр призван не только развлекать, но и вносить вклад в улучшение жизни местного сообщества, которому такой театр служит. Такие театральные группы, как правило, образуются самостоятельно на локальном уровне. «Спускать» социальный театр через государственные институты не имеет смысла, так как в Америке и Канаде сильны горизонтальные связи между людьми – это и есть гражданское общество.

Следующей разновидностью существования социального театра является Theatre for development (Театр для развития), который характерен для стран Африки, Азии и Латинской Америки. Театр в развивающихся странах используется для того, чтобы способствовать повышению грамотности населения, распространению знаний о контрацепции и планировании семьи, в программах борьбы с вирусом ВИЧ, а также в программах развития малого предпринимательства и сельского хозяйства. Целью театра для развития является изменение культу-

ры, уклада жизни определенного сообщества через инновации. Театр становится местом диалога сообществ (комьюнити) о своих проблемах: здесь обсуждаются причины бедности и неблагополучия, способы противодействия угнетению. Использование театра для борьбы с угнетением и для развития сообществ берет истоки в системе «педагогике угнетенных». Пауло Фрейре разработал систему «Театр угнетенных», которая теперь распространена по всему миру. При этом театр для развития может быть как привнесен извне такими организациями, как ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др., так и зародиться внутри самого сообщества. В любом случае в этом контексте социальный театр как междисциплинарное искусство стоит на границе искусства и целей развития конкретного сообщества, социальных изменений и противодействия угнетению.

Наиболее универсальной, по нашему мнению, является Theatre for social change (театр социальных изменений). Этот термин не имеет определенной привязки к территории, однако встречается в зарубежной литературе довольно часто. Например, согласно исследованию Сары Торнтон, главные отличия такого театра лежат в его направленности, в работе с сообществами, междисциплинарности, в концепции «повышения осознанности» и особого рода. «Что остается после того, как спектакль закончился? Что начинается после того, как спектакль закончился?» – эти вопросы задают себе практики театра социальных изменений, поскольку процесс создания театрального действия рассматривается ими в более широком контексте. Деятели такого театра открыто декларируют, что они создают театральное представление для того, чтобы достичь конкретных социальных изменений. Как правило, подготовка и показ спектакля ведутся параллельно с долгосрочной стратегической деятельностью некоммерческих организаций или активистских групп, чтобы совместными усилиями достичь решения конкретной проблемы. Как и политический театр, такой театр показывает, как работает мир, указывает на очевидные и скрытые от глаз недостатки системы. Однако театр социальных изменений больше нацелен не на работу с осознанием проблемы, а на действие, которое приходит через осознание проблемы. Концепция «повышения осознанности» (conscientization) позаимствована социальным театром из «педагогике угнетенных» Пауло Фрейре. Концепция «крика, указывающего на действие» роднит театр социальных изменений с современным активизмом и протестным перформансом.

Процесс осмысления социального театра в российской исследовательской и профессиональной театральной среде активно идет только последние несколько лет, и до его завершения еще далеко. Главная проблема, с которой сталкиваются те, кто входят в этот дискурс, это отсутствие адекватного терминологического аппарата. Термины есть, по крайней мере, в иностранных языках, их можно заимствовать (понятие «комьюнити-театр» или тот же «theatre for social changes»), но вопрос об их релевантности остается открытым.

Такие теоретики и лоббисты социального театра, как Борис Павлович, Елена Ковальская, Елена Гремина, Наталья Попова и Елена Попова, уже определили

для себя социальный театр как «полисенсорную» среду. Этот термин из авангардистской теории «синтетического искусства» применительно к социальному театру имеет более основательную социально-этическую подоплеку. Он обозначает не механическое сочетание разных типов чувственного восприятия, а методику живой коммуникации, предполагающей развитие телесно-аффективного восприятия, прежде всего, когда сопереживание участников происходит не на интеллектуальном уровне, а на уровне ощущений. Для этого человек (его тело), должен быть открыт (подготовлен) к восприятию и принятию данных обстоятельств, окружающих людей. При разговоре о приятии может возникнуть тема воспитания толерантности, не имеющая прямого отношения к социальному театру. Здесь нужно просто выяснить значение слова «толерантность», особенно в российском контексте, как эквивалент слова «терпимость». Социальный театр не имеет отношения к политике толерантности, как и к политике вообще. Скорее можно утверждать, что социальный театр реализует эту идею толерантности на практике. Заявляя о воспитании толерантности населения по отношению к разного рода «маргиналам», социальный театр предлагает конкретные инструменты и демонстрирует способы их применения.

Начиная с 2000-х годов во многих городах России (Москва, Киров, Пермь, Казань, Челябинск, Оренбург, Чапаевск) начинают появляться театры социальной направленности. Особенно активным в данном вопросе является город Самара, где в 2012 году проходил II Международный фестиваль социальных театров.

Что может объединить все эти виды театра?

Два крупнейших исследователя Джеймс Томпсон и Ричард Шехнер в книге «Почему ‘социальный театр’?» предлагают использовать термин «социальный театр» как объединяющий любые виды театра, имеющего «специфические социальные задачи».

Социальный театр имеет и другие объединяющие признаки. Во-первых, эстетика может являться важной составляющей такого театра, однако ведущая роль отдается социальным задачам. Во-вторых, социальный театр не может быть коммерческим продуктом. В-третьих, социальному театру чужд культ новаторства, свойственный авангардному искусству. Социальный театр может встречаться в самых различных местах – от тюрем, лагерей беженцев, больниц, зон боевых действий до собственно театров. Участниками социального театра могут становиться как профессиональные актеры, так и местные жители, люди с ограниченными возможностями, малолетние преступники и другие группы людей, часто из уязвимых, малоимущих и маргинализованных слоев населения. Социальный театр часто опирается на теоретическую базу той области, в которой он работает. Например, театральная педагогика опирается на педагогическую науку; театр для развития использует различные теории развития (development theories) для анализа своей деятельности; театр в тюрьмах следует различным моделям криминологии и реабилитации, чтобы объяснить через них свою практическую работу.

Реализовывая в своем действии такие задачи, как создание безопасного досугового пространства для людей, в особенности подростков, где они под руководством более опытного человека могли бы создавать театральные постановки; привлечение зрителей к решению социальных проблем, активному ведению пропаганды здорового образа жизни, осуществляя при этом профилактику негативных проявлений, формированию умения адаптироваться в сложной жизненной ситуации, моделировать свое поведение в отношении помощи в реализации своих творческих способностей, социальный театр выполняет несколько основных функций: воспитательную, социализирующую, просветительскую. Важно понять, что просветительская функция социального театра осуществляется не через вертикальную модель трансляции, а через диалог. Социальный театр учит процессу общения. Режиссеры, актеры пытаются вместе со зрителем понять и почувствовать проблемы, увидеть их с разных позиций и найти возможные варианты их решения.

Идеологическим ядром является то, что у каждого человека есть история, которая достойна быть представленной на сцене, которой стоит поделиться и которая даст толчок к действию, меняющему реальность вокруг нас. «Иногда в спектаклях рассказывается о том, что все знают; иногда в спектаклях рассказывается о том, о чем все молчат. Иногда они открывают скрывавшуюся правду, а иногда они подвергают сомнению то, как делаются или понимаются определенные вещи» [Постовалова, 2015].

Социальный театр можно определить через отрицание. Социальный театр отходит от концепции романтизма первой половины XIX века, когда была выдвинута идея «искусства ради искусства» и неоромантизма второй половины века. Такой театр, как уже было сказано ранее, не претендует на позицию главного орудия переустройства мира, характерную для искусства авангарда. Общественные изменения – его долгосрочная цель. А в своей ежедневной практике социальный театр работает точно, поступательно, с конкретными актуальными проблемами, которые всегда связаны с конкретным временем, местом и общественной ситуацией. Обобщив все эти составляющие социального театра, мы можем получить следующую формулу: $\text{соприсутствие} + \text{соучастие} + \text{рефлексия} + \text{искренность} = \text{социальные изменения}$.

Фокус социального театра направлен на все явления и процессы социальной жизни. Социальный театр проясняет взгляд, учит видеть и воспринимать социальную жизнь такой, какая она есть. Не просто принимать, мириться, а понимать социальные реалии через включение людей в различные формы социальной работы. Социальные спектакли впускают (позволяют) проникнуть в театр реальной субъективной жизни, тем самым пытаюсь выйти за пределы страха говорить о личном, страха делиться личными переживаниями перед «посторонними». В этом и заключается главный терапевтический эффект.

Таким образом, социальный театр – это наиболее современный и актуальный театр, отвечающий запросам общества. Феномен, который выходит за рамки чи-

стого искусства на территорию задач, лежащих в области действительной жизни, то есть реальных вопросов и проблем, которые являются болевыми точками общества, социума. Когда искусство с помощью своих уникальных инструментов эти вопросы пытается решить, здесь, по нашему мнению, и начинается социальный театр.

Библиографический список

1. Арент Х. Люди в темные времена. М., 2003. URL: <https://vikent.ru/author/1563/> (дата обращения: 16.03.2018).
2. Демехина М. Что такое социальный театр? URL: <https://thequestion.ru/questions/187525/chto-takoe-socialnyi-teatr/> (дата обращения: 14.03.2018).
3. Кожевникова Т.А. Использование инновационной технологии «социальный театр» в социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социальные нормы в условиях современных рисков: материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2017. С. 157–161.
4. Корнильцева В. Аугусто Боаль, или Театр для всех. URL: <http://lubimovka.ru/blog/445-augusto-boal-ili-teatr-dlya-vsekh-2/> (дата обращения: 16.03.2018).
5. Постовалова Я. Искусство как терапия. URL: <http://expert.ru/northwest/2016/03/iskusstvo-kak-terapiya/> (дата обращения: 16.03.2018).
6. Психотерапия на подмостках. Сайт журнала Большая деревня. URL: http://bigvill.ru/life/168zhizn_teatr_psihoterapiya_na_podmostka/ (дата обращения: 16.03.2018).
7. Симонова М. Что такое социальный театр: «Территория» и Борис Павлович в Томске. URL: <https://territoryfest.ru/about/press/chto-takoe-sotsialnyy-teatr-territoriya-i-boris-pavlovich-v-tomske/> (дата обращения: 14.03.2018).
8. Социальный театр проходит фазу становления. URL: http://www.rus-inv.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=663:socialtheater&catid=95:04-052016&Itemid=122 (дата обращения: 15.03.2018).
9. Социальный театр как форма профилактики негативных социальных явлений. URL: <https://thequestion.ru/questions/187525/chto-takoe-socialnyi-teatr/> (дата обращения: 17.03.2018).
10. Строганов А.Е. Психотерапия на базе театральных систем: практическое руководство. СПб.: Наука и Техника, 2008.
11. Театральная педагогика вводится в немецкоязычных школах. URL: <https://sputnik-georgia.ru/society/20161110/233772870/Uroki-teatra-vvodjatsja-v-shkolah-Gruzii.html> (дата обращения: 15.03.2108).

Сведения об авторе

Кокоулина Юлия Борисовна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: Yulia_777_7@mail.ru

SOCIAL THEATER: THE PRECONDITIONS OF THE PHENOMENON, THE TECHNOLOGY OF REALIZATION AND ITS STAGES, FORMS OF EMBODIMENT

Y.B. Kokoulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

In this article the phenomenon of social theater is considered as one of the actual directions of the domestic and foreign theatrical process. The prerequisites of modern social theater are found in the late XIX – early XX century, during the development of the revolutionary labor movement, on the one hand, and the medical practice of psychotherapy, on the other. Owing its popularity to a “social turn” in the culture of the last decades of the 20th century, the social theater implements in its activity such tasks as: creating a safe leisure space for people, especially for adolescents, where they could stage theatrical performances under the guidance of a more experienced person; attracting spectators to the solution of social problems; propagating the ideas of a healthy lifestyle while at the same time preventing negative manifestations; developing the ability to adapt in a complex life situation, modeling one's behavior with due regard to the realization of one's creative abilities to perform several basic functions: educating, socializing, enlightening.

Summarizing all the constituents of social theater, we can get the following formula: copresence + coparticipation + introspection + sincerity = social changes.

Key words: *social theater, prerequisites, technologies, forms, functions.*

Bibliograficheskij spisok

1. Arent Kh. Lyudi v tyomnye vremena. M., 2003. URL: <https://vikent.ru/author/1563/> (data obrashcheniya: 16.03.2018).
2. Demekhina M. Chto takoye sotsialny teatr? URL: <https://thequestion.ru/questions/187525/chto-takoe-socialnyi-teatr/> (data obrashcheniya: 14.03.2018).
3. Kozhevnikova T.A. Ispolzovaniye innovatsionnoy tekhnologii «sotsialny teatr» v sotsialnoy adaptatsii detey-sirot i detey, ostavshikhnya bez popecheniya roditeley // Sotsialnye normy v usloviyakh sovremennykh riskov: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chelyabinsk, 2017. S. 157–161.
4. Korniltseva V. Augusto Boal, ili Teatr dlya vsekh. URL: <http://lubimovka.ru/blog/445-augusto-boal-ili-teatr-dlya-vsekh-2/> (data obrashcheniya: 16.03.2018).
5. Postovalova Ya. Iskusstvo kak terapiya. URL: <http://expert.ru/northwest/2016/03/iskusstvo-kak-terapiya/> (data obrashcheniya: 16.03.2018).
6. Psikhoterapiya na podmostkakh. Sayt zhurnala Bolshaya derevnya. URL: http://bigvill.ru/life/168zhizn_teatr_psihoterapiya_na_podmostka/ (data obrashcheniya: 16.03.2018).
7. Simonova M. Chto takoye sotsialny teatr: «Territoriya» i Boris Pavlovich v Tomske. URL: <https://territoryfest.ru/about/press/chto-takoe-sotsialnyy-teatr-territoriya-i-boris-pavlovich-v-tomske/> (data obrashcheniya: 14.03.2018).
8. Sotsialny teatr prokhodit fazu stanovleniya. URL: http://www.rus-inv.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=663:socialtheater&catid=95:04-052016&Itemid=122 (data obrashcheniya: 15.03.2018).
9. Sotsialny teatr kak forma profilaktiki negativnykh sotsialnykh yavleniy. URL: <https://thequestion.ru/questions/187525/chto-takoe-socialnyi-teatr/> (data obrashcheniya: 17.03.2018).
10. Stroganov A.E. Psikhoterapiya na baze teatralnykh system: prakticheskoye rukovodstvo. SPb.: Nauka i Tekhnika, 2008.

11. Teatralnaya pedagogika vvoditsya v nemetskoyazychnykh shkolakh. URL: <https://sputnik-georgia.ru/society/20161110/233772870/Uroki-teatra-vvodjatsja-v-shkolah-Gruzii.html> (data obrashcheniya: 15.03.2108).

About the author

Kokoulina Yulia Borisovna – master's student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, philological faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: Yulia_777_7@mail.ru

УДК 82'06

МОТИВ УХОДА НА ВОЙНУ И ВОЗВРАЩЕНИЯ ВОИНА В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА

В.А. Степанова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Цель статьи – анализ мотива ухода на войну и возвращения воина на примере текстов В. Распутина. В прозе писателя отмечается трансформация этого принципиально важного для прозы второй половины XX в. мотива. Война – как переход из заповедного пространства деревни в инопространство – предопределяет судьбы героев: готовность к охранению – одна из значимых характеристик мужских образов. Исполнение миссии делает возможным возвращение в сакральное пространство через обряд включения, отступление же ведет к отказу от судьбы, невозможности вернуться к патриархальному укладу.

Ключевые слова: В. Распутин, образ воина, мотив ухода на войну, мотив возвращения, обряд включения, традиционалистская проза.

Постановка проблемы. Великая Отечественная война является важной точкой координат в прозе традиционалистов, задает как временные, так и духовно-нравственные ориентиры. Выход за границы своего пространства в классических текстах В. Распутина трагичен, влечет за собой разрушение мироустройства, гибель (что характерно для традиционализма в целом): вторжение чужих или отъезд, выход за пределы родового пространства выросших детей тоже демонстрирует нарушение сакральных границ, лишает род перспективы и воспроизведения цикла жизни («Матренин двор» А. Солженицына, «Привычное дело» В. Белова, «Алька» и «Дом» Ф. Абрамова). Уход на войну напрямую связан с мессианской функцией охранения, защиты рода, соответственно, мир, покинутый воином, остается целостным («Усвятские шлемоносцы» (1977) Е. Носова, «Комиссия» (1975) С. Залыгина). В рамках данной статьи мы рассмотрим специфику мотива ухода на войну и возвращения воина в прозе В. Распутина, проанализируем трансформацию мотива.

В соответствии с целью и задачами в работе используются следующие методы: мотивного анализа, структурно-типологический, описательный и сравнительный.

Описание ухода на войну наследует традициям воинской повести, в которой подготовка воинов к походу представляет собой часть ритуального действия. Мотив упоминается уже в рассказе «Продолжение песни следует» (1966): старуха-тофаларка вспоминает, как забирали ее мужа на войну: «Зачем? – спрашивала она каждого. – Зачем война? Зачем моего мужика на войну берут? <...> Нет, ты скажи, если ты маленько умный. Зачем люди друг друга стрелять будут?» [Распутин, 1966, с. 14]. Уход на войну в рассказе воспринимается не как исполнение сакральной миссии охранения, а с позиции выхода за границы своего мира,

бессмысленной гибели. Это связано с тем, что Тофалария – отграниченное пространство, мир окрест которого – враждебен. В цикле В. Распутина «Край возле самого неба» (1966) убийство человека явлено нравственным непреложным запретом, в ситуации предполагаемого убийства снимается оппозиция «свой – чужой», человек оказывается выше этих категорий, воспринимается тофаларкой онтологически.

Иначе осмысляется уход на войну в рассказе «Василий и Василиса» (1966): Василиса провожает на войну мужа, двух сыновей и дочь Анну, война описана как опасность, но и как долг, экзистенциальные вопросы права на убийство в рассказе не ставятся. Перед лицом смертельной опасности происходит временное примирение супругов (оно символически повторится перед смертью Василия): «Василиса, – хрипло сказал Василий, – не суди меня боле – убьют, поди. Ты тут ребят... того... Василиса первая подала ему руку, Василий пожал ее и, не договорив, ушел» [Распутин, 2007, т. 1, с. 371], – мужчина не только признает свою вину, но и заботится о сохранении и продолжении рода. Он уходит со двора первым, сам закрывает за собой ворота. Позже Василиса, провожая детей, «сама открывала ворота, прижимала фартук к губам и, крестясь, смотрела, как из дворов одна за другой выезжают подводы <...> Василиса не ходила за деревню, она стояла у ворот, а потом закрывала за собой ворота, словно запиралась от новой подводы» [Распутин, 2007, т. 1, с. 371], – попытка закрыться от подводы, т.е. потенциальной смерти, восходит к обряду замыкания смерти. О. Седакова в исследовании «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» отмечает, что «в ходе погребального обряда должно стереться значение реального пространства кончины (дома, лавки в доме), и смерти должен быть отведен “освященный”, обрядово закрепленный участок земли. Там вместе с телом погребается и замыкается сама смерть. Если же реальное место кончины не снимается ритуальным, присутствие смерти или воплощающей ее нечисти консервируется, создается “нечистое”, “урочное”, “выморочное место”» [Седакова, 2004, с. 75].

В повести «Последний срок» (1970) уход на войну также дан глазами провожающей матери: «Илья – маленький, прибитый и одновременно возвышенный отъездом на войну, главный, уже наполовину чужой в эту последнюю минуту – подошел к матери. Она перекрестила его, и он принял ее благословение, не отказал, она хорошо помнит, что он не просто вытерпел его, жалея мать, а принял, согласился, это было у него в глазах, которые дрогнули и на миг засветились надеждой» [Распутин, 2007, т. 2, с. 182], – необычно, что отъезд на войну воспринимается как отчуждение, но принятие материнского благословения несет в себе защиту, важно, что принятие не формальное, а духовное, т.е. благословение является полноценным обрядом.

Военные проводы с точки зрения уходящего впервые представлены в повести «Живи и помни» (1974). Андрей, уже дезертировав, вспоминает: «Андрей простился со своими дома: ни к чему растягивать слезы и причитания,

а себе травить попусту душу. То, что приходится обрывать, надо обрывать сразу» [Распутин, 2007, т. 3, с. 25]. Он рвет связь с родом, обрывает сами проводы, утром, проплывая мимо родной деревни, – молчит, хотя остальные мужики будят село криками вразнобой, герой испытывает обиду и злость: «Невольная обида на все, что оставалось на месте, от чего его отрывали и за что ему предстояло воевать, долго не проходила <...> Его обидело: что же так скоро? Не успел уехать, оторваться, а уже позабыто, похоронено все, чем он был и чем собирался стать: значит, ступай и умирай, ты для нас конченный человек. Да неужели и впрямь конченный? Отказываясь, со взывавшим недобрым упрямством он вслух пообещал: – Врете: выживу. Рано хороните» [Распутин, 2007, т. 3, с. 26]. Важным аспектом является обида на родовое пространство, что усиливает отчуждение героя, ощущение себя конченным человеком для рода предвосхищает отступление от исполнения воинской миссии [Ковтун, Степанова, 2014, с. 13]. Андрей сторонится односельчан, молчит, сам церемониал прощания воспринимает как «потеху», которая является отражением слабости. То, что он как антигерой воспринимает слабостью, ненужным и бессмысленным, патриархальным героям давало силы сохранить себя и найти мужество исполнять охранительную миссию.

Говорить о трансформации мотива ухода на войну не представляется возможным, поскольку в приведенных произведениях мотив представлен с разных позиций, что может предопределять иные варианты реализации. Однако можно отметить, что общность и связь с родом дает надежду на возвращение, индивидуализм Андрея приводит к дезертирству и отказу от исполнения охранительной миссии [Ковтун, 2015, с. 234].

Сложнее организован мотив возвращения с войны. Василий («Василий и Василиса») возвращается осенью, жена, узнав о его возвращении, думает только о том, что сына Сашку убили, а отец вернулся живым, она чувствует раздражение, уходит на кухню, чтобы не участвовать в общей трапезе, велит постелить отцу в амбаре, т.е. вина Василия – «упраздненная» во время войны – вновь становится значимой. Важными элементами мотива возвращения являются общее застолье и песни. В рассказе песни воспринимаются как чужие, отделяющие мужиков от природного занятия: «Мужики пели незнакомыми, приобретенными где-то там, на войне, голосами, приобретенными и в криках “ура” и в криках о помощи, – Василисе казалось, что они собрались только для того, чтобы до конца пропеть и прокричать в себе чужие голоса, вслед за которыми должны начаться их собственные. <...> все это походило на тупую, беспокойную боль» [Распутин, 2007, т. 1, с. 372]. Песня как переходный этап включения вновь прибывшего воина в повседневную жизнь является, по сути, обрядом, неслучайно к вернувшемуся сходится вся деревня, и прежде всего воевавшие мужики, которые выполняют функцию проводников. Василию тем не менее не удастся встроиться в патриархальный уклад, он почти сразу уезжает на золотые прииски, не рассчитывая скоро вернуться, отдает сыну свои награды.

Не возвращается домой из армии и Илья («Последний срок») – он доезжает до фронта к окончанию войны, т.е. не участвует в боях, но, окончив службу, уезжает на север, откуда затем перебирается в город, окончательно теряя онтологические ориентиры и связь с землей.

В повести «Живи и помни» представлено возвращение с войны героя – Максима Вологжина – и дезертира Андрея. Гуськов не вписывается в традиционную парадигму – он отказывается от исполнения воинского долга, что делает его возвращение тайным, превращает его в оборотня, зверя, лишает перспективы продолжения рода и самой жизни. Описание встречи Максима предваряется замечанием, что он первый, кто вернулся жить, поскольку перед ним с войны отпускают Петра – умирать: «Уж и то хорошо, что могила была дома, не в чужой стороне» [Распутин, 2007, т. 3, с. 71]. В ситуации онтологической катастрофы, которой является война, сама возможность умереть в родном пространстве, а не на поле боя, воспринимается как дар – именно этот факт примиряет старуху Анну с мужем: «В его кончине старуху больше всего поразило то, что ему, побывавшему где-то возле самой войны, где смерть поголовно перешла в смертоубийство, удалось воротиться домой и в тишине и покое принять свою собственную смерть. Она нашла в этом для себя тайный знак и сразу примирилась со стариком» [Распутин, 2007, т. 2, с. 175–176]. Мирная кончина в родовых пределах актуализирует ряд оппозиций: свое – чужое пространство, обряд – ритуал (Петр умирает после Покрова, что символически значимо), жизнь – смерть.

Приезд Максима Вологжина прерывает труд: жена бросает работу с зерном (олицетворяющим зарождение жизни), да и вообще все деревенские «больше в этот день не работали» [Распутин, 2007, т. 3, с. 72] – ситуация развивается принципиально иначе, чем в рассказе «Василий и Василиса»: Василиса скрывается в доме от прибывшего мужа и находит себе работу – перебирает картошку. В повести же возвращение Максима стягивает, собирает всех людей, даже старая Семеновна встает и начинает расхаживаться, узнав о его возвращении. Центром события, конечно, становится общая трапеза – сакральное действо, в основании которого опять-таки лежит оппозиция «свой – чужой», но разделение пищи – обряд, снимающий оппозицию, включающий чужого в круг своих. В данном случае он символически означает возвращение к самому себе. За Максимом и закреплена функция проводника, героя, для которого проницаемы границы: «Впервые оттуда, с войны, с кромешной битвы, пришел человек, чтобы остаться с ними, – пришел как посыльный, как вестник от всех мужиков: скоро, бабы, скоро. Скоро все выяснится окончательно: одним рыдать, потеряв последнюю надежду, другим радоваться, а всем вместе начинать новую жизнь» [Распутин, 2007, т. 3, с. 77]. В повести – в нарушение соцреалистического канона военной прозы – проговаривается противоречие обыденной мирной жизни, того самого витального цикла, героической гибели: «– Не мог мой паразит живым остаться... Что ты на меня уставилась? Не правда, что ли? <...> Наклепал ребятишек и... смертью храбрых. А что с его храброй смертью я теперь делать буду? Их, что ли, кормить?»

[Распутин, 2007, т. 3, с. 72], – это не умаляет необходимости выполнения охранительной миссии, воинского долга, но возвращает к повседневным заботам мирной жизни, необходимым для сохранения рода.

В облике фронтовика подчеркиваются изменения: похудел, почернел, волосы острижены, рука на перевязи, – все это атрибуты чуждой жизни. Трапеза, собранная в честь встречи, неоднократно атрибутируется как поминальная: припас для встречи фронтовиков хранится в каждой семье, но у многих он идет на поминки. И радостное застолье неизбежно перекликается с похоронным: «На войну мужиков провожали – пели, а встречаем – как на похоронах» [Распутин, 2007, т. 3, с. 86]. Действительно, церемониал встречи во многом схож с погребальным и поминальным обрядами: это и оповещение односельчан, и плач, и песни, общая трапеза, неслучайно особенно заботятся вернувшиеся фронтовики о детях – именно на них и стариках лежит функция проводника между бытием и инобытием.

Возвращение с войны суть переход от инобытия к бытию, если в погребальном обряде поминки – включение умершего в мир мертвых, трапеза в честь возвращения – включение выжившего в мир живых. Для Максима Вологжина обряд совершается успешно, но уже в повести «Прощание с Матерой» (1976) автор описывает бытование, в котором не свершился ритуал перехода: «Павел подумал, что ему вообще нередко приходится вспоминать, что он живет, и подталкивать себя к жизни: после войны за долгие годы он так и не пришел в себя, и мало кто из воевавших, казалось ему, пришел. Все, что требуется, они делают – и детей рожают, и работу справляют, и солнце видят, и радуются, злятся в полную моченьку, но все как бы после своей смерти или, напротив, во второй раз, все с натугой, привычностью и терпеливой покорностью» [Распутин, 2007, т. 4, с. 218–219]. В этом же контексте осмысляется надрыв на войне в повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка» (1967): Борис Костяев умирает по дороге в тыл от легкого ранения, потому что не в силах справиться с душевными переживаниями.

Рассказ «Женский разговор» (1995) предельно реализует данную модель: с войны возвращается «не тот» дедушка: умирающий муж оставил завет однополчанину жениться на вдове. Семена вдова Наталья встречает чаем, устраивает на ночлег у своих родителей, воин одаривает детей сахаром, – обряд, хоть и частично, совершается. Героиня отказывается выходить замуж, вернувшийся воин оказывается включен в родовой круг через стариков и ребятишек (проводников). Состарившаяся Наталья размышляет: «И отсюда, с высокой моей горушки, кажется мне: не два мужика у меня было, а один. В одного сошлось. На войну уходил такой, а воротился не такой. Ну так а что с войны и спрашивать? Война и есть война» [Распутин, 2007, т. 4, с. 335].

Заключение. Война в произведениях В. Распутина описана как особый хронотоп, но фактически сами батальные сцены вынесены из плана повествования, возникают исключительно контекстуально, война осмыляется в контексте перехода из традиционного пространства, организованного циклом земледельческих трудов, в инопространство, однако целью выхода является исполне-

ние сакральной миссии охранения земли и рода. Тем не менее возвращение воина символически дублирует похоронный обряд, осуществляется через включение мнимо «чужого» в родовой круг. Немаловажно, что обряд включения может остаться незавершенным. Повторение данного мотива основано на оппозициях «свое – чужое», «жизнь – смерть». И если в ранних текстах оппозиция становится антиномией – чужое пространство маркировано смертью, а возвращение в свое, родовое знаменует жизнь, то в поздней прозе жизнь и смерть уравниваются, образуют синтез.

Надо сказать, что черты воина-защитника будут явлены не только в образах непосредственных участников войны. Так, в повести «Последний срок» защитником выступит Михаил – оборонит сестру от чужака-лагерника, в финальной повести «Дочь Ивана, мать Ивана» уберечь от насильника или помочь Светке не смогут ни брат, ни отец, функцию воина придется взять на себя матери – Тамаре Ивановне. Месть, самосуд для Тамары Ивановны – охранение устоев и защита рода, однако попытка остановить насилие насилием не помогает сберечь род: пропадает брат Тамары Ивановны – Николай, Светка пугает дочку бабушкой. Оборона невозможна, остается только мстить именно потому, что родовые границы уже разрушены, чужие находятся в «своем» пространстве, которое, в свою очередь, тоже отчуждено.

Следующее поколение писателей, наследующее традиционалистской прозе, представители неотрадиционализма и «нового реализма», будут обращаться к образу воина локальных конфликтов (Афганистан, Чечня), во многом противопоставляя его образу воина-защитника: воин не несет миссию охранения и защиты, не может пройти обряд включения в разрозненное общество (например, ветеран-афганец в романе З. Прилепина «Санькя» представляется как бездельный пьяница, способный только на созерцание, не на деятельность). Воин больше не может стать освободителем, он один из толпы. Трансформация образной системы тесно взаимосвязана с пересмотром ценностных ориентиров, мировоззренческих основ, что, в свою очередь, отражает слом культурной парадигмы, наметившийся уже в 1980–1990-е гг.

Библиографический список

1. Ковтун Н.В. «Демонологический» сюжет в повести В. Распутина «Живи и помни» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 232–241.
2. Ковтун Н.В., Степанова В.А. Проблема гендерной идентификации мужских образов в творчестве В. Распутина: дуализм психически-интеллектуальных доминант // Филологический класс. 2014. № 2 (36). С. 7–14.
3. Распутин В.Г. Василий и Василиса // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 1: Век живи – век люби: повести, рассказы. С. 361–390.
4. Распутин В.Г. Женский разговор // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 2: Последний срок: повесть, рассказы. С. 321–337.
5. Распутин В.Г. Живи и помни // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 3: Живи и помни: повесть, рассказы. С. 5–257.

6. Распутин В.Г. Продолжение песни следует // Край возле самого неба: очерки и рассказы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. 64 с.
7. Распутин В.Г. Прощание с Матерой // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 4: В ту же землю: повесть, рассказы. С. 5–237.
8. Распутин В.Г. Последний срок // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 2: Последний срок: повесть, рассказы. С. 5–213.
9. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

Сведения об авторе

Степанова Василина Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: burivouh@mail.ru

THE MOTIVE OF GOING OFF TO WAR AND THE RETURN OF THE WARRIOR IN V. RASPUTIN'S PROSE

V.A. Stepanova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article deals with the analysis of the motive of going off to war and the return of the warrior using the example of V. Rasputin's texts. In the writer's prose, one can see a transformation of this, one of the most important in the prose of the second half of the 20th century motives. War - as a transition from the countryside sacred space to some alien expanse - predetermines the fate of the heroes: readiness to protect is one of the significant characteristics of Rasputin's male images. The fulfillment of the mission makes it possible to return to the sacred space through the ritual of inclusion, retreat leads to the rejection of fate, the impossibility of returning to the patriarchal way of life.

Key words: *V. Rasputin, the image of a warrior, the motive of going off to war, the motive of return, the rite of inclusion, traditionalist prose.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Kovtun N.V. «Demonologicheskij» syuzhet v povesti V. Rasputina «Zhivi i pomni» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2015. № 2. S. 232–241.
2. Kovtun N.V., Stepanova V. A. Problema gendernoj identifikacii muzhskix obrazov v tvorchestve V. Rasputina: dualizm psihicheskij-intellektual'ny'x dominant // Filologicheskij klass. 2014. № 2 (36). S. 7–14.
3. Rasputin V.G. Vasilij i Vasilisa // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 1: Vek zhivi – vek lyubi: povesti, rasskazy`. S. 361–390.
4. Rasputin V.G. Zhenskij razgovor // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 2: Poslednij srok: povest`, rasskazy`. S. 321–337.
5. Rasputin V.G. Zhivi i pomni // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 3: Zhivi i pomni: povest`, rasskazy`. S. 5–257.
6. Rasputin V.G. Prodolzhenie pesni sleduet // Kraj vozle samogo neba: ocherki i rasskazy`. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 64 s.
7. Rasputin V.G. Proshhanie s Matyoroj // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 4: V tu zhe zemlyu: povest`, rasskazy`. S. 5–237.
8. Rasputin V.G. Poslednij srok // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 2: Poslednij srok: povest`, rasskazy`. S. 5–213.
9. Sedakova O.A. Poe'tika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochny'x i yuzhny'x slavyan. M.: Indrik, 2004. 320 s.

About the author

Vasilina A. Stepanova – candidate of philology, senior lecturer of the Department of contemporary Russian language and methodic, philological faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: burivouh@mail.ru

УДК 82. 09

ТОПОС ХОРОВОДА В МАЛОЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-СИБИРЯКОВ

Н.С. Цветова (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Статья посвящена малым жанровым формам в прозе известных сибирских писателей В. Распутина, В. Астафьева. Смысловая структура произведений этих прозаиков рассматривается сквозь призму топического анализа. Автор считает, что онтологическая основа хорошо известных исследователям текстов связана со смысловыми импульсами, которые не всегда отражены, но влияют на целостность повествования. Это прежде всего тоpos хоровода, который существует в проанализированных текстах, в неразвитом, интуитивном виде, у Распутина воплощается в соответствующем мотиве, у Астафьева – в лексико-семантическом поле, ядром которого в конечном итоге становится идеологема «хоровод».

Цель исследования: анализ «художественного состава содержания» (по М.М. Бахтину) литературных текстов самых известных традиционалистов-сибиряков – В.П. Астафьева и В.Г. Распутина – с преимущественным вниманием к текстовой репрезентации системы топов – относительно устойчивых «структурно-смысловых моделей» (П.Е. Бухаркин, И.В. Анненкова и др.), которые могут воплощаться в художественных образах, мотивах, концептах, символах и т.п.).

В результате исследования автор приходит к выводу, что писательская сосредоточенность на топосе хоровода, имеющем разное текстовое воплощение, становится в XX веке знаком выражения эсхатологичности художественного мышления. Художественный мир большого прозаика – это персональная художественная мифология, обусловленная творческой индивидуальностью, влияющая на организацию, оформление повествования, содержание ключевых топов.

Ключевые слова: *сибиряк, традиционалист, тоpos, хоровод, мотив, идеологема, лексико-семантическое поле.*

Постановка проблемы исследования. Актуальность темы обусловлена многими факторами. Во-первых, прямой соотнесенностью с антропологической направленностью большинства сегодняшних филологических изысканий, с общей нацеленностью современной отечественной гуманитарной мысли на постижение национального мироощущения. Во-вторых, назревшей потребностью в создании целостной, непротиворечивой по сути историко-литературной концепции.

Мы исходим из того, что отчетливо проявившаяся в последние годы установка на реинтерпретацию ключевых фактов истории советской литературы не может быть осуществлена без переосмысления темпоральной составляющей традиционалистского вектора русской прозы, без убедительной и доказательной реконструкции художественной философии наиболее значительных течений и направлений русской литературы XX, без серьезного разговора о творческой индивидуальности писателей, представлявших мейнстрим литературного развития во второй половине прошлого столетия.

Наша *цель*: анализ «художественного состава содержания» (выражение М.М. Бахтина) [Бахтин, 1998, с. 128] литературных текстов самых известных традиционалистов-сибиряков – В.П. Астафьева и В.Г. Распутина – с преимущественным вниманием к текстовой репрезентации системы топосов – относительно устойчивых «структурно-смысловых моделей» (П.Е. Бухаркин, И.В. Анненкова и мн. др.), которые могут воплощаться в художественных образах, мотивах, концептах, символах и т.п.).

Теоретическая база исследования – идеи интегративного характера, которые в отечественном литературоведении впервые отчетливо были обозначены в двухтомном издании материалов Всесоюзной научно-творческой конференции в ИМЛИ РАН в 1989 [История советской литературы: новый взгляд, 1990], получили развитие в последнем варианте академической теории литературы [Теория литературы, 2001] и в более поздних работах Ю.Б. Борева, А.Д. Михайлова, П.Е. Спиваковского, В.В. Вансловова, Ю.С. Степанова, Л.И. Сазоновой, В.К. Кантора, К. Касьяновой, В.Ф. Чесноковой, В.П. Филимонова, Н.А. Хренова [Теоретико-литературные итоги XX века, 2003] и мн. др.

В основании избранного научного подхода предложенное Д.С. Лихачевым понимание культуры «как некоего органического целого явления, как особого рода среды, в которой существуют общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоотношения и взаимоотноотталкивания...» [Лихачев, 1994]. Учитывались современные принципы интерпретации художественного текста, базирующиеся на концепции лингвостилистического анализа, разработанной академиком В.В. Виноградовым; идеи К. Юнга о прямой и непосредственной зависимости индивидуально-авторской картины мира от опыта предшествующих поколений; ключевые с методологической точки зрения принципы «обратного историзма» и «археологии гуманитарных наук», разработанные М. Фуко, заставившим размышлять над культурно-историческими предпосылками явлений истории литературы, предостерегавшим от приписывания этим явлениям тех свойств, качеств, атрибутов, которые к ним исторически не могут иметь отношения.

Не игнорировались участвовавшие филологические попытки обновления методов описания «внутренней структуры произведения», презентующие художественные тексты в одном смысловом поле с другими текстами культуры, выявляющие их мифологичность, социологичность, психологизм, политические, бытовые, религиозные составляющие, совмещающие литературоведческий и лингвистический опыт работы с художественным текстом и некоторые черты психоаналитического и культурологического подходов [Кузина, 2002].

Особого внимания требует термин «топика», привнесенный в гуманитарную науку из античной, греческой риторики. Современная гуманитарная наука прежде всего признает существование топики культуры (устойчивых мотивов, героев-символов, событий-символов, определенного набора литературных средств, с помощью которых воплощался народный нравственный кодекс), одним из наиболее авторитетных исследователей которой был А.М. Панченко [Панченко 1999, с. 236–237].

Возникновение терминологического словосочетания «литературная топка» связывается с некоторым удалением от риторической сущности явления. У Хебекус утверждает, что «освобождение топки из “корсета” риторики началось с установления ее связей с историей – с возникновения “теории поля” Л. Борншойера (1976), в свете которой возникло толкование топки как “инструмента исторической и социальной герменевтики” – культурной модели, обучающей способам постижения традиций, воспитания “общего чувства” (термин Гревеница, 1987). При таком понимании топка эффективно может использоваться при анализе литературных текстов для преодоления формалистической и структуралистской тенденций “онаучивания” этого анализа, привнесения в него абсолютно реальной “региональной” и исторической онтологии» [Hebekus, 1995, S. 83]. Гарантией эффективности использования топки в литературоведении как исследовательского инструмента стала убежденность в том, что топка существует вне произведения, принадлежит историко-литературной реальности, из которой произведение возникает, и может выполнять функцию образа, мотива, метафоры, символа, аллегории и т.д.

В русской науке о литературе топос как исследовательский инструмент прежде всего используют при изучении древнерусского агиографического жанрового канона. Т. Руди определяет топос как «любой повторяющийся элемент текста, закреплённый за определенным местом сюжетной схемы». Терминологическими вариантами топоса ученый считает «типические черты», «общие места», клише, повторяющиеся мотивы, устойчивые (трафаретные) литературные формулы и т.д. [Руди, 2006, с. 434]. В понимании топоса мы будем опираться именно на данную концепцию, соответствующую отечественной филологической традиции.

Теоретико-литературное обоснование возможности использования топки как инструмента для исследования новейшей прозы, ее традиционалистского сегмента, впервые были представлены в монографии П.Е. Бухаркина «Риторика и смысл» (СПб., 2001). Наш выбор аналитического подхода к прозаическим текстам сибиряков-традиционалистов продиктован спецификой наших задач и эмпирического материала и предполагает понимание топоса как ментальной единицы, устойчивой структурно-смысловой модели (формулы, стереотипа), зафиксированной в определенном источнике и получившей в литературной практике двадцатого столетия более разнообразное по сравнению с древнерусской эпохой обновленное текстовое воплощение.

Материалы и методы. Исследователи классической русской литературы, как правило, обращают внимание на топосы времени и пространства, жизни и смерти, на топосы материнства. «Художественный состав содержания» литературных текстов самых известных традиционалистов-сибиряков – В.П. Астафьева и В.Г. Распутина – с применением этого аналитического инструмента, естественно, изучался. Достаточно упомянуть работы Н.В. Ковтун: «Деревенская проза в зеркале утопии» [Ковтун, 2009], «Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика» [Ковтун, 2013] и др. Нас также интересует онтологическая

основа хорошо известных исследователям текстов, но те смысловые импульсы, которые не всегда в достаточной степени отрефлексированы, хотя влияют на целостность повествования. К такого типа топосам, на наш взгляд, относится *топос хоровода*, существующий в астафьевских и распутинских текстах, как правило, если использовать определение М.М. Бахтина, «в неразвитом, в необоснованном, в интуитивном виде» [Бахтин, 1998, с. 125].

Хоровод – идеально-регулятивный топос. С одной стороны, он соотносится с наиболее значимым мифопоэтическим символом – кругом, отражающим идею цикличности времени и представления о структуре пространства, связанным с солярной символикой [Белова, 2004, с. 11–12]. С другой – топос хоровода зафиксирован в русской культуре в соответствующем концепте, имеющем сложную смысловую структуру. Это не просто «старинный коллективный народный танец у славянских народов, участники которого с пением ходят по кругу, обычно взявшись за руки», как утверждают составители толкового словаря современного русского языка [Современный словарь..., 2006, с. 909]. Хоровод – событие для многих сильных, здоровых, красивых людей, объединенных в процессе общего переживания радости и праздника. Точное описание девичьего хоровода, насыщенное многими образными подробностями из фольклорных текстов – пейзажно-бытовыми, фантастическими и обрядовыми, транслирующими картину всеобщего веселья, – создал С.А. Есенин:

А у наших у ворот
Пляшет девок корогод.
Ой, купало, ой, купало,
Пляшет девок корогод.
Кому горе, кому грех,
А нам радость, а нам смех.
Ой, купало, ой, купало,
А нам радость, а нам смех [Неженец, 1988, с. 17].

Хоровод – модель пространства, освободившегося от иерархических социальных зависимостей; модель слияния времен природного и космического. В хороводе отражаются различные социально-бытовые явления народной жизни, со всей полнотой и искренностью, свойственной народной песне, выявляются внутренние свойства русского человека, ведь, как сказала одна из известных северных песенниц, «мы ходили песню». А о значительности и специфичности содержания народных песен говорит пословица: «Сказка – сладка, а песня – быль» [У Белого моря, 1958, с. 6–7]. Движение певуний в хороводе идеально подчинено национальному коммуникативному коду, предлагающему русскому человеку самостоятельно, но в подчиненности с молоком матери усвоенным принципам выстраивать многообразное взаимодействие с теми, кто оказался рядом, ради проявления своего таланта и своих возможностей.

Если принять все сказанное, то придется признать, что именно в хороводе выражается с предельной точностью и полнотой национальное представление

о гармонии движения, окружающего мира, эстетические представления русского народа. Неслучайно чинные, спокойные северные хороводы передают представление о благородстве и сдержанности. Украшенные песнями хороводы центральных областей России объединяют людей веселых и беззаботных. Многолюдные, замысловатого рисунка хороводы южан демонстрируют безудержное веселье. Специалисты считают, что изобретаемые хороводницами фигуры напоминают узоры кружевниц, резчиков по дереву и кости, живописцев. Одним словом, код хоровода требует серьезной расшифровки, ибо хранит представления наших предков об устройстве мира, природы, о стандартах поведения, о моральных принципах и критериях, в соответствии с которыми в течение многих столетий организовывались формальные и неформальные взаимоотношения.

Благодаря авторитету М.М. Бахтина, топос хоровода на несколько десятилетий был скрыт за популярным амбивалентным учением о карнавале, которое последователи и апологеты, по ироничному замечанию С.А. Небольсина, превратили в глубоко по-русски «антирепрессивную», «демократичную», «еретичную или ереселюбивую, всемирно-освободительную, раскрепостительную» и пр. Возвращение топоса хоровода в поле научного поиска началось в 1960-е годы, когда были опубликованы сначала работы В.Я. Проппа, посвященные морфологии русских праздников, потом появились исследования сотрудников Пропповского центра, наконец, статьи одного из учеников Бахтина – С.А. Небольсина.

С.А. Небольсин настаивает на существовании целого ряда обстоятельств, не позволяющих карнавалу, несмотря на древность и распространенность его, «считаться универсальным образом или символом для культуры». Он утверждает, что хоровод является не просто рядовой «частностью культурного быта», но тем уникальным одухотворенным и эстетически значимым образом русской культуры, который позволяет постичь ее сущность [Небольсин, 2004, с. 13]. Естественно, что хоровод как институциональное культурное явление зафиксирован в соответствующем литературном топосе, в текстовом воплощении которого отражалась сложнейшая рефлексия по поводу формы и содержания древнейшего феномена национальной культуры, начиная со «Слова о полку Игореве». При развитии литературной традиции образ хоровода и номинирующее его слово получили мощнейшую «метонимическую подпитку» (термин Н.А. Илюхиной). Наиболее известная художественная презентация этого топоса в русской прозе последних десятилетий принадлежит номинанту Букеровской премии 1998 года московскому прозаику А. Уткину (роман «Хоровод», 1998) и С. Кузнецову (роман «Хоровод воды», 2010), использующих слово как средство создания концептуальной метафоры, за которой уже в названии текста закрепляется сюжетобразующая роль.

Топос хоровода в рассказе В. Распутина «Видение». Принципиально иное текстовое воплощение топос хоровода получает в малых прозаических жанрах В. Распутина и В. Астафьева, транслирующих память о том, что топос хоровода является ключевым в русском национальном самосознании для семантического поля жизни. У Распутина это рассказ «Видение» (2003, журнальная публикация – 1997),

рассказ, в котором «имеющий базисный характер» [Карасев, 2001, с. 95] топос хоровода с абсолютной отчетливостью представлен охватывающим, поглощающим все текстовое пространство лексико-семантическим полем, ядро которого зафиксировано в символическом осеннем пейзаже: *«Горячо рдеют леса, тяжелы и душисты спутанные травы, туго звенит, горчит воздух и водянисто переливается под солнцем по низинам; дали лежат в отчетливых и мягких границах; межи, опушки, гребни – все в разноцветном наряде и все хороводится, важничает, ступает грузной и осторожной поступью <...> И все роняет, роняет семена и плоды, устилая землю. “Бабье лето” теперь помолодело: весна вдвигается в лето, а лето в осень, в сентябре еще зелено, ядрено, крепко, осенью и не пахнет, а снежный саван между тем готовится без промедления. Через неделю после Покрова ударит мороз, а потом будет мокнуть, ворочаться с боку на бок, томиться. А потом и вовсе обсохнет. И весь на опоздках сохранившийся убор густо полетит-заметелит крупным пестряным севом»* [Распутин, 2005, с. 451].

В этом пейзаже идеально проявлен ключевой для анализируемого распутинского рассказа мотив хоровода, получающий натурфилософское обоснование, что неудивительно. Исследователи часто пишут о том, что художественное содержание хоровода в первую очередь связано с образами русской природы (см. любой интернет-ресурс). Лексический ключ привычного обоснования у Распутина – глагол *«хороводиться»*, который используется прежде всего для фиксации основной, если не единственной формы существования природы (*«все хороводится»*). Как следствие, хоровод в распутинском пейзаже становится и основной формой структурирования пространства: хороводятся и *«межи, опушки, гребни»* – все опорные точки окружающей реальности. В данном случае важна последовательность, в которой представлено предметное наполнение пространства. В этой последовательности отражается естественный порядок постижения всей полноты окружающего мира – от ближнего объекта к дальнему, который с невероятной точностью когда-то был предъявлен и обоснован в повести Е.И. Носова *«Усвятские шлемоносцы»* [Цветова, 2016]. Картина природы, с одной стороны, привычно расстилается вширь и вдаль, но с другой – дорога, которая манит повествователя, *петляет*, минуя пригорки и низинки, чтобы исчезнуть и появиться *на вземе*, в стремлении к бесконечности напоминает о существовании мира дольного, о нерасторжимой связи двух миров, путешествие по которым уготовано человеку.

У Распутина хоровод определяет и главный принцип организации земного времени: хороводом, в точном соблюдении установленных вечностью интервалов, сменяют друг друга времена года, уплывают годы, месяцы, часы, дни и минуты – улетают осенние листья как знаки уходящего времени. Не минует писатель и солярную символику хоровода – завершает пейзаж описанием солнца: *«тихого и слабого, с четким радужным ободом»*, равно как в *«Стоглаве»* (1551) сказано: *«Некто мудрый сказал: прекрасно утром является солнце, ибо оно свет. Тьма им отгоняется, луна уходит и ночи нет. Оно просветляет день, делает прозрачным воздух, небо украшает, землю удобряет, от него блещет море и не вид-*

но звезд на тверди небесной. Оно одно заливаает своими лучами вселенную и все, что в ней» (Стоглав, 1991: 5).

И не менее важен в этом случае и ассоциирующийся с ритмическим рисунком медленного, находящегося в абсолютном подчинении гармонии музыкального, песенного сопровождения движения в хороводе интонационный рисунок повествования, который напоминает о благородстве и выдержанности, о сдержанности и спокойствии, о насыщенности и глубине хороводов северных. Ритмы – звуковой, грамматический, синтаксический, как это принято в русском фольклорном произведении, – у Распутина накладываются друг на друга, обеспечивая удивительную гармонию текста.

Возникает интонация, благодаря которой описание пейзажа обретает особую жизненную силу, рождая особый настрой, особое ощущение бытия, обусловленное сложнейшим «комплексом человеческой чувственности и идеологии, в котором природное неотделимо от социального, телесное от духовного» [Карасев, 2001, с. 94], возникшим при рождении русского мира, выразившим себя в выросшем из старинных языческих обрядов и игрищ древних славян, поклонявшихся могущественному богу Солнца. Еще одним текстовым выражением эмоций, соответствующих этому удивительному ощущению, у Распутина становится «мерцание» – уход, исчезновение и возвращение «речевого лада» – тонической рифмы, поддерживающей уникальный ритмический облик текста. Это «мерцание» запечатлевает и передает мельчайшие изменения настроения повествователя, отражает направление движения его мысли.

Так медленно, ненавязчиво осуществляется Распутиным художественное форматирование многокомпонентного топоса в соответствии со сложнейшим процессом восстановления в сознании его героя элементов древнего восприятия реальности и видения жизни как бесконечной цепи неразрывных явлений, событий, каждому из которых свой *черед* [Распутин, 2005, с. 446], а черед этот устанавливается незыблемыми законами природы, символом которой становится поздняя просветленная осень, «крепко *обнявшая* весь *растлающийся*» перед человеком мир. В этом маленьком эпизоде Распутин глобализует символику круга, как мы уже отмечали, базовую для топоса хоровода.

С мягкой иронией почти в конце текста писатель пытается обойти возможные упреки в *растительном философствовании* [Распутин 2005, с. 452]. И говорит о главном своем открытии, случившемся на исходе земного пути, – о существовании *единой цепи жизни* и *единого ее смысла*, по сути, это открытие свидетельствует о том, что интересовавший нас топос, зафиксированный в мерцающем мотиве хоровод, включается Распутиным в ментальную зону веры, веры в Бога, имя которому Жизнь. А жизнь под сенью вечности – бесконечности цепочки дней – охраняет маленький седовласый старичок, обладающий удивительным портретным сходством с Николой-угодником.

Топос хоровода в малой прозе В. Астафьева. В творчестве В. Астафьева все иначе: топос хоровода прежде всего связан с концептуальной метафорой – ядер-

ной при изображении жизни природы, включенной в зону памяти в отношении к персонажу-повествователю – в воспоминания о *«той поре, когда все казалось радостным и от жизни ждали только радости»*, когда душа была наполнена ликованием, *«от восторгу чувств <...> хотелось петь», «улыбаться солнцу, свету»* [Астафьев, 1997, т. 5, с. 247, 249]. Такого типа метафор особенно много в ранних пейзажных зарисовках, в «затесях» у Астафьева: *ярким хороводом* пошли калуужницы («Пир после победы»), как всегда неожиданно засветился в одной из лунок, в зеленоватом *хороводе*, желтенький цветочек («Ода русскому огороду»), у подножия хребта в веселой пестрине закружились *хороводы* осин, березняков, боярышника, <...> рыбы хороводы («Царь-рыба»), *хороводы* цветов («Герань на снегу»), куклы *хороводы* водили, деточек качали, в гости ходили («Конь с розовой гривой»). Понятно, что Астафьев формирует мощное лексико-семантическое поле, ядром которого становится концепт, имеющий особую эмоциональную ауру, способный выполнять функцию «показателя культуры» (определение Д.С. Лихачева).

Но «содержание понятия» в прозе Астафьева примерно к середине 1990-х меняется вместе с утратой мечты о времени, когда смыслом *намерений всех культурных людей станет общий большой хоровод* (из интервью В.П. Астафьева «Литературной газете», 1994, 4–11 ноября). Неотступной становится мысль об угасании древней песни *«прекрасной и далекой Родины», «раздавленной веками, знакомой мне до боли страны под названием “Русь”»* [Астафьев, 1997, т. 7, с. 429].

Ко времени появления этого печального откровения авторитетные толковые словари уже зафиксировали трагическое сужение традиционного для национального самосознания семантического поля, ядром которого было слово «хоровод», в языковом сознании современников писателя. Если в словаре В.И. Даля словарная статья, посвященная хороводу, включает несколько синонимов (*харогод, карагод, круг, танок, улица*), шесть производных лексических единиц (*хороводить, хороводничать, хороводиться, хороводник, хороводница*) [Даль, 1955, с. 561], то в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, составленном в 1930-е годы, смысловая структура этого слова в значительной степени деформирована, обеднена, явление, номинируемое данным существительным, представлено как имеющее социальную ограниченность: «У русской крестьянской молодежи – род массовой крестьянской игры, обычно состоящей в круговом движении с пением и пляской» [Толковый словарь русского языка, 1994, с. 1178]. В словаре под редакцией С.Н. Кузнецова, выпущенном в начале XXI века, хоровод – это только «старинный коллективный народный танец у славянских народов, участники которого с пением ходят по кругу, обычно взявшись за руки» [Современный словарь..., 2006, с. 909]. Правда, тут же узаконен новый лексико-семантический вариант («о круге, образованном взявшимися за руки детьми и взрослыми, ходящими с песнями вокруг чего-либо» [Там же] и активность производной глагольной формы *хороводиться*, имеющей три значения, два из которых переносные: *иметь дело, обычно длительное, хлопотное с кем-либо, чем-либо; водить компанию, знакомство или сожительство* [Там же, с. 901]. Стоит обратить внимание на то,

что в смысловой структуре обоих переносных значений в разной степени выраженности присутствует отрицательно-оценочный компонент.

В описаниях поздних астафьевских персонажей – людей, утративших представление об идеальной форме существования, это направление деформации топоса зафиксировано отчетливо. Сначала в «Печальном детективе» в описании случайно увиденных Леонидом Сошным торжественных проводов «столличного “сиятельства”»: *«В вагон подавались сосуды и банки с маринованными белыми грибами, ивовые корзинки с мороженой клюквой, местное монастырское сушо в берестяных плетенках, на шею “сиятельству” надеты были три пары липовых игрушечных лаптей, в узорчатом пестере позвякивали бутылки, в пергаментной бумаге, перевязанной церковной клетчатой ленточкой, уезжала из Вейска еще одна старинная, в свое время недогубленная иконка. В хороводе бежал, гакал и ослеплял всех блицами растянутый до пояса, распоясанный, вызывающе показной и пьяный местный “боец пера”»* [Астафьев, 1997, т. 9, с. 102].

В печально-ироничном описании нового хоровода центральной фигурой стал продажный газетчик Костя Шаймарданов, жизненный успех которого воспринимается как символический, как знак окончательного расставания с идеальным образом Родины, уничтожаемым агрессивными потребителями под аккомпанемент новых, разнузданных «властителей умов», единственным смыслом существования которых становится обслуживание всю жизнь презираемых писателем «столличных сиятельств».

В повести «Людочка» ощущение трагизма бытия достигает кульминации. Именно в этой повести топос хоровода, оставаясь без прямой номинации, подается как ключевой для национального культурного пространства. Осознание распада и подмены его – основанная причина губительного мироощущения повествователя, символ апокалипсического состояния мира, о котором с наибольшей убедительностью В. Астафьев впервые написал в *задушевной* повести «Пастух и пастушка». В «Людочке» же в описании современных танцев откровенная, агрессивная подмена топоса хоровода становится средством создания эсхатологической картины мира:

«В загоне-зверинце и люди вели себя по-звериному». В начале вечера, видимо, все еще интуитивно, подсознательно покоряясь человеческой природе, они пытались создать танцевальный круг. Но в момент появления на танцплощадке героини уже *«со всех сторон потешался и ржал клопочущий, воющий, пылящий, перегарную вонь изрыгающий загон. Бесилось, неистовствовало стадо, творя из танцев телесный срам и бред. Взмокшие, горячие от разнузданности, от распоясавшейся плоти, издевающиеся надо всем, что было человеческого вокруг них, что было до них, что будет после них, душили в паре себя и партнера <...>. Музыка, помогая стаду в бесовстве и дикости, билась в судорогах, трещала, гудела, грохотала барабанами, стонала, выла»* [Астафьев, 1997, т. 9, с. 398].

Примечательно, что, отказавшись от существительного «объятья», В. Астафьев создает развернутое описание танца, заменившего давно забытый хоровод. Картина человеческой деградации, приведшей людское племя вновь к *входу в пещеру*, кото-

рый напоминает платный проход в загон страшной для астафьевской героини дискотеки, – кульминация не только повести, но и всего позднего творчества писателя.

После «Людочки» в стремлении к преодолению овладевших его сердцем и разумом эсхатологических предчувствий писатель пробовал обратиться к поиску новой духовной опоры, неастраниженных национальных культурных запасов. И завершил свой поиск в «попытке исповеди» «Из тихого света», в которой роль ключевого топоса в художественной философии писателя примет на себя топос света, этимологически связанный прежде всего с православным мирозерцанием. И поворот этот, на наш взгляд, для Астафьева будет принципиально значимым [Цветова, 2010, с. 7]. С одной стороны, он говорит об окончательном оформлении трагической уверенности писателя в разрушении национального мирозерцания, сущностных, нутряных качеств национальной культуры, ключевым в системе которых в течение многих веков являлось стремление к гармонии во всех ее проявлениях (содержательно – в особом переживании человеческой общности, человеческого единства, в уникальных возможностях для реализации индивидуальности и т.п.). Подчеркиваем, одним из наиболее ярких формальных выражений этого стремления был культурный код хоровода. Астафьев номинацию этого кода превращает в идеологему, транслирующую не столько философские, как у В. Распутина, сколько этические смыслы.

Выводы. Наши наблюдения говорят о глубинной общности выдающихся писателей-традиционалистов. Эта общность прежде всего выражается в онтологической ориентированности их взгляда на окружающую реальность и человека. В проанализированных случаях писательская сосредоточенность на топосе хоровода, имеющем разное текстовое воплощение, становится знаком выражения спровоцированной эпохальными переменами эсхатологичности художественного мышления. В то же время ясно, что художественный мир большого прозаика – это персональная художественная мифология и онтология, которая влияет на организацию, оформление повествования, сказывается на содержании ключевых топосов.

Кроме того, наши наблюдения позволяют судить о свойствах художественного текста, определяющих продолжительность читательского интереса к «художественному составу содержания». Одно из условий долгой жизни новой и старой русской классики – наличие и смысловая структура его онтологической «подсоны». В. Распутину и В. Астафьеву при всей разности их взгляда на окружающую реальность, на взаимоотношения их персонажей с этой реальностью, гарантирована жизнь до тех пор, пока человечеству интересна тема столкновения жизни и смерти, пока человек способен рефлексировать по поводу тех процессов, в которых фиксируется направление эволюции или деградации человечества.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Дуда // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 7. С. 426–429.
2. Астафьев В.П. Людочка // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 9. С. 390–428.

3. Астафьев В.П. Печальный детектив // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 9. С. 5–128.
4. Астафьев В.П. Пир после победы // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 5. С. 247–280.
5. Бахтин М.М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 608 с.
6. Белова О.В. Круг // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 11–12.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИИНС, 1995. Т. 4. 684 с.
8. История советской литературы: Новый взгляд. М.: Наука, 1990. Ч. 1–2. 498 с.
9. Карасев Л.В. Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 399 с.
10. Ковтун Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии: монография. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
11. Ковтун Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика. Красноярск: СФУ, 2013. 352 с.
12. Кузина Н.В. Семантическое развертывание прозаического текста: Методика анализа. Предварительный опыт // Алфавит: филолог. сб. Смоленск: СГУ, 2002. С. 71–92.
13. Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 6. С. 4–12.
14. Небольсин С.А. Карнавал или хоровод // Литературная газета. 2004. № 31. С. 13.
15. Неженец Н.И. Поэзия народных традиций. М.: Наука, 1988. 207 с.
16. Панченко А.М. Русская история и культура. СПб.: Азбука, 1999. 464 с.
17. Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана: повесть, рассказы. Иркутск: Издатель Сапронов, 2005. 480 с.
18. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. VII. СПб.: РАН – Пушкинский Дом, 2006. С. 431–501.
19. Современный толковый словарь русского языка / авт. проекта и гл. ред. С.А. Кузнецов; Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Норинт, 2006. 960 с.
20. Теоретико-литературные итоги XX века. Литературное произведение и художественный процесс. М.: Наука, 2003. 373 с.
21. Теория литературы. М.: Наследие, 2001. Т. IV: Литературный процесс. 614 с.
22. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 4. 1499 с.
23. У Белого моря. Народные песни и сказы: сб. / Н. Рождественская. Архангельск: Книжное издательство, 1958. 171 с.
24. Цветова Н.С. Бытийные мотивы в творчестве В.П. Астафьева. СПб.: Филологический университет, 2010. 64 с.
25. Цветова Н.С. Онтопоэтика повести Е.И. Носова «Усвятские шлемоносцы» // «В краю отеческой привязанности». Образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. 340 с.
26. Hebekus Uwe. Topik / Inventio // Metzler Lexikon Literatur und Kulturtheorie. Ansätze – Personen – Grundbegriffe. Herausgegeben von Ansgar Nunning. Verlag J.B. Metzler. Stuttgart-Weimar, 1995. С. 82–83.

Сведения об авторе

Цветова Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры медиалингвистики института высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: cvetova@mail.ru

RING DANCE TOPOS IN SHORT-STORY PROSE OF SIBERIAN WRITERS

N.S. Tsvetova (St. Petersburg, Russia)

Abstract

The article is devoted to small genre forms in the prose of the famous Siberian writers V. Rasputin, V. Astafyev. The semantic structure of works of these prose writers is considered through the prism of topos analysis. The author considers that the ontological basis, well-known to researchers of texts, is connected with semantic impulses which have not always been reflected, but they influence integrity of the narration. First of all it is the topos of a ring dance, which exists in the analyzed texts in an undeveloped, intuitive form, Rasputin embodies it in the corresponding motive, Astafyev - in the lexical-semantic field the core of which is the concept of "ring dance".

The purpose of the research is to analyze "the structure of the artistic content" (according to M. Bakhtin) of literary texts written by the most well-known Siberian "traditionalist" writers V. Astafyev and V. Rasputin. In particular, the author analyzes text representation of the system of topoi (relatively stable structural-semantic models) which can be implemented in art images, motives, concepts, symbols, etc.

The author comes to the conclusion that the writers' concentration on the topos of a ring dance, which has different text embodiments, becomes a sign of expressing an eschatology of art thinking in the XX century. At the same time, it is clear that a big prose writer's world of art is determined by personal art mythology which influences creative identity affecting the organization and execution of the narration as well as the content of key topoi.

Key words: *Siberian, traditionalist, topos, ring dance, motive, ideologeme, lexical-semantic field.*

Bibliograficheskij spisok

1. Astaf'ev V.P. Lyudochka // Astaf'ev V.P. Sobr. soch.: v 15 t. Krasnoyarsk: Ofset, 1997. T. 9. S. 390–428.
2. Astaf'ev V.P. Duda // Astaf'ev V. P. Sobr. soch.: v 15 t. Krasnoyarsk: Ofset, 1997. T. 7. S. 426–429.
3. Astaf'ev V.P. Pechal'ny`j detektiv // Astaf'ev V.P. Sobr. soch.: v 15 t. Krasnoyarsk: Ofset, 1997. T. 9. S. 5–128.
4. Astaf'ev V.P. Pir posle pobedy` // Astaf'ev V. P. Sobr. soch.: v 15 t. Krasnoyarsk: Ofset, 1997. T. 5. S. 247–280.
5. Baxtin M.M. Tetralogiya. M.: Labirint, 1998. 608 s.
6. Belova O.V. Krug // Slavyanskie drevnosti. E`tnolingvisticheskij slovar` pod red. N.I. Tolstogo; Institut slavyanovedeniya RAN. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 2004. T. 3. S. 11–12.
7. Dal` V.I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka. M.: GIINS, 1955. T. 4. 684 s.
8. Istoriya sovetskoy literatury`: Novy`j vzglyad. M.: Nauka, 1990. Ch. 1–2. 498 s.
9. Karasev L.V. Veshhestvo literatury`. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2001. 399 s.
10. Kovtun N.V. «Derevenskaya proza» v zerkale utopii: monografiya. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009. 494 s.
11. Kovtun N.V. Sovremennaya tradicionalistskaya proza: ideologiya i mifopoe`tika. Krasnoyarsk: SFU, 2013. 352 s.
12. Kuzina N.V. Semanticheskoe razverty`vanie prozaicheskogo teksta: Metodika analiza. Predvaritel'ny`j opy`t // Alfavit. Filologicheskij sbornik. Smolensk: SGU, 2002. S. 71–92.
13. Lixachev D.S. Kul`tura kak celostnaya sreda // Novy`j mir. 1994. № 6. S. 4–12.

14. Nebol'sin S.A. Karnaval ili xorovod // Literaturnaya gazeta. 2004. № 31. S. 13.
15. Nezhenez N.I. Poe`ziya narodny`x tradicij. M.: Nauka. 1988. 207 s.
16. Panchenko A.M. Russkaya istoriya i kul`tura. SPb: Azbuka. 1999. 464 s.
17. Rasputin V.G. Doch` Ivana, mat` Ivana. Povest`, rasskazy`. Irkutsk: izdatel` Sapronov, 2005. 480 s.
18. Rudi T.R. O kompozicii i topike zhitij prepodobny`x // Trudy` Otdela drevnerusskoj literatury`. VII. SPb.: RAN – Pushkinskij Dom, 2006. S. 431–501.
19. Sovremenny`j tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. Avt. proekta i gl. Red. S.A. Kuznecov; Institut lingvisticheskix issledovanij RAN. SPb.: Norint, 2006. 960 s.
20. Teoretiko-literaturny`e itogi XX veka. Literaturnoe proizvedenie i xudozhestvenny`j process. M.: Nauka, 2003. 373 s.
21. Teoriya literatury`. M.: Nasledie, 2001. 614 s. T. IV: Literaturny`j process.
22. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / pod red. D.N. Ushakova. M.: Russkie slovari. 1994. T. 4. 1499 s.
23. U Belogo moray. Narodny`e pesni i skazy`: sb. / N. Rozhdestvenskoj. Arxangel`sk: knizhnoe izdatel`stvo, 1958. 171 s.
24. Czvetova N.S. By`tijny`e motivy` v tvorchestve V. P. Astaf`eva. SPb.: filologicheskij universitet, 2010. 64 s.
25. Czvetova N.S. Ontopoe`tika povesti E.I. Nosova «Usvyatskie shlemonoscy» // «V krayu otecheskoj privyazannosti». Obrazy` i legendy` Central`nogo Chernozem`ya v literature XX veka. Voronezh: Nauka-Yunipress, 2016. 340 s.
26. Hebekus Uwe. Topik / Inventio // Metzler Lexikon Literatur und Kulturtheorie. Ansätze – Personen – Grundbegriffe. Herausgegeben von Ansgar Nunning. Verlag J.B. Metzler. Stuttgart-Weimar, 1995. S. 82–83.

About the author

Natalia S. Tsvetova – Doctor of Philology, Professor of the Department of Media-linguistics of the Institute «Higher School of Journalism and Mass Communications» of St. Petersburg State University; e-mail: cvetova@mail.ru

УДК 82-31

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ И.А. ГОНЧАРОВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ОБРЫВ»)

Е.И. Шевчугова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В отношении И.А. Гончарова *проблема* изучения религиозности специалистами, как правило, не ставится, поскольку писателю не были свойственны серьезные религиозные искания, его вера в своей основе была «младенческой», следовательно, и вопросов здесь почти не остается. Однако вера Гончарова как часть его мировоззрения, как набор моральных норм и установок, жизненных императивов – эксплицитно и имплицитно проявляется в его творчестве. *Цель* статьи – описать функционирование религиозных мотивов в романе «Обрыв», в котором религиозные мотивы проявились наиболее открыто. *Методы* исследования – биографический и историко-литературный. В *результате* анализа романа «Обрыв» описываются типы веры, свойственные героям Гончарова, выясняется, что для его героев религиозные кризисы закономерно не характерны. Особое внимание уделяется религиозным мотивам при описании жизненной драмы Веры и Бабушки Бережковой.

Ключевые слова: Гончаров И.А., «Обрыв», религиозность писателя, религиозные мотивы, образ Веры, образ Татьяны Марковны Бережковой, образ Бабушки.

Постановка проблемы. Религиозность И.А. Гончарова, как и многое в его жизни, не была публичной. Он не обсуждал ее с друзьями (по крайней мере, таких свидетельств не обнаружено), не известно и о каких-либо серьезных религиозных кризисах в жизни писателя. Показателен известный комментарий Льва Толстого. Говоря о Достоевском, он пишет: «Конечно, это настоящий писатель, с истинно религиозным исканием, не как какой-нибудь Гончаров» [Толстой, 1983, с. 93]. Думается, этот нелестный на первый взгляд отзыв нуждается в объяснении.

Обзор литературы по проблеме. Судя по всему, вера с детства прочно вошла в жизнь Гончарова и достаточно ровно была пронесена через все отпущенные ему годы. Об этом свидетельствуют все наиболее серьезные биографы писателя [См. об этом: Ляцкий, 1920; Недзвецкий, 1992; Лощиц, 2004; Краснощекова, 1997; и др.]. В связи с отсутствием проблемы религиозности нет никакой специальной библиографии в гончароведении по указанному вопросу, кроме монографии В.И. Мельника [Мельник, 2008], наиболее полно изучившего вопрос об отношении писателя к религии, где вера писателя названа «младенческой». Первые подходы исследователя к теме относятся к статье 1995 года [Мельник, 1995]. *Целью* статьи является описание функционирования религиозных мотивов в художественном тексте И.А. Гончарова на примере романа «Обрыв» (1869). Выбор произведения не случаен: последний роман писателя наиболее открыто демонстрирует религиозные представления автора. *Методы* исследования – биографический и историко-литературный.

Поскольку самому Гончарову мучительные религиозные искания были не свойственны, то и его герои не «проверяют» веру и не задаются вопросами в духе Достоевского или Толстого, есть ли Бог. Так, не подлежит сомнению христианская основа понимания жизни Обломовым. У представителей старшего поколения (Анны Павловны Адуевой, родителей Обломова), как правило, акцентирована традиционная христианская обрядность. Причем отход от привычной обрядности Александра Адуева в Петербурге знаменует потерю им нравственных ориентиров. Не случайно его мать перед отъездом в столицу говорит: будешь редко ходить в церковь, дело молодое, некогда, так мать за тебя будет молиться. Наиболее усердны в вере «возрастные» герои и, конечно, люди, живущие в провинции. Топос Петербурга явно противопоставлен по этому признаку усадьбам – Грачам, Обломовке, Малиновке.

Встречаются оригинальные и отчасти спорные идеи. Например, в уже упомянутой монографии В.И. Мельника читаем, что все творчество Гончарова движется от петербургского ада Адуева к райской идиллии Малиновки РАЙского, знаменуя духовное восхождение автора [Мельник, 2008, с. 142].

Роман Обрыв, последний роман писателя (позже будет создана только публицистика и произведения малых эпических форм), важен с точки зрения проявления в нем религиозных мотивов. По общему мнению исследователей, именно «“Обрыв” проявил глубокую религиозность Гончарова как никогда открыто и явно» [Мельник, 2008, с. 284]. Религиозные мотивы в романе не связаны с поиском веры, она неотделима от героев, это естественная, базовая, составляющая их жизни. Однако индивидуальные вариации все же есть, и они особенным образом характеризуют персонажей. В статье мы выбрали для анализа из всего круга религиозных мотивов романа две проблемы: отношение героев к Богу и христианская вера как нравственный ориентир в момент духовного кризиса.

Результаты исследования. В романе представлены разнообразные типы отношения человека к Богу. Традиционная народная вера характерна для дворовых крестьян Малиновки: Якова, Василисы, Савелия. Так, Якова барыня назначила дворецким только за то, что «он смирен, пьет умеренно, то есть мертвецки не напивается, и не курит; притом он усерден к церкви» [Гончаров, 2004, с. 64]. Все поведение Якова естественным образом опирается на веру в Бога: он «все искал по сторонам глазами, не покажется ли церковный крест вдалеке, чтоб помолиться на него» [Гончаров, 2004, с. 327]. Дворовый мужик Савелий молится, прося Господа утихомирить, вразумить неверную, гулящую жену Марину. Когда в финале романа, параллельно с жизненной драмой Веры и Бабушки, слегла и Марина (это во многом параллельный сюжет), то Савелий однозначно определяет причину ее недуга: «Бог карает» [Гончаров, 2004, с. 695].

Не обходится здесь и без гончаровской иронии. Видя, в каком состоянии пребывает Бабушка, выхаживая, вымаливая перед Богом прощение Вере и себе, ее верные Василиса и Яков единственно понятным им способом стараются облегчить муки барыни: дают обет, если барыня придет в себя и выздоровеет, Яков

поставит большую вызолоченную свечу к местной иконе в приходской церкви, а Василиса – сходит пешком в Киев.

«В особенно затруднительном положении очутилась Василиса <...> Яков исчез однажды рано утром со двора, взяв на свечу денег из лампадной суммы, отпускаемой ему на руки барыней. Он водрузил обещанную свечу перед иконой за ранней обедней. <...> объявил и Василисе, что «сподобился» выполнить обет. Василиса поглядела на него и вдруг стала сама не своя <...>

Яков уже исполнил, и притом в одно утро, и вон ходит, полный благочестивого веселья. А она обещалась в Киев сходить!

– Как я пойду, силы нет, – говорила она, щупая себя. У меня и костей почти нет, все одни мякоти! <...> Она пошла к отцу Василию, прося решить ее сомнения. Она слыхала, что добрые “батюшки” даже разрешают от обета совсем, по немощи, или заменяют его другим. <...>

– Коли обещалась, как же нейти? – сказал отец Василий. – Надо идти!

– Да я с испуга обещалась, думала, барыня помрет. А она через три дня встала. Так за что ж я в этакую даль пойду? <...> Другое дело, кабы барыня маялась в постели месяца три, да причастили ее и особоровали бы маслом, а бог, по моей грешной молитве, поднял бы ее на ноги, так я бы хоть ползком поползла. А то она и недели не хворала!

Отец Василий улыбнулся.

– Как же быть? – сказал он.

– Я бы другое что обещала. Нельзя ли переменить?

– На что же другое?

Василиса задумалась.

– Я пост на себя наложила бы; мяса всю жизнь в рот не стану брать, так и умру.

– А ты любишь его?

– Нет, и смотреть-то тошно! отвыкла от него...

Отец Василий опять улыбнулся.

– Как же так, – сказал он, – ведь надо заменить трудное одинаково трудным или труднейшим, а ты полегче выбрала!

Василиса вздохнула» [Гончаров, 2004, с. 693–695].

И это не злая ирония, это понимание слабости человека и снисходительная, поддерживающая улыбка.

В традиционном христианском чувстве воспитана Бабушкой Марфинька, в ее вере присутствует страх, но это страх ребенка, который боится наказания взрослого, но бесконечно доверяет его мудрости и милости. В день именин душевная чистота Марфиньки проявляется наиболее открыто: «Господи! – всхлипывая от счастья, говорила она, – за что они меня так любят все? Я никому, ничего хорошего не сделала и не сделаю никогда!...». Бабушка объясняет ей вполне в привычной им обеим манере: «Это Бог тебя любит, дитя мое <...> за то, что ты сама всех любишь, и всем, кто поглядит на тебя, становится тепло и хорошо на свете!...» [Гончаров, 2004, с. 631].

Оплотом традиционной и искренней веры в Бога является Бабушка. Она беспрестанно божится, наставляет подопечных, обращается к Богу как к непререкаемому авторитету. Например, когда внучка прячется от грозы под подушкой, Бабушка говорит ей: «Марфинька, иди скорей <...> не прятаться надо, а богу молиться, гром и не убьет!» [Гончаров, 2004, с. 450]. И все становится понятным, простым, как было в детстве.

В речевом поведении Татьяны Марковны постоянно присутствует Бог: Ей-богу, слава Богу, Бог с вами / с тобой, дай Бог, ради Бога, Бог знает и др. слова и выражения наполняют ее речь. Вера прочно обосновалась в сознании героини, на уровне жизненной основы. Как большинству пожилых людей, Бабушке свойственна прилежность в исполнении церковной обрядности, однако не показная, а опять же естественная, привычная, предками и родителями переданная ей. При этом нельзя сказать, что это свойственно всему старшему поколению: это и дает нам основание утверждать: отношение к Богу, к вере точно характеризует героев. Так, формализм и лицемерие в вере демонстрирует Нил Андреевич Тычков. Сначала Бабушка осторожно говорит о нем: «Набожный такой! Одного франта так отделал, узнав, что он в Троицу не был в церкви, что тот и язык прикусил» [Гончаров, 2004, с. 80]. Но оказывается, что персонажу не только не свойственна истинная набожность, но для него это становится инструментом унижения окружающих, оскорбления, что вовсе не соответствует христианской этике. Откровенно Нил Андреевич издевается над Полиной Карповной Крицкой: «Вы у нас <...> образец матерям и дочерям: в церкви стоите, с образа глаз не отводите, по сторонам не взглянете, молодых мужчин не замечаете...» [Гончаров, 2004, с. 372]. Недостойно мужчины и христианина, о чем и сообщают Тычкову Райский и Бережкова, выгоняя его из своего дома.

В характеристике Марка Волохова подчеркивается, что он – безбожник. Так его называет Марфинька. И сам он не скрывает своей позиции, объясняя Вере: «...чтоб Бог благословил союз, говорите вы, то есть чтоб пойти в церковь – да против убеждения, – дать публично исполнить над собой обряд... А я не верю ему» [Гончаров, 2004, с. 610]. В его отношении, вообще, много иронии: «“И будем как боги!” – прибавлял он насмешливо» [Гончаров, 2004, с. 662]. Вот только вопрос в том, сколько здесь позы, нигилистической «моды» а сколько – истинной убежденности. В том числе и имя героя – Марк, имя одного из евангелистов, – дает право поставить под сомнение истинность / абсолютность безбожия Волохова. Это же, вероятно, выявляет авторскую надежду, что для героя не все потеряно, что искушение нигилизмом сильное, но преодолимое. Думается, что писатель такой крепкой, укорененной в природе веры, как Гончаров, не мог лишить героя надежды. Возможность изменения Марка Волохова, символического воскресения для него поддерживается сюжетным ходом: даже такой нравственно безупречный человек, как Бабушка (не безгрешный, но безупречный), верит в то, что Марк способен выйти на дорогу: она через Райского передает ему деньги.

Если большинство героев в отношении к вере статичны, то Борис Райский демонстрирует в этом вопросе некоторую динамику. Прежде всего, отметим, что его вера не проявлена открыто. Так, на похоронах Наташи, еще в Петербурге, он «задумчиво стоял в церкви, смотрел на вибрацию воздуха от теплящихся свеч и на небольшую кучку провожатых: впереди всех стоял какой-то толстый, высокий господин, родственник, и равнодушно нюхал табак» [Гончаров, 2004, с. 119]. Сам фокус взгляда героя характерен: он скучает и разглядывает, он не сосредоточен, не уносится мыслями в иной мир, провожая усопшую, кстати, не чужую ему женщину, хотя из более широкого контекста видно, что он тронут смертью Наташи.

Там же, в петербургской своей жизни, Райский называет Софью Беловодову богиней, вкладывая в это наименование общекультурный смысл. Но приезжая в Малиновку, оказываясь рядом с Бабушкой, герой начинает божиться. Это первый, внешний, но явный признак. Меняется его речевое поведение, отражая смену мировоззренческую: он и перенимает бабушкину речевую привычку, и попадает под влияние уклада, и очищается от наносного, ложного, привычек столичной жизни.

Один из самых неожиданных для Райского эпизодов, проявляющих его истинное лицо, эволюцию героя, углубление его натуры, когда он молится (sic!), что трудно было представить в нем раньше, за счастье Веры с Марком: ««...он опомнится, воротится, и она будет счастлива... Дай бог! Дай бог!» – молился он за счастье Веры и в эти минуты бледнел и худел – от безнадежности за свое погибающее будущее» [Гончаров, 2004, с. 716].

Наконец, Вера Васильевна. Снова отношение к церкви, духовная жизнь, поведение характеризует героиню, отличает ее от Марфиньки, к примеру. Ее вера глубокая, искренняя, но более осмысленная. Во время споров с Марком Вера ищет поддержки у Бога и на вопрос, где истина, героиня без сомнения отвечает: «Вон там, – сказала она, указывая назад на церковь, – где мы сейчас были!.. Я это до него знала...»

– Ты думаешь, что он прав?... – спросил он (Райский. – *Е.Ш.*), стараясь хоть мельком заглянуть ей в душу.

– Я не думаю, а верю, что он прав» [Гончаров, 2004, с. 592].

Вера в Бога – одно из оснований «старой правды», от которого не может отречься героиня. Именно здесь находится точка несогласия с Марком. Думается, традиционность и крепость героини в вопросах веры ставит для некоторых ученых под сомнение ее страстный порыв. Так, О.М. Чемена полагает, что «превращение Веры в страстную грешницу является одним из самых крупных противоречий романа» [Чемена, 1966, с. 81]. Вера чувствует, что Волохов заблуждается, что из-за своего неверия готов потерять ее, но переубедить его не может, т.к. в вопросе веры убеждение, аргументация вообще не являются залогом согласия. По Гончарову, вера должна быть сердечной, младенческой:

«– Скажи, о чем ты молишься, Вера?

– О неверующих... – тихо сказала она.

– А я думал, о своей тревоге, об этой буре...

– Да... в этом – и моя тревога, и моя буря!.. – шептала она» [Гончаров, 2004, с. 593].

В Малиновке есть слободская церковь и деревенский приход, который чаще выбирает Вера. Он расположен на горе. Каждый поход туда для героини соотнесен внутренне с восхождением на Голгофу: «Между рощей и проезжей дорогой стояла в стороне, на лугу, уединенная деревянная часовня, почерневшая и полуразвалившаяся, с образом Спасителя, византийской живописи, в бронзовой оправе. Икона почернела от времени, краски местами облупились; едва можно было рассмотреть черты Христа: только веки были полуоткрыты, и из-под них задумчиво глядели глаза на молящегося, да видны были сложенные в благословение персты.

Райский подошел по траве к часовне. Вера не слыхала. Она стояла к нему спиной, устремив сосредоточенный и глубокий взгляд на образ. <...> Ни креста не слагали пальцы ее, ни молитвы не шептали губы, но вся фигура ее, сжавшаяся неподвижно, затаенное дыхание и немигающий, устремленный на образ взгляд – все было молитва» [Гончаров, 2004, с. 463–464]. Здесь и Верина самобытность, и глубина ее натуры, и сосредоточенность на собственной жизни, и при этом присутствие безусловной нравственной опоры.

Райский и жизненную драму Веры начинает осмысливать в христианских категориях: «Видя это страдание только что расцветающей жизни, глядя, как мнет и жмет судьба молодое, виноватое только тем создание, что оно пожелало счастья, он про себя роптал на суровые, никого не щадящие законы бытия, налагающие тяжесть креста и на плечи злодея и на эту слабую, едва распутившуюся лилию» [Гончаров, 2004, с. 588]. Это несение креста – продолжение мотива восхождения на Голгофу. Заметим, что библейские аллюзии у Гончарова ненавязчивы, не акцентированы, но просты и явны. Вероятно, они естественным образом входили в роман.

Там же, в церкви, будет искать Райский возможность спасти Веру, помочь ей пережить падение:

«– Что же делать? – сказал он в тоске за Веру.

– Что бог даст! – в глубокой печали шептала Татьяна Марковна. – Бог судит людей через людей – и пренебрегать их судом нельзя! Надо смириться! Видно, мера еще не исполнилась!..» [Гончаров, 2004, с. 741].

Особенно воцерковленность героинь проявляется в момент жизненной драмы Веры и Бабушки. Они опираются на главное и естественное для православного человека – ищут поддержки Всевышнего. Отсюда ждут спасения. Вера, еще только предчувствуя драматичные события своей жизни, говорит Бабушке: «Когда оно (горе. – *Е.Ш.*) настанет – и я не справлюсь одна... тогда и приду к вам – и ни к кому больше, да к Богу!» [Гончаров, 2004, с. 494].

Наконец, когда жизненная драма Веры достигает апогея, Бабушка принимает свой крест, страдание за себя и за Веру, ее хождение по саду – то же хождение,

искупление: «Бог посетил, не сама хожу. Его сила носит – надо выносить до конца. Упаду – подберите меня... – Мой грех! – шепнула потом и пошла дальше» [Гончаров, 2004, с. 671]. И Вере она объясняет произошедшее в христианских категориях: «Он велит смириться, – говорила старуха, указывая на небо, – просить у внучки прощения. Прости меня, Вера, прежде ты. Тогда и я могу простить тебя... Напрасно я хотела обойти тайну, умереть с ней... Я погубила тебя своим грехом... <...> Бог простит нас, но он требует очищения! Я думала, грех мой забыт, прощен. Я молчала и казалась праведной людям: неправда! <...> Будем молиться!..» Такая открытая воцерковленность была недоступна героям «Обыкновенной истории» и «Обломова», что свидетельствует об изменении мировоззрения Гончарова: в этом вопросе он становится более открытым.

Заключение. Итак, в отношении к Богу, к церкви, к церковной обрядности проявляется характер героев. В христианских категориях написана Гончаровым жизненная драма Веры и Бабушки. Нигде вера не подвергается сомнению, нигде не ставится вопрос о справедливости высшего промысла. Напротив, все только подтверждает главные христианские заповеди. Вера в Бога является для героев Гончарова крепким основанием их бытия, опорой в горе, надеждой в несчастье, залогом спасения. Сам же писатель в последнем романе становится более открытым, открытым в вопросе религиозности, а библейские мотивы ненавязчиво проникают в ткань повествования.

Библиографический список

1. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 7. 776 с.
2. Доманский В.А. Сады романа «Обрыв»: эдем, потерянный и возвращенный рай // И.А. Гончаров: материалы Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. Ульяновск: Ника-дизайн, 2008. С. 167–176.
3. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 444 с.
4. Лошиц Ю.М. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 2004. 365 с. (ЖЗЛ).
5. Ляцкий Е.А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество: критико-биографические очерки. Стокгольм: Северные огни, 1920. 380 с.
6. Мельник В.И. Гончаров и Православие: Духовный мир писателя. М.: Даръ, 2008. 544 с.
7. Мельник В.И. О религиозности И.А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1. С. 203–212.
8. Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров – романист и художник. М.: Изд-во МГУ, 1992. 176 с.
9. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15.
10. Чемена О.М. Создание двух романов: Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова. М.: Наука, 1966. 159 с.

Сведения об авторе

Шевчугова Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

AS REGARDS THE QUESTION OF I.A. GONCHAROV' RELIGIOSITY (USING THE EXAMPLE OF THE NOVEL «THE PRECIPICE»)

E.I. Shevchugova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

A problem of studying I.A. Goncharov's religiosity as a rule is not considered by specialists, because serious religious strivings were not characteristic of the writer, his faith in its basis was “infantile”, therefore, everything seems to be absolutely clear regarding the writer's spiritual sphere. However, Goncharov's faith as part of his worldview, as a set of moral norms and attitudes, life imperatives – is explicitly and implicitly manifested in his work. The purpose of the article is to describe the functioning of religious motifs in the novel “The Precipice”, in which religious motives appeared most openly. The methods of the research are biographical and historico - literary. The results of the analysis show that religious crises were not characteristic of the personages of the novel. However, various kinds of faith, typical of the writer's characters, are considered in the article. Particular attention is paid to religious motives in Goncharov's describing the life drama of Vera and Babushka Berezhkova.

Key words: *Ivan A. Goncharov, “The Precipice”, religiosity of the writer, religious motives, the image of the Faith, the image of Tatiana Markovna Berezhkova, the image of Babushka.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. SPb.: Nauka, 2004. T. 7. 776 s.
2. Domanskij V.A. Sady romana «Obryv»: ehdem, poteryannyj i vozvrashchyonnyj raj // I.A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 195-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova: sb. st. Ul'yanovsk: Nika-dizajn, 2008. S. 167–176.
3. Krasnoshchyokova E.A. Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskiy fond, 1997. 444 s.
4. Loshchic Y.M. Goncharov. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 365 s. (ZHZZL).
5. Lyackij E.A. Goncharov: ZHizn', lichnost', tvorchestvo: Kritiko-biograficheskie ocherki. Stokgol'm: Severnye ogni, 1920. 380 s.
6. Mel'nik V.I. Goncharov i Pravoslavie: Duhovnyj mir pisatelya. M.: Dar, 2008. 544 s.
7. Mel'nik V.I. O religioznosti I.A. Goncharova // Russkaya literatura. 1995. № 1. S. 203–212.
8. Nedzveckij V.A. I.A. Goncharov – romanist i hudozhnik. M.: Izd-vo MGU, 1992. 176 s.
9. Tolstoj L.N. Sobranie soch.: v 22 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1983. T. 15.
10. CHemena O.M. Sozdanie dvuh romanov: Goncharov i shestidesyatnica E.P. Majkova. M.: Nauka, 1966. 159 s.

About the author

Shevchugova Ekaterina I. – kandidat of Philology, Dotsent of the Chair of the Russian Language, Literature and Speech Communication of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

УДК 80

«МОНСТРАЦИЯ» КАК СЕМИОЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО СИМУЛЯКРА ДЕМОНСТРАЦИИ: ФЕНОМЕН ВОЗВРАЩЕНИЯ К РЕАЛЬНОМУ

О.А. Глушенкова (Красноярск, Россия)

И.В. Сонич (Томск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье анализируются причины возникновения культурного феномена Монстрации, а также происходит ее репрезентация как социально-политического явления. *Цель* статьи – выявление значимых особенностей Монстрации и их интерпретация в контексте концепций Ж. Бодрийера и А. Камю.

Методологию исследования составляет метод компаративного анализа первомайских демонстраций и Монстраций.

Результаты. Монстрация возникает как противопоставление демонстрациям, которые оказываются в положении четвертого порядка симулякра – отсутствия смысла, она бессмысленна из-за своей традиционности и отсутствия серьезных требований изменений. Действительность, с которой по разным причинам может быть не согласен индивид, не предоставляет ему пространства свободного дискурса, как социального, так и политического. Отсюда, согласно положениям А. Камю, обращение к абсурду как высмеивание видимой рациональности действительности. Наиболее актуальной и значимой Монстрация оказывается в отдаленных от центра субъектах федерации, так как именно там общество ощущает наибольшее отчуждение от участия в жизни государства. Помимо этого, причинами Монстрации является также возможность творческого самовыражения, что далеко не всегда сопутствует какой-либо политической или социальной позиции.

Заключение. Анализ характерных черт Монстрации, сущности данного социально-культурного явления и причин его появления репрезентирует кризисные явления в современном российском обществе, его политическом и социальном пространстве, с одной стороны. С другой – Монстрация представляет собой принципиально новое пространство для реализации творчества народом – стихийно, без специального регулирования административным ресурсом, но в то же время упорядоченно. Именно эта черта Монстрации представляется наиболее интересной, что послужит материалом для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: *Монстрация, демонстрации, симулякр, Ж. Бодрийер, абсурд, А. Камю.*

Каждый год 1 мая во многих городах России проводятся демонстрации, посвященные Празднику Весны и Труда. В СССР этот праздник символизировал единство рабочих и их борьбу против всяческого угнетения – идеологически значимые, по словам Ленина, рабочие праздновали «свое пробуждение к свету». Праздник был важный – в корне политический, с демонстрациями и митингами. В современной России череда «майских праздников» ассоциируется в большей степени с шашлыками и огородами, чем с шествием с транспарантами. Традиция шествия, однако, осталась, различные политические партии и государственные учреждения принимают в ней участие: без протестов и тем более

Монстрация в Твери (источник: <http://tver.bezformata.ru/listnews/monstratciya-v-tveri-novaya-popitka/66589051/>)
Tver Monstration (source: <http://tver.bezformata.ru/listnews/monstratciya-v-tveri-novaya-popitka/66589051/>)

лозунгов – вне всякого политического пространства. Бывают и исключения – 1 мая 2012 года в Москве в Первомайском шествии участвовали анархисты [Президент..., 2012], а в 2015 году на улицы Санкт-Петербурга вышли феминистки и националисты [На Исаакиевской..., 2015], но они только подтверждают правило.

В 2004 году в Новосибирске впервые к привычной демонстрации присоединилась Монстрация – массовая художественная акция в форме демонстрации, участники которой используют различные лозунги и транспаранты. Создатель акции, новосибирский художник Артем Лоскутов пишет: «Это попытка показать что-то людям. <...> Раньше было совершенно непонятно, как можно принять участие в массовой акции. Приходить к коммунистам и держать выданный в руки красный флаг? Как можно что-то от себя заявить? А тут оказалось, „Монстрация“ предлагает – ребята, пишите плакат, все хотят посмотреть, что вы там напишете» [История Монстрации..., 2018].

Смысл этой акции в отсутствии всякого *прямого* политического или социального смысла: одно из важных требований к участникам – отсутствие политических лозунгов. Это связано с тем, что в соответствии с уведомлением о проведении Монстрации мероприятие не является политическим. Таким образом, Монстрация – социальное явление – определяется как свободное от конкретики заявлений, идей, идентичностей. Будучи художественной акцией, Монстрация основывается на творческом начале и стремится к созданию новой реальности посредством конструирования (важен процессуальный характер) смысла в абсурдных, но при этом зачастую концептуальных текстах транспарантов.

Монстрация в Новосибирске
(источник: <https://tayga.info/140249>)
Novosibirsk Monstration
(source: <https://tayga.info/140249>)

Монстрация в Хабаровске (источник: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2018/05/01/82309/>)
Khabarovsk Monstration (source: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2018/05/01/82309/>)

Примеры лозунгов: «Не впадай в депрессию, впадай в Томь», «Дайте мне точку опоры, и я об нее споткнусь», «Эволюция меня к такому не готовила», «За вами будущее, отойдите!», «Хороший асфальт на дороге не валяется», «А нам заплатят?», «Вырасту – стану енотом» и многие другие. Некоторые участники не ограничиваются транспарантами и приходят в костюмах. Например, некто в костюме медведя пришел с лозунгом «Мед, ведь?», девушка в костюме Снегурочки держала транспарант с текстом «Цвет настроения – синий» (отсылка к популярной песне Филиппа Киркорова с соответствующим названием). Более того, Монстрациям присущи плакаты, которые могут быть актуальным только в определенных пространствах: «Страна оленья» (этот плакат был в Нижнем Новгороде, на гербе которого изображен олень), «НА ДУШЕ ТОМСКА» (заглавный плакат Монстрации в Томске) и прочие.

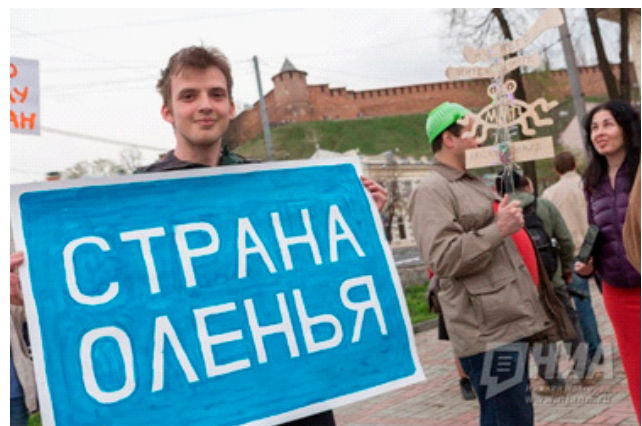
Так что же это за социальное (политическое?) явление и в каком контексте его интерпретировать, присваивать смысл (настолько откровенно отрицаемый)?

В контексте постмодернистского дискурса так и хочется назвать это социальное явление симулякром политического протеста, копией идентичности первомайской демонстрации. Симулякр как псевдовещь, заменяющая собой «агонизирующую», разрушающуюся действительность – симуляция присутствия. Однако стоит присмотреться к словообразованию явлений – монстрации и демонстрации. Слово «демонстрация» возникло от латинского *dēmonstrātiō*, что значит «указывание», «показывание». Монстрация, в свою очередь, является неологизмом. Эти слова отличаются только началом «де», которое омонимично распространенной приставке «де», значениями которой в том числе разрушение и устранение (например, деконструкция, демобилизация). Когда у «демонстрации» отнимают негативно воспринимающееся «де», остается некое положительное начало, и если демонстрация предстает как разрушение, то Монстрация автоматически обретает противоположное значение – она становится актом созидания.

Монстрация в Томске (источник: https://www.kommersant.ru/gallery/3619048?from=doc_vrez#id=1587663)

Tomsk Monstrtion (source: https://www.kommersant.ru/gallery/3619048?from=doc_vrez#id=1587663)

Монстрация в Томске (источник: https://www.kommersant.ru/gallery/3619048?from=doc_vrez#id=1587663)

Tomsk Monstrtion (source: https://www.kommersant.ru/gallery/3619048?from=doc_vrez#id=1587663)

Какие-то лингвистические игры, но совпадение ли это? Не думаем.

Первомайская демонстрация уже в СССР утрачивает свое действительное, «демонстрируемое» значение – как акт сопротивления власти и угнетению. Мы можем это утверждать, даже не вдаваясь в исторические тонкости оценки Советского Союза как угнетателя или благодетеля своих граждан (что может сочетаться), принимая во внимание *отсутствие политического плюрализма* в советском обществе. Первомайская демонстрация, пусть и искренне поддерживаемая людьми, была прежде всего государственной инициативой, государственным праздником, репрезентирующим советскую власть – пусть и именуемую как «власть пролетариата».

Таким образом, первый смысл сопротивления власти утрачивается уже в момент возникновения Первомай в государстве Советов и представляет собой симулякр третьего порядка (согласно концепции Ж. Бодрийера [Бодрийер, 2013]) – сокрытие непосредственного отсутствия реальности. Данный знак-симулякр еще пытается замаскировать отсутствие оригинала – действительной власти народа, пролетариата. Вскоре, однако, он перейдет к четвертому порядку – уже не скрывающему отсутствие действительности.

С распадом СССР и переходом к рыночной экономике праздник 1 Мая утрачивает даже видимость праздника трудящихся из-за десакрализации самого образа трудящегося, пролетариата. В то же время этот праздник не стал и сопротивлением «звериному оскалу капитализма», что свидетельствует о его еще советской прогосударственности и отсутствии ориентации на народные массы. Как пишут некоторые СМИ, праздник утратил политический смысл [В России отмечают..., 2011], то есть в контексте понятия симулякра стал знаком, «не скрывающим, что оригинала нет» – образом, лишенным подобия. В данном случае слово «Монстрация» с убранный частицей «де» (которая, конечно, изначально не обозначала отрицание) предстает как отрицание отрицания – синтез, продуцируя смысл отрицания симулякра де-монстрации, его антипод – возвращение к реальности.

Опять эти языковые игры... Поближе к манифестируемой «реальности»!

Демонстрация представляет собой сегодня симулякр четвертого порядка – уже не скрывающий отсутствие реального. В то же время сам феномен Монстрации не самостоятелен, он является процессом интерпретации смыслов первомайской демонстрации, его семиозисом. Семиозис – процесс интерпретации и порождения значения. С каждым годом Монстрация привлекает к себе все больше внимания как участников, так и властей. О популярности акции свидетельствует то, что каждый год к Монстрации присоединяются новые участники-города – в 2018 году Монстрации впервые прошли в Томске [Фото недели..., 2018], Владивостоке [Мир, труд..., 2018], Иркутске [Участниками..., 2018], Оренбурге [На первую..., 2018], Вологде [Первая в Вологде..., 2018], Туле [В Туле прошла..., 2018] и Твери [В Твери впервые..., 2018]. Так, в 2018 году Монстрация прошла почти в двадцати городах России [В российских городах..., 2018].

Лозунги, выдвигаемые на Монстрации, традиционно абсурдны: «Каждому волку по Красной шапочке», «Берегись! Небо падает», «Куплю здравый смысл», «Мир! Труд! Мяу!», «Вы все обречены на счастье» и другие. Однако многие участники очень остро реагируют на градус общественно-политических событий в стране. Так, решение о блокировке мессенджера Телеграмм, принятое в апреле 2018 года и получившее широкий общественный резонанс (в Москве [В Москве собрался..., 2018] и Санкт-Петербурге [Как проходил..., 2018] прошли массовые акции), отразилось и в действиях «монстрантов» (участников Монстрации).

Монстрация в Томске (источник: <http://tv2.today/Istorii/Nadushe-tomska-kak-v-tomske-proshla-monstraciya-2018>)
Tomsk Monstration (source: <http://tv2.today/Istorii/Nadushe-tomska-kak-v-tomske-proshla-monstraciya-2018>)

В Томске девушка пришла с тележкой из супермаркета и представила лозунг «Руки прочь от моей телеги» («телега» – народное наименование Телеграмма), многие шли с бумажными самолетиками (символ Телеграмма), в Новосибирске одним из самых популярных лозунгов оказался следующий: «У России два врага – телеграмм и курага». Заглавный лозунг родины Монстрации в 2018 году звучал как «Севернее Кореи», что также легко интерпретируемо в контексте блокировок Телеграмма.

Монстрация в Новосибирске (источник: <https://regnum.ru/pictures/2410543/8.html>)
Novosibirsk Monstration (source: <https://regnum.ru/pictures/2410543/8.html>)

Подобные лозунги сходны с концепцией абсурдизма французского философа А. Камю, утверждавшего, что тотальность «злого умысла» в настоящей эпохе порождает в несогласных бунт. Бунтует человек посредством отношения отчуждения от мира, посредством абсурда: если мир лишен смысла и враждебен индивидуальности (которая, в свою очередь, осознает невозможность что-либо изменить), то этот мир не стоит преданию ему смыслов. То же и с Монстрацией: радикальный протест и осознание невозможности что-либо изменить материализуется в абсурдные манифестации, хорошо скрытые и не очень смыслы, комичную форму.

Парадокс Монстрации в ее нарочитом отрицании смыслов, искажении действительности и в то же время репрезентации этой действительности.

Таким образом, будучи результатом семиозиса политического симулякра Первоя, Монстрация уже не является симулякром, но реальным имплицитным социально-политическим «бунтом» в дискурсе А. Камю против действительности объективной.

Монстрация – явление, возникшее и распространяющееся преимущественно на территории России. Как уже было сказано, родиной Монстрации является Новосибирск. В 2010 году произошел всплеск популярности Монстрации: она появилась в Москве, Санкт-Петербурге, Симферополе, Волгограде, Омске, Перми, Владивостоке, Красноярске, Новороссийске, Белгороде, Кривом Роге и Праге [История Монстрации..., 2018] – акции удалось выйти и за пределы России, но она прижилась не везде.

Большую популярность Монстрация получила в связи с задержанием создателя Артема Лоскутова [Сторонники..., 2009]. Более того, этот инцидент вызвал пикеты на улицах не только Новосибирска [Пикет против..., 2009], но и Москвы [Там же]. Стоит отметить, что пикеты были не менее творческими, чем сама Монстрация: использовались лозунги «Сегодня сажают за дреды, завтра посадят за кеды?», «Сажайте деревья, а не художников».

Монстрация как феномен социальной действительности характерна именно для России, в большей концентрации шествия проходят в Сибири. Можно предположить, что причиной подобной заинтересованности именно в отдаленных регионах является отсутствие чувства связи с политической жизнью «метрополии». По этой же причине она становится актуальной и для небольших городов европейской части России, которые географически находятся не очень далеко, но также не принимают участие в политической жизни страны. В контексте философии А. Камю это ощущение «беспомощности» только усугубляет отношение абсурда к действительности. На первый взгляд лишённые смысла транспаранты и лозунги могут быть этим самым отношением бунта и абсурда к действительности.

Это создает пограничное состояние между реальностью и субъектом – пространство абсурда, что уже было ранее проанализировано в отечественном литературоведении в контексте акта обратного рождения [Glushenkova, 2016], а также в состоянии полета [Загидулина, 2017].

Таким образом, Монстрация представляет собой живое, карнавальное, абсурдистское и остро реагирующее на происходящие события социально-политическое явление, захватывающее все большие массы людей. Это территория, свободная от смыслов, но нуждающаяся в концептуализации.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Рипол Классик, 2013.
2. В Москве собрался митинг в поддержку Telegram // INTERFAX.RU: информационное агентство. 2018. 30. апр. URL: <http://www.interfax.ru/moscow/610876> (дата обращения: 23.05.2018).
3. В России отмечают праздник Весны и Труда // NTV.RU: сетевое издание. 2011. 01. май. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/228080/> (дата обращения: 23.05.2018).
4. В российских городах прошла «Монстрация»: галерея // RTVI.COM: сетевое издание. 2018. 01. май. URL: <https://rtvi.com/news/v-rossiyskikh-gorodakh-proshla-monstratsiya/> (дата обращения: 23.05.2018).
5. В Твери впервые пройдет «Монстрация» // Тверь FM: сетевое издание. 2018. 25. апр. URL: <http://tver.fm/novosti-tveri/9621-v-tveri-vpervye-proydet-monstraciya.html> (дата обращения: 23.05.2018).

6. В Туле прошла «монстрация» // AIF.RU: СМИ. 2018. 01 май. URL: http://www.tula.aif.ru/society/events/v_tule_proshla_monstraciya (дата обращения: 23.05.2018).
7. Загидулина Т.А. Анализ трансформации моделей репрезентации пограничного состояния полета в свете культурологического подхода // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. №. 1. С. 189–193.
8. История «Монстрации»: от группы художников до нескольких тысяч участников // SALT.ZONE: медиапроект. 2018. 13. апр. URL: <https://salt.zone/news/10948> (дата обращения: 23.05.2018).
9. Как проходил митинг в поддержку Telegram в Петербурге // DP.RU: сетевое издание. 2018. 01. май. URL: https://www.dp.ru/a/2018/05/01/Kak_prohodil_miting_v_pod (дата обращения: 23.05.2018).
10. Мир, труд, монстрация! Первое мая во Владивостоке приобретает неожиданные черты // PORTOFRANKO-VL.RU: сетевое издание. 2018. 01. май. URL: <http://portofranko-vl.ru/publication/mir-trud-monstratsiya-pervoe-maya-vo-vladivostoke-priobretayet-neozhidannye-cherty> (дата обращения: 23.05.2018).
11. На Исаакиевской площади 1 мая рука об руку митинговали коммунисты, феминисты и националисты // NEVNOV.RU: сетевое издание. 2015. 01. май. URL: <https://nevnov.ru/79400-na-isaakievskoj-ploshhadi-1-maya-ruka-ob-ruku-mitingovali-kommunisty-feministy-i-nacionalisty> (дата обращения: 23.05.2018).
12. На первую оренбургскую Монстрацию вышли порядка 40 человек // ECHO.MSK.RU: радиостанция. 2018. 01. май. URL: <http://echo-oren.ru/2018/05/01/37102> (дата обращения: 23.05.2018).
13. Один из организаторов новосибирской Монстрации задержан в Новосибирске // RIA.RU: сетевое издание. 2009.16. май. URL: <https://ria.ru/incidents/20090516/171264211.html> (дата обращения: 23.05.2018).
14. Первая в Вологде #Монстрация состоялась. Нас мало, но мы были первые! Мир! Мур! Май! // NEWSVO.RU: сетевое издание. 2018.01. май. URL: <http://newsvo.ru/blogovo/100039> (дата обращения: 23.05.2018).
15. Пикет против ареста художника Лоскутова прошел в Новосибирске // RIA.RU: сетевое издание. 2009. 29. май. URL: <https://ria.ru/society/20090529/172702313.html> (дата обращения: 23.05.2018).
16. Президент и премьер пересели в «Жигули» // KOMMERSANT.RU: сетевое издание. 2012. 02. май. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1927245> (дата обращения: 23.05.2018).
17. Сторонники художника Лоскутова пикетировали здание СКП в Москве // RIA.RU: сетевое издание. 2009. 25. май. URL: <https://ria.ru/society/20090525/172271086.html> (дата обращения: 23.05.2018).
18. Участниками первой в Иркутске монстрации «Мем, труд, Первомай» стали около 40 человек // IRCITY.RU: информационное агентство. 2018. 01. май. URL: <https://ircity.ru/news/29058/> (дата обращения: 23.05.2018).
19. Фото недели: Первая томская «Монстрация» // OBZOR.WESTSIB.RU: ежедневное интернет-издание. 2018. 01. май. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/570135--foto-nedeli-pervaja-tomskaia-monstraciya> (дата обращения: 23.05.2018).
20. Glushenkova O.A. Transformation of the Subject in the Act of the Reverse birth: Analysis of the Search of the Lost Mother (based on A. Platonov's Texts) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. 5.

Сведения об авторах

Глушенкова Ольга Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: netzumi@mail.ru

Сонич Ирина Валерьевна – студентка, Томский государственный университет; e-mail: we769@ya.ru

«MONSTRATION» AS A SEMIOSIS OF POLITICAL SIMULACRUM OF DEMONSTRATION: THE PHENOMENON OF RETURN TO THE REAL

O.A. Glushenkova, I.V. Sonich

Abstract

Problem and purpose. The paper analyzes the reasons for the emergence of the cultural phenomenon of Monstration and its representation as a socio-political phenomenon. The purpose of the article is the identification of the significant features of Monstration and their interpretation in the context of the concepts of J. Baudrillard and A. Camus.

The methodology of the study is the method of comparative analysis of May-Day demonstrations and Monstrations.

Results. Monstration arises as an opposition to demonstrations, which are in the position of the fourth order simulacrum – the absence of sense with no tries to hide it. Demonstrations are meaningless because of their traditional nature and lack of serious demands for change. An individual may not agree with the reality for various reasons and the reality does not provide him a space for free discourse – both social and political. Hence, according to the provisions of A. Camus, there comes an appeal to absurdity as a mockery of the apparent rationality of reality. The most relevant and significant Monstration is found in the remote regions of the Federation because it is there that society feels the greatest estrangement from participation in the life of the state. In addition, the reason for Monstration is also the possibility of creative self-expression, which is not always accompanied by any political or social position.

The conclusion. On the one hand, the analysis of characteristic features of Monstration shows the essence of this socio-cultural phenomenon, and the causes of its emergence represent crisis phenomena in contemporary Russian society, its political and social space. On the other hand, Monstration represents a fundamentally new space for the realization of creativity by the people – spontaneously, without special regulation on the part of the administrative resource, but at the same time orderly. It is this feature of Monstration that seems to be the most interesting, and it will serve as material for further research in this field.

Key words: *monstration, demonstration, simulacrum, Jean Baudrillard, absurd, Albert Camus.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Baudrillard J. Simulacra and simulation. Ripol Classic, 2013.
2. A rally in support of Telegram was held in Moscow // INTERFAX.RU: information agency. 2018.30. URL: <http://www.interfax.ru/moscow/610876> (reference date: May 23, 2013).
3. In Russia, celebrate the Spring and Labor Festival // NTV.RU: network edition. 2011.01.me. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/228080/> (circulation date: 23.05.2013).
4. In the Russian cities there was “Monstration”: gallery // RTVI.COM: network edition. 2018.01.me. URL: <https://rtvi.com/news/v-rossiyskikh-gorodakh-proshla-monstratsiya/> (circulation date: 23.05.2018).
5. TVERA FOR THE FIRST TIME WILL BE HELD “MONSTRATION” // Tver FM: network edition. 2018.25. apr. URL: <http://tver.fm/novosti-tveri/9621-v-tveri-vpervye-proydet-monstraciya.html> (reference date: 05/23/2018).
6. “Monstration” was held in Tula // AIF.RU: media. 2018.01. me. URL: http://www.tula.aif.ru/society/events/v_tule_proshla_monstraciya (date of circulation: 23/05/2018).
7. Zagidulina TA Analysis of the transformation of the models of the representation of the border state of flight in the light of the cultural approach // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. VP Astafieva. 2017. No. 1. P. 189–193.

8. The history of “Monstration”: from a group of artists to several thousand participants // SALT.ZONE: media project. 2018.13. URL: <https://salt.zone/news/10948> (reference date: May 23, 2013).
9. How was the rally in support of Telegram in St. Petersburg // DP.RU: network edition. 2018.01.me. URL: https://www.dp.ru/a/2018/05/01/Kak_prohodil_miting_v_pod (reference date: 05/23/2018).
10. Peace, work, monstration! The first of May in Vladivostok acquires unexpected features // PORTOFRANKO-VL.RU: network edition. 2018.01.me. URL: <http://portofranko-vl.ru/en/publication/mir-trud-monstratsiya-pervoe-maya-vo-vladivostoke-priobretaet-neozhidannye-cherty> (date of circulation: 05/23/2018).
11. On May 1, Isaakievskaya Square, hand in hand, was held by communists, feminists and nationalists // NEVNOV.RU: network publication. 2015.01.me. URL: <https://nevnov.ru/79400-na-isaakievskoj-ploshhadi-1-maya-ruka-ob-ruku-mitingovali-kommunisty-feministy-i-nacionalisty> (date of circulation: 23/05/2018).
12. About 40 people came to the first Orenburg Monstration // ECHO.MSK.RU: radio station. 2018.01.me. URL: <http://echo-oren.ru/2018/05/01/37102> (date of circulation: May 23, 2018).
13. One of the organizers of the Novosibirsk Monstroy was detained in Novosibirsk // RIA.RU: network publication. 2009.16. May. URL: <https://ria.ru/incidents/20090516/171264211.html> (date of circulation: 23/05/2018).
14. The first in Vologda # The montage took place. We are few, but we were the first! Peace! Moore! May! // NEWSVO.RU: online edition. 2018.01.me. URL: <http://newsvo.ru/blogovo/100039> (reference date: May 23, 2013).
15. Picket against the arrest of the artist Loskutova was held in Novosibirsk // RIA.RU: network edition. 2009.29.me. URL: <https://ria.ru/society/20090529/172702313.html> (date of circulation: 23/05/2018).
16. The president and prime minister were resettled in Zhiguli // KOMMERSANT.RU: online edition. 2012.02.me. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1927245> (reference date: May 23, 2013).
17. Supporters of the artist Loskutov picketed the building of the UPC in Moscow // RIA.RU: network edition. 2009.25.may. URL: <https://ria.ru/society/20090525/172271086.html> (date of circulation: 23/05/2018).
18. About 40 people became members of the first in Irkutsk montage “Mem, Labor, May Day” // IRCITY.RU: news agency. 2018.01.me. URL: <https://ircity.ru/news/29058/> (reference date: May 23, 2013).
19. Photo of the week: The first Tomsk “Monstration” // OBZOR.WESTSIB.RU: daily online edition. 2018.01.me. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/570135—foto-nedeli-pervaja-tomskaja-monstracija> (date of circulation: 23/05/2018).
20. Glushenkova O. A. Transformation of the Subject in the Act of the Reverse Birth: Analysis of the Search for the Lost Mother (based on A. Platonov’s Texts) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. 5.

About the authors

Olga A. Glushenkova – post-graduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: netzumi@mail.ru

Irina V. Sonich – student, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation; e-mail: we769@ya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи (кратко): постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформля-

ется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (транслитерация);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

1. Библиографический список на русском языке и транслитерация на латинице.
2. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

3. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Голуб Г.Б., Фишман И.С., Фишман Л.И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–173.
2. Двучичанская Н.Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций [Электронный ресурс] // Наука и образование: науч.-технич. издание. 2011. № 4. URL: <http://technomag.edu.ru/doc/172651.html> (дата обращения: 12.02.2018).
3. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 274 с.

4. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 21–26.

5. Шкерина Л.В. Междисциплинарные модули в программе бакалавриата педагогического направления подготовки: проектирование и реализация // Образование и общество. 2015. № 1 (90). С. 65–70.

6. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе

Сидорова Алевтина Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail:...

NEW STANDARDS – NEW CONTENT
AND TECHNOLOGY EDUCATION
A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Key words (английский перевод ключевых слов)

Bibliograficheskij spisok (Transliteration)

About the author

Alevtina G. Sidorova – PhD in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail:...

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2018. № 3 (3)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-82

Подготовлено к изданию 06.07.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,0